

ЧЕШСКИЕ АТТРИБУТИВНЫЕ ПРИЧАСТИЯ
НА ФОНЕ РУССКИХ

А. И. Изотов

ББК 81-923

ИЗ87

Печатается в соответствии с решением
Редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова

Рецензент:

доктор филологических наук, профессор *А. Г. Широкова*

ИЗ97 А. И. Изотов

**Чешские атрибутивные причастия на фоне русских
(*Česká a ruská participia složená*). - М., 1993 - 100 с.**

В настоящей монографии предпринята попытка вычленения в пределах девербативной лексики современного чешского языка системы полных причастий (в соответствии с чешской лингвистической традицией все подобные образования рассматриваются в общей массе отглагольных прилагательных и категориально не оформлены, существующий же чешский термин *příčestí* (национальная огласовка латинского *participium*) обладает иным наполнением, чем русский термин *причастие*). В первой главе анализируются категориальные значения чешских полных причастных форм в сопоставлении с русскими, во второй – особенности семантико-синтаксического функционирования причастного определения в современных чешском и русском языках.

Предназначается для научных работников и преподавателей филологических специальностей.

ББК 81-923

ИЗ87

© А.И. Изотов, 1993

Электронная версия монографии, изданной в 1993.

На стр.1, 2 (выше), 100 воспроизведены данные книжного издания.

В электронной версии исправлены замеченные опечатки, а также внесены изменения чисто технического характера, касающиеся оформления заголовков, ссылок, примеров, библиографии, в связи с чем расположение текста на некоторых страницах электронной версии может не совпадать с расположением этого же текста на страницах книжного издания.

При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению системы полных причастных форм современного чешского литературного языка на фоне русской причастной системы. Для анализа привлекаются атрибутивные конструкции с полными причастными формами, функционирующие в современных чешских художественных, научных и публицистических текстах.

Целью настоящего исследования является установление системы полных причастных форм чешского глагола, определение категориального статуса отдельных причастных типов, выявление их функциональной и стилистической значимости с учетом формально-структурных характеристик и лексико-семантического содержания.

Конкретные задачи работы сводятся к следующему:

- 1) определение в пределах чешской девербативной лексики системы полных причастных форм чешского глагола;
- 2) определение степени выраженности глагольных категорий вида, времени и залога в чешских полных причастиях в сопоставлении с русскими;
- 3) выявление функциональной и стилистической значимости чешских полных причастных форм на фоне русских, определение факторов, влияющих на активизацию глагольных или неглагольных элементов причастной системы.

Актуальность избранной темы обусловлена наличием четко выраженного несоответствия систем полных причастных форм в современных чешском и русском литературных языках как в плане их формального выражения, так и в плане их функциональной и стилистической значимости, а также недостаточной разработанностью указанной проблематики в сопоставительном плане.

В современном русском языке представлены четыре продуктивных форманта для образования причастий, восходящие к праславянским суффиксам *-nt-*, *-s-*, *-n-/t-*, *-m-* (Ср.: *дела-ющ-ий*, *(с)дела-вш-ий*, *(с)дела-нн-ый*, *дела-ем-ый*). В современном чешском языке суффикс *-m-*, восходящий к праславянскому суффиксу *-m-*, в качестве причастного не функционирует, а причастный суффикс *-(v)š-*, восходящий к праславянскому суффиксу *-s-*, используется для образования полных причастных форм крайне редко. Кроме того, в современном чешском языке, в отличие от русского, отчетливо причастный характер могут иметь полные формы так называемых эловых причастий. Мы солидарны с мнением Ф. Копечного, писавшего, что «чешский язык принадлежит к тем славянским языкам, ... , где форма на *-hý* должна рассматриваться и в дальнейшем как причастие, а не как ... отглагольное прилагательное» [Кореšný 1958: 154].

Современный чешский литературный язык располагает, таким образом, четырьмя типами полных причастных форм: действительным причастием

настоящего времени типа *dělající*, действительным причастием прошедшего времени типа *udělavší*, действительным причастием прошедшего времени типа *přišlý* и страдательным причастием типа *(u)dělaný/(u)krytý*.

Полные причастные формы на *-cí* мотивируются исключительно глаголами несовершенного вида, полные причастные формы на *-lý* и на *-ší* — практически исключительно глаголами совершенного вида. Полные причастные формы на *-ný/-tý* могут быть как перфективными, так и имперфективными, при этом их временная семантика определяется видом мотивирующего глагола — перфективные формы характеризуются причастным прошедшим временем, имперфективные же формы характеризуются, как правило, причастным настоящим временем.

Полные причастные формы на *-ný/-tý* мотивируются прямо или косвенно переходными глаголами, полные причастные формы на *-lý* — непереходными глаголами. Полные причастные формы на *-cí* и на *-ší* образуются парадигматически.

Несовпадение инвентаря причастных формантов обуславливает неравную степень выраженности в чешских и русских полных причастных формах глагольных категорий вида, времени и залога и приводит к различиям в функционировании полных причастий в обоих языках.

Следует также отметить, что в то время как русскому причастию, его семантике, категориальному статусу и функционированию посвящена богатейшая литература — статьи, монографии, диссертационные исследования (см. список литературы), чешские причастные формы рассматривались до сих пор, как правило, в общих курсах грамматики чешского языка (ср. [Gebauer 1929]; [Gebauer-Ertl 1926]; [Havránek-Jedlička 1986]; [Trávníček 1951]; [Šmilauer 1971]; [GrepI-Karlík 1986]; [Mluvnice češtiny 1986]) или же привлекались для создания общеславянского контекста (ср. [Barnet 1965]). Исследования же, посвященные непосредственно чешским полным причастным формам, единичны, невелики по объему и затрагивают, как правило, лишь тот или иной аспект проблематики. Что же касается сопоставительных чешско-русских и русско-чешских исследований, то они не охватывают, как правило, всей системы полных причастных форм.

Методы исследования

В настоящей работе использовались прежде всего методы системно-структурного и функционального анализа. Системы полных причастных форм чешского и русского языка рассматривались как частные морфологические системы, то есть как совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. В настоящей работе определяются правила организации системы полных причастных форм в современном чешском литературном языке, устанавливается иерархия и место отдельных причастных типов в чешской причастной системе. В работе анализируются сходства и

различия в структурной организации причастных систем современных чешского и русского литературных языков, определяется характер и число оппозиций, образуемых чешскими и русскими причастными формами.

В настоящем исследовании мы также пытались определить, в какой мере различия в структурной организации причастных систем чешского и русского языков, а также неравный семантический потенциал соотносительных чешских и русских причастных типов определяют сходства и различия в функциональных возможностях причастий в современных чешском и русском языках.

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на важность различия уровня системы языка и области функций, ср. [Leška 1962], [Leška, Kurimský 1962], [Barnetová, Barnet 1962]. При этом «... поскольку сходства и различия языков имеют характер эквивалентности, то при сопоставительном изучении систем речь может идти об эквивалентности системной, при сопоставлении функциональном — об эквивалентности функциональной. Акцент на одной из них зависит от целей описания и структурной близости сравниваемых языков: для конфронтации языков с более отдаленными структурами центр тяжести находится на конфронтации системной, при сопоставлении языков с близкими структурами центр тяжести переносится на конфронтацию функциональную» [Широкова 1978: 7]. Таким образом, «... задачами изучения грамматического строя славянских языков на фоне сходств и системной соотносительности языков является выявление содержательной, семантической значимости той или иной категории (того или иного языкового средства), определение функционального объема изучаемых категорий, детальное изучение условий их употребления, выявление их стилистического статуса, синонимических средств выражения, их совместной встречаемости и комплиментарности» [Широкова 1978: 5-6]. При этом «... собственно сравнение можно производить лишь после описания, другими словами, необходимо для каждого языка отдельно выявить и описать функции и категории» [Косериу 1989: 71]

В настоящем исследовании мы придерживались следующих общепринятых принципов теоретического сопоставления языков:

Принцип сравнимости, предполагающий прежде всего определение функционально сходных явлений в сопоставляемых языках, ср. [Barnetová, Barnet 1962: 58]. Нередко оказывается, что в одном из сопоставляемых языков представлен какой-то значимый элемент, а в другом аналогичного элемента не существует. Так, современный русский язык располагает причастием типа *делаемый*, в то время как в чешском языке причастия с генетически тождественным суффиксом *-m-* отсутствуют. Тем не менее конструкции с русскими страдательными причастиями настоящего времени без каких-либо затруднений переводятся на чешский язык, а именно конструкциями с имперфективными причастиями с суффиксом *-n/-t-* типа *dělaný*; ср. [Zatovkaňuk 1984/85, 347].

Структурно не тождественные единицы становятся сравнимыми благодаря их функциональному сходству. Так как все естественные языки обладают достаточной полнотой выразительных средств и выражают одну и ту же внеязыковую действительность, сходства и различия между языками следует искать в способах выражения этой внеязыковой действительности. Как неоднократно отмечалось, «... русский язык не представляет мир как-то иначе, чем чешский, но в силу разных причин он пользуется другими формами для его представления» [Скаличка 1989: 29].

Принцип системности, в соответствии с которым сопоставление не может опираться на искусственно изолированные единицы, но должно исходить из системных отношений элементов языка: сравниваться должны парадигматические группировки (подсистемы, поля, лексико-грамматические группы, синонимические ряды и т.д.). Отдельные же элементы языка должны сравниваться в пределах парадигматических группировок, они должны рассматриваться, таким образом, как части соответствующих парадигматических группировок. Так, при сопоставительном анализе современных чешского и русского языков нам не представляется целесообразным сопоставление отдельных причастных типов названных языков: в переводных русско-чешских конструкциях одному русскому причастному типу (*с)делавший* могут соответствовать все представленные в современном чешском литературном языке типы полных причастных форм, ср. [Zatovkaňuk 1985/1986: 56].

Достаточно убедительно сопоставлены могут быть, таким образом, лишь системы полных причастий названных языков в целом, но никак не изолированные элементы этих систем. При этом, однако, следует иметь в виду, что ограничение исследования рамками морфологической системы (в нашем случае рамками системы полных причастных форм) также является, в свою очередь, некоторым упрощением проблематики, поскольку «... каждый язык в отдельности — это замкнутая система. Поэтому всякое сравнение двух языков отчасти означает некоторое разрушение этих систем, ибо сравниваются какие-то части, подчас занимающие в этих системах совсем разные места» [Скаличка 1989: 27].

Принцип терминологической адекватности, в соответствии с которым сопоставлению должно предшествовать определение терминологии, чтобы используемые термины адекватно обозначали сравниваемые явления в обоих языках. Как отмечают О. Лешка и А. Куримский, «... при сопоставлении необходимо опираться на понятия, объединяющие сравниваемые явления, то есть при сопоставлении фактов разных языков необходимо соотносить их с унифицирующей понятийной системой» [Leška, Kurimský 1962: 209]. Очевидно, что для того, чтобы «... обеспечить рациональное сравнение, необходимо ... осуществить описание сравниваемых языков строго одним методом, с использованием одинаковой техники и с помощью одного и того же понятийного аппарата» [Косериу 1989: 70].

Принцип достаточной глубины сравнения, предполагающий учет всех существенных сходств и различий сравниваемых языковых явлений. Так, простая констатация того факта, что в современном чешском языке перфективные полные причастия на *-ný/-tý* типа *udělaný/ukrytý* характеризуются причастным прошедшим временем, а имперфективные причастия с тем же суффиксом характеризуются причастным настоящим временем, в то время как в современном русском языке все причастия с суффиксом *-енн-// -нн-// -т-* являются причастиями прошедшего времени, не может рассматриваться как исчерпывающая. Необходимо при этом отметить принципиальное различие характера временной семантики причастий чешского и русского языков: в то время как русские причастия характеризуются как относительной, так и абсолютной временной ориентацией, временная ориентация чешских полных причастных форм всегда относительна.

Принцип учета родства и типологической близости, в соответствии с которым при сопоставлении близкородственных языков, какими, в частности, являются современные чешский и русский языки, основное внимание должно быть уделено сопоставлению функциональному, возможному, безусловно, лишь при учете системно-структурной соотносительности изучаемых явлений, в данном случае частных морфологических систем полных причастных форм.

Принцип учета положительного и отрицательного переноса лингвистических знаний, основывающийся на том, что лингвистические знания, добытые при исследовании структуры одного языка, несомненно, помогают при изучении структуры другого. С другой стороны, этот принцип запрещает механически приписывать признаки одного языка другому. Как неоднократно отмечалось, «... взгляд на язык сквозь призму структуры другого языка, как это происходит при сопоставительном исследовании, обуславливает определенную односторонность лингвистического анализа. В соответствии с этим говорится об опасности деформации описания строя изучаемого языка. Это проявляется наиболее ярко тогда, когда один из сопоставляемых языков является родным» [Barnetová-Barnet 1962: 55]. Примером отрицательного переноса лингвистических знаний может служить, на наш взгляд, обычное в русской богемистике обозначение всех чешских полных причастных форм на *-ný/-tý* типа *(u)dělaný/(u)krytý* «причастиями прошедшего времени».

Принцип двусторонности сравнения, проводимого при условии сопоставимости систем. Очевидно, что подобное двустороннее сравнение в отличие от одностороннего позволяет предвидеть многие межязыковые интерференции, выявить сразу не замеченные особенности как первого, так и второго языка, ср. [Юсупов 1988: 10].

Принцип учета функциональных стилей, в соответствии с которым привлекаемый разноязычный материал должен извлекаться из произведений, относящихся к одному и тому же функциональному стилю. Данный аспект немаловажен, так как стилевая и стилистическая дифференциация

языковых явлений редко совпадает даже в близкородственных языках [Varnetová, Barnet 1962: 59].

Интересно, что при общей функциональной нагрузке стилистическая интерпретация тех или иных явлений в сопоставляемых языках может быть различной. Поэтому, говоря о стилистической дифференциации в близкородственных языках, необходимо учитывать причины, определяющие выбор того или иного языкового средства. При этом немалую роль играет соотношение литературного языка и других форм существования языка нации (функциональные ответвления литературного языка, обиходно-разговорная речь, диалекты и интердиалекты), коммуникативное намерение говорящего (его отношение к выражаемому содержанию), а также отношение адресата к содержанию высказывания.

Не вызывает сомнения положение о том, что «... одной из важнейших предпосылок методически правильного сопоставительного описания является установление типовых эквивалентов — наиболее употребительных, узуальных и адекватных средств передачи смысла изучаемых категорий или их форм» [Широкова 1980: 3]

Следует подчеркнуть, что понятие типового функционально-семантического эквивалента (ср. [Широкова 1980, 5-7]) не тождественно понятию эквивалента перевода и предполагает следующее:

1. Тождественность лексического значения словоформы, словосочетания или целого высказывания в языке оригинала и в языке перевода при необязательности их морфологического тождества. Известно, что «...сходные или даже идентичные разграничения в содержании нередко осуществляются разными языками в разных сферах их структурирования: одним языком, например, в грамматике, а каким-то другим — в сфере словарного состава или даже средствами фонетики» [Косериу 1989: 7]. Так, далеко не всегда причастной конструкции в одном языке может соответствовать причастная же конструкция в другом. Весьма существенные лексико-грамматические и узуально-стилистические ограничения, накладываемые в современном чешском языке на образование полных причастных форм действительного залога прошедшего времени, нередко вынуждают говорящего обращаться для передачи законченного дополнительного действия в прошлом к иным грамматико-синтаксическим средствам (деепричастным конструкциям, придаточным предложениям и т.п.).

2. Тождественность выражаемых отношений. Эквивалентные единицы должны быть функционально тождественны, то есть передавать одно и то же сообщение о внеязыковой действительности. В качестве обязательного признака понятие функционального тождества включает тождество фоно-морфологического или морфо-синтаксического окружения. Так, эквивалентность чешских форм типа *zrudlý* и русских форм типа *покрасневший* подтверждается тождеством морфо-синтаксического окружения, а также идентичными контекстами, совпадающими в своих основных типовых значениях.

3. Регулярная употребительность данных единиц в сопоставляемых языках, их узуальность. Единицы сопоставляемого языка, претендующие на роль функционально-семантического эквивалента, должны употребляться в языке перевода так же регулярно, как и в языке оригинала. Так, чешская форма на *-ší* типа *přišedší* не может рассматриваться в качестве типового функционально-семантического эквивалента русской форме на *-(e)вший* типа *пришедший* в связи с малоупотребительностью данного причастного типа. Типовым функционально-семантическим эквивалентом в данном случае являются формы на *-lý* типа *přišlý*.

4. Стилистическая адекватность. В соответствии с данным критерием регулярно употребляющиеся единицы языка, тождественные в лексическом отношении, а также в отношении выражаемых ими грамматических категорий, не могут рассматриваться в качестве типовых функционально-семантических эквивалентов, если стилистические сферы их использования не совпадают.

Необходимость учета названных критериев определения типовых функционально-семантических эквивалентов обуславливает использование наряду с традиционными методами наблюдения и сравнения переводов также методов субституции, структурно-семантического анализа, а также трансформационного и дистрибутивного методов, позволяющих изучить как условия речевого употребления изучаемых причастных форм, так и возможности их преобразования в синонимические средства передачи тождественных значений.

Русско-чешские терминологические различия

Определенным препятствием для сопоставительного анализа могут явиться чешско-русские терминологические различия, обусловленные как двойственной глагольно-именной природой причастия, его грамматической и семантической неоднородностью, так и различиями в чешской и русской лингвистических традициях.

В чешской лингвистической литературе, как учебной, так и научной, термин *příčestí*, представляющий собой не что иное, как отечественную огласовку латинского *participium*, обладает несколько иной функциональной нагрузкой, чем русский термин причастие. Чешская лингвистика пользуется понятиями *причастие прошедшего времени (příčestí minulé)* и *страдательное причастие (příčestí trpné)*. Первым термином обозначаются глагольные формы на *-l* (именные зловые причастия), использующиеся в современном чешском языке для образования форм прошедшего времени и сослагательного наклонения: *nesl jsem, nesl bych*. Термин же *страдательное причастие* используется для обозначения кратких глагольных форм на *-n/-t*, структурно и генетически соответствующих русским кратким страдательным причастиям прошедшего времени: *nesen, přinesen, kryt, pokryt*.

Полные же формы, генетически, структурно и функционально корреспондирующие с русскими полными причастиями, в чешской лингвистической литературе принято рассматривать в общей массе мотивируемых глаголами адъективаций — так называемых *девербативных* или (*от*)*глагольных прилагательных* (*deverbativní / verbální / slovesná adjektiva*), ср. [Gebauer 1929], [Trávníček 1951], [Šmilauer 1966; 1971; 1972], [Navránek, Jedlička 1986]. Понятие *полная причастная форма* в чешской богемистике отсутствует, так как предполагается, что причастия *краткие* по определению.

Следует, однако, отметить, что авторы трехтомной академической грамматики чешского языка [Mluvnice češtiny 1986-1987] намечают, хотя и не вполне последовательно выдерживая, разграничение *девербативных прилагательных* (*deverbativní adjektiva*) — с одной стороны, и *вербальных прилагательных* (*slovesná/verbální adjektiva*) — с другой. Вербальные прилагательные, в отличие от девербативных прилагательных, рассматриваются авторами [Mluvnice češtiny II: 141] как результат грамматической транспозиции глагола. Соотносительность атрибутивных конструкций с вербальными прилагательными и конструкций предикативных представлена авторами «Грамматики ...» с помощью следующих соответствий:

<i>Rodiče, kteří vychovávají děti</i>	<i>vychovávající děti</i>
<i>Rodiče, kteří vychovali děti</i>	<i>vychováví děti</i>
<i>Děti, které jsou vychovávány rodiči</i>	<i>děti vychovávané rodiči</i>
<i>Děti, které jsou vychovány rodiči</i>	<i>děti vychované rodiči</i>
<i>List, který spadl ze stromu</i>	<i>spadlý ze stromu</i>

Исходя из особенностей видо-временных и залоговых значений вербальных прилагательных, авторы «Грамматики ...» предлагают следующие их типы:

- адъективированное деепричастие настоящего времени типа *dělající* – вербальное прилагательное на *-cí*;
- адъективированное действительное причастие типа *spadlý* – вербальное прилагательное на *-lý*;
- адъективированное страдательное причастие типа *udělán/udělaný*; *kryt/krytý* – вербальное прилагательное на *-ný/-tý*;
- адъективированное деепричастие прошедшего времени типа *udělavší* – вербальное прилагательное на *-ší*. [Mluvnice češtiny 1986. II: 142]

NB. Следует иметь в виду, что в чешской лингвистической традиции под адъективацией партиципальных форм понимается не изменение частеречной принадлежности, а сам факт приобретения ими полных окончаний!

Выделяемые авторами [Mluvnice češtiny 1986] типы вербальных прилагательных (далее также ВП) соотносимы в определенном плане с рассматриваемыми в настоящем исследовании типами полных причастных форм

(далее также ППФ) чешского глагола. Следует, однако, отметить, что хотя именно названные типы вербальных прилагательных, а именно ВП на *-cí*, ВП на *-lý*, ВП на *-ší* и ВП на *-ný/-lý*, ложатся в основу выделяемых нами типов полных причастных форм (формы на *-cí*, формы на *-lý*, формы на *-ší* и формы на *-ný/-lý*), понятие вербальное прилагательное и понятие полное причастие не совпадают. Содержание используемого нами термина полная причастная форма уже понятия вербальное прилагательное в его традиционном для чешской лингвистики смысле и несколько шире понятия, вкладываемого в тот же термин авторами первого и второго томов [Mluvniče češtiny 1986].

Предметом нашего исследования являются не все существующие в современном чешском языке мотивируемые глаголом адъективации (термин «вербальное прилагательное» в его традиционном употреблении), а лишь те из них, которые находятся в теснейшей структурной и семантической связи с краткими причастными формами, являясь не только генетически, но и на современном этапе развития чешского языка полными причастными формами. Иначе говоря, мы исходим из оправданности категориального оформления атрибутивных причастий не только для русского, но и для чешского материала.

При этом мы не ограничиваемся, как авторы первого и второго томов «Грамматики ...» при вычленении вербальных прилагательных, только теми формами, которые передают «непостоянный, ограниченный во временном плане признак» [Mluvniče češtiny 1996, II: 69]. Огромная масса полных причастных форм и в чешском, и в русском языках способна в зависимости от контекста выражать как непостоянный, так и относительно постоянный, вневременной признак, не переходя при этом всякий раз в другую часть речи (ср. чешск. *cesta vedoucí podél trati* 'дорога, идущая вдоль железнодорожного полотна' :: *vedoucí místo* 'руководящий пост' и русск. *решающее исход войны сражение* :: *решающее сражение*). Осуществленное авторами «Грамматики ...» отнесение к разным частям речи по сути дела одних и тех же полных причастных форм, приводящее к образованию множества омонимичных пар *вербальное прилагательное (глагол)* :: *девербативное прилагательное (имя прилагательное)*, представляется нам несколько искусственным. Несомненно, склонность к преимущественному выражению непостоянного, денотативно незакрепленного или же, наоборот, постоянного, вневременного признака изначально заложена в каждой конкретной полной причастной форме, однако реализация этой склонности возможна только в контексте, в реальном функционировании конкретных полных причастных форм. Впрочем, различие вербальных и девербативных образований, не признаваемое и не учитываемое в третьем томе «Грамматики ...» (ср. [Mluvniče češtiny 1987, III: 69], недостаточно последовательно проведено и в первых двух томах. В то время как в разделе «Словообразование» все полные причастные формы на *-cí* отнесены к *вербальным прилагательным* [Mluvniče češtiny 1986, I: 321-322], в разделе «Функциональная морфология» часть

из них уже выступает как *девербативные прилагательные* [Mluvnice češtiny 1986, II: 69].

Принятый в настоящем исследовании термин *полная причастная форма* соотносится с используемым в первом томе «Грамматики ...» термином *вербальное прилагательное* следующим образом:

1. Содержание термина *полная причастная форма на -ší* тождественно содержанию термина *вербальное прилагательное на -ší*.

2. Содержание термина *полная причастная форма на -cí* тождественно содержанию термина *вербальное прилагательное на -cí*.

3. Содержание термина *полная причастная форма на -lý* помимо содержания термина *вербальное прилагательное на -lý* включает в себя также *активные качественное результативные девербативные прилагательные типа zhyralý*.

4. Содержание термина *полная причастная форма на -ný/-tý* помимо содержания термина *вербальное прилагательное на -ný/-tý* включает в себя также следующие выделяемые авторами «Грамматики ...» типы *девербативных прилагательных*:

- *пассивные результативные прилагательные типа okouzlený*;
- *пассивные нерезультативные прилагательные типа toužený*;
- *активные нерезультативные прилагательные типа osvědčený*.

Названные типы девербативных прилагательных с вербальными прилагательными объединяет прежде всего охарактеризованность по залогу. Кроме того, все рассматриваемые адъективации, независимо от того, к глаголу (вербальные прилагательные) или к имени прилагательному (девербативные прилагательные) их отнесли авторы «Грамматики ...», с морфологической точки зрения являются полными причастными формами, именно этим они могут быть противопоставлены прочим девербативным прилагательным. Подчеркивать же разную степень их адъективированности нам не представляется оправданным, если учитывать разницу в понятиях, вкладываемых в термин адъективация чешскими и русскими лингвистами.

Учитывая изложенное, а также то обстоятельство, что термин *полная причастная форма*, в отличие от терминов *причастие* или *девербативное прилагательное*, обозначающих различные понятия в чешской и русской лингвистической литературе, выражает одно и то же явление в обеих лингвистических традициях, а единообразие терминологии является, безусловно, необходимой предпосылкой всякого сравнения (ср. [Leška, Kurimský 1962: 209], в дальнейшем изложении мы будем пользоваться термином *полная причастная форма* и термином *полное причастие* применительно к материалу как русского, так и чешского языков.

Теоретические источники

В настоящей работе мы учитывали результаты ряда исследований, посвященных анализу полных причастных форм чешского и русского языков.

Одним из наиболее значимых исследований, затрагивающих интересующую нас проблематику, безусловно является монография академика Б. Гавранека о залоге в славянских языках, второй том которой всецело посвящен причастным формам [Navránek 1937]. Немалый интерес для нас представляли не только рассматриваемые в монографии типы причастных форм в различных славянских (в том числе чешском и русском) языках, но и некоторые делаемые попутно частные выводы. Так, для нас было необычайно интересно убедительное обоснование абсолютности временной семантики причастий с суффиксом *-n-/-t-* в древнечешском языке. Свидетельство о том, что относительность временной семантики у названного типа причастий — явление не исконное, а сравнительно позднее, может, как нам представляется, объяснить то сложное переплетение относительной и абсолютной временной семантики, которое мы наблюдаем у определенных лексико-семантических групп этого типа причастий в современном чешском языке.

Для уяснения исторической перспективы чешских полных причастных форм необычайно ценными для нас были также монографии В. Барнета и Э. Дворжака. В фундаментальном исследовании В. Барнета «Развитие системы причастий действительного залога в русском языке» [Barnet 1965] тщательнейшим образом анализируется возникновение славянских **-nt-* и **-s-* причастий, а также рассматривается их дальнейшее развитие в русском языке на широком общеславянском фоне. Для нас было интересным обоснование В. Барнетом роли полных причастных форм в литературных славянских языках как средства смысловой конденсации и интеллектуализации выражения. Монография Э. Дворжака, посвященная деепричастным конструкциям в истории чешского языка [Dvořák 1970], немалое внимание уделяет также и полным причастным формам. В частности, интерес представляет свидетельство автора о единичных (впрочем, окказиональных и небесспорных) случаях употребления полных причастных форм на *-(v)ší* в памятниках чешской письменности XVI-XVII веков. Как известно, данный причастный тип (полные формы **-s-* причастий) был создан деятелями чешского национального возрождения по образцу русских причастий типа *(с)делавший* в первой половине XIX века и искусственно внедрялся в чешскую причастную систему [Лилич 1963, 34-42]; [Gebauer 1929, 613].

В статье Ф. Копечного, посвященной истории и современному положению в различных славянских языках полных форм так называемых эловых причастий, сделан важный для нашей работы вывод о том, что в современном чешском языке полная форма на *-lʹ* должна рассматриваться не как отглагольное прилагательное, а именно как причастие [Корецьký 1958: 154].

Сопоставляя параллельно существующие в современном чешском литературном языке действительные причастия прошедшего времени на *-lý* и на *-ší*, автор отмечает как сходство их семантики, так и определенные различия. Бесспорное сходство названных причастных типов заключается в близости категориальной и лексической семантики соотносительных форм (ср. вынесенную в заголовок статьи корреляцию *přišlý, zahynuvší* ‘пришедший, погибший’ :: *přišlý, zahynulý* ‘те же значения’). Основные различия названных типов причастий Ф. Копечный видит в парадигматичности форм на *-ší* и непарадигматичности форм на *-lý*, а также в непоследовательном, по мнению автора, выражении временного и особенно залогового значения формами на *-lý*. (Тезис о непоследовательности выражения временного и залогового значения причастий данного типа мы попытаемся оспорить в настоящем исследовании). Ф. Копечный отмечает также разницу в синтаксическом функционировании рассматриваемых форм: формы на *-lý* используются и в атрибуте, и в предикате, формы же на *-ší* способны выступать только в функции определения.

Несколько бо́льшая, по сравнению с формами на *-ší*, «адъективность» полных причастных форм на *-lý* отмечена и в статье В. Барнета, сопоставившего действительные причастия чешского и русского языков [Barnet 1958]. При этом соотносительные формы на *-lý* и на *-ší* рассматриваются В. Барнетом в качестве своего рода взаимодополняющих коррелятов форме на *-cí*. Ср.:

vznikající ‘возникающий’ :: *vzniklý* ‘возникший’
vznikající ‘возникающий’ :: *vzniknuvší* ‘возникший’

Интересные чешско-русские соответствия в области причастных форм прослежены в статье В. Грабье об имперфективных полных причастиях в русском и чешском языках [Hrabě 1955]. Автор статьи отмечает функциональную неравнозначность в названных языках имперфективных полных причастных форм с суффиксом *-n/-t-*. В то время как в русском языке страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида типа *деланный* используются крайне редко, встречаемость чешских полных причастий на *-ný/-tý* типа *dělaný* достаточно высока. В связи с этим при чешско-русских и русско-чешских переводах чешское имперфективное полное причастие на *-ný/-tý* типа *dělaný* соотносится не с генетически близким ему русским страдательным причастием прошедшего времени несовершенного вида типа *деланный*, а сразу с тремя русскими имперфективными формами: со страдательным причастием настоящего времени типа *делаемый* и с двумя возвратно-страдательными причастиями — настоящего времени типа *делающийся* и прошедшего времени типа *делавшийся* [Hrabě 1955: 378]. Анализируя имперфективные причастия действительного залога в обоих языках, В. Грабье отмечает соотносительность единственно возможного в современном чешском языке имперфективного действительного причастия на *-cí* типа *dělající* сразу с двумя русскими имперфективными причастиями: действительным причастием настоящего времени типа *делающий* и с дейст-

вительным причастием прошедшего времени типа *делавший* [Hrabě 1955: 380].

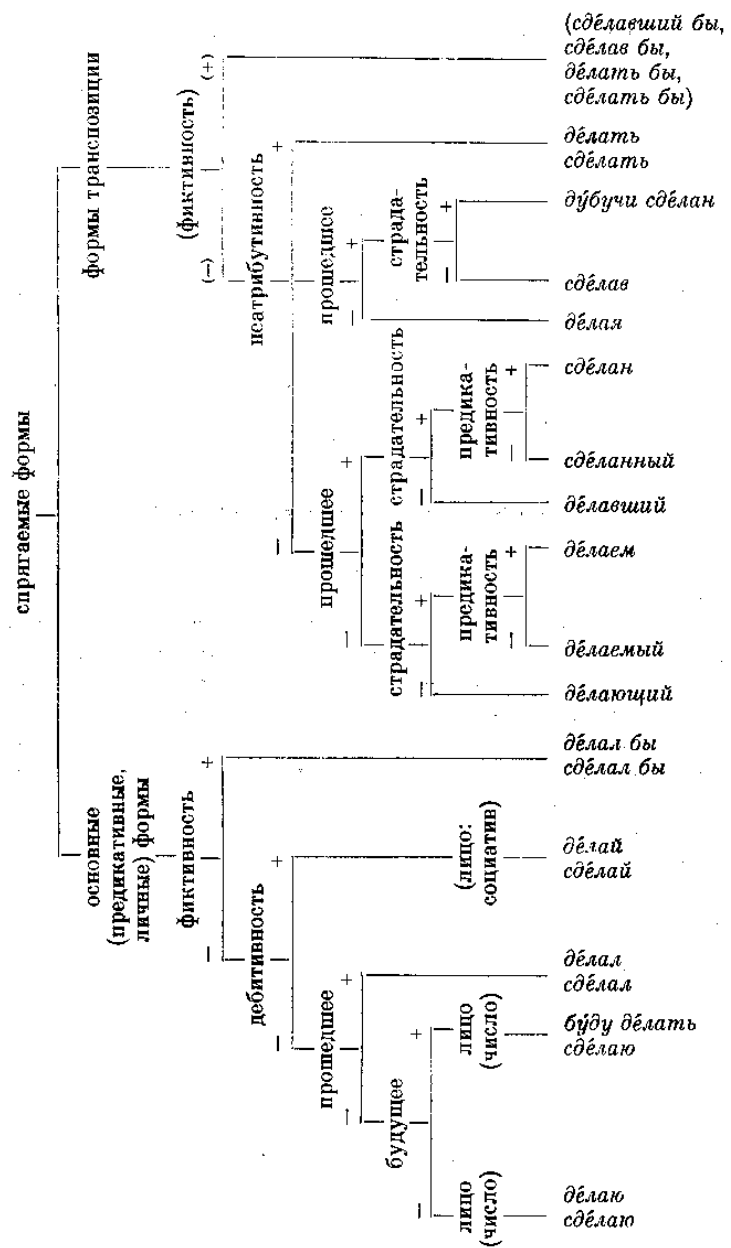
Проблемам перевода русских причастных конструкций на чешский язык посвящена статья З. Ганусовой [Hanusová 1984] и две статьи М. Затовканоука [Zatovkaňuk 1984/85], [Zatovkaňuk 1985/86]. Хотя эти работы неравнозначны как по характеру привлекаемого материала, так и по его объему, оба автора отмечают важный для нас факт необязательности сохранения причастной конструкции при переводе. В чешском переводе первой главы монографии Н. Гудзия «Л.Н. Толстой», сопоставленной З. Ганусовой с русским оригиналом, исходная причастная конструкция сохранена лишь в 20% случаев [Hanusová 1984: 5]. При переводе художественного текста процент сохранения причастных конструкций оказывается существенно выше. Так, почти половина причастных конструкций, представленных в тексте романа Л. Леонова «Русский лес», переведена на чешский язык причастными же конструкциями [Zatovkaňuk 1985/86, 56-58]. Однако и при художественном переводе обращает на себя внимание значительная роль непр причастных выразительных средств — придаточных предложений, адъективных конструкций, перестройки всей системы высказывания или группы высказываний. Названная статья М. Затовканоука интересна еще и тем, что она отмечает возможность соответствия одного русского причастного типа (*с*)*делавший* всем четырем представленным в современном чешском языке причастным типам, а именно причастию на *-ší*, причастию на *-lý*, причастию на *-ný/-tý*, причастию на *-cí*. Ср.:

<i>завоевавшийся</i>	<i>opozdivší se</i>
<i>распавшийся</i>	<i>rozpadlý</i>
<i>родившийся</i>	<i>zrozený</i>
<i>мнившийся</i>	<i>připadající</i>

Сопоставление текста романа «Русский лес» с его чешскими и словацкими переводами дало М. Затовканоуку материал и для статьи, посвященной русским конструкциям со страдательными причастиями настоящего времени, в которой автор отмечает регулярность перевода конструкций типа *читаемая книга* на чешский и словацкий языки конструкциями с имперфективными причастиями на *-ný/-tý* [Zatovkaňuk 1984/85].

О функциональном соответствии чешских имперфективных причастий на *-ný/-tý* и русских страдательных причастий настоящего времени упоминается также и в пражской «Русской грамматике» [Русская грамматика 1979: 239].

Значительный интерес для нас представляла концепция авторов «Русской грамматики», в соответствии с которой причастия современного русского литературного языка, рассматриваясь в числе форм глагольной транспозиции, могут быть сгруппированы следующим образом, ср. [Русская грамматика 1979: 656]:

Именно в пражской «Русской грамматике» представлено, как мы считаем, одно из наиболее удачных описаний русской причастной системы, состоящей, по мнению авторов данной грамматики, «... из 5-6 членов, упорядоченных по категории вида, времени и залога — делающий, делаемый, делавший, деланный, сделавший, сделанный» [Русская грамматика 1979: 272]. Авторами «Русской грамматики» убедительно обосновывается господство категории вида над категорией времени, вследствие чего на передний план выдвигается специфическое значение причастного или относительного времени (одновременность :: неодновременность), которое прочно связано с определенным видом.

Определение категориального статуса русских причастных форм осуществлено в монографии Л.П. Калакуцкой, посвященной грамматическим условиям адъективации причастий в современном русском языке [Калакуцкая 1971]. В нашей работе мы не касаемся проблемы адъективации чешских причастий, тем не менее определение временных и залоговых характеристик русских причастий, а также осуществленный в монографии критический разбор литературы по русской партиципологии представляли для нас значительный интерес.

В диссертационном исследовании Г.В. Донченко, посвященной временной семантике русских действительных причастий, содержится убедительное обоснование принципиального сходства временных потенциалов причастных и личных форм русского глагола, что, в частности, предполагает наличие у русских причастий как относительной, так и абсолютной временной ориентации [Донченко 1977: 15].

Немалый интерес для нас представляло и диссертационное сочинение И.В. Одинцовой, посвященное анализу зависимости выбора времени имперфективного действительного причастия, употребленного при подлежащем, от ситуативного и временного значения предложения. Автором убедительно показано, что «наряду с предложениями, в которых выбор временной формы причастия значим для смысла предложения [‘коррелирующее употребление временных причастных форм’], в русском языке имеются и такие высказывания, в которых замена одной временной формы на другую не отражается на общей смысловой организации предложения [‘свободное варьирование временных причастных форм’]» [Одинцова 1985: 5].

Необычайно интересными для нас были работы, посвященные двойственности семантико-синтаксического функционирования причастного атрибута, то есть исследования, анализирующие возможность русского причастия «употребляться двояко — как прилагательное и как глагол», ср. [Вострецова 1990: 1]. Способность атрибутивно употребленной причастной формы образовывать дополнительное ядро высказывания, своего рода скрытая предикативность причастного атрибута (ср. [Сазонова 1975: 91; 95]) обуславливает наличие между причастием и определяемым именем не только атрибутивных, но и в определенной степени предикативных отношений. В зависимости от степени актуализованности этой скрытой предикативности роль атрибутивной причастной конструкции в предложении

можно охарактеризовать как сказуемостную или же собственно атрибутивную, ср. [Корнилов 1971: 100]. Для обозначения сказуемостного употребления причастия в лингвистической литературе используются также термины ситуативное [Лисина 1986: 76], пропозитивное [Юшина 1986] и глагольно-атрибутивное [Вострецова 1990] употребление причастного определения. Для обозначения собственно-атрибутивного употребления причастия используется также термин атрибутивная семантико-синтаксическая функция причастного определения [Юшина 1986].

Весьма интересным для нашего исследования явилось выявление определенной зависимости между лексической семантикой мотивирующего глагола и склонностью причастной формы к преимущественному употреблению в той или иной семантико-синтаксической функции, осуществленное Л.Ю. Юшиной на материале страдательных, а Г.Ю. Вострецовой на материале действительных причастий современного русского литературного языка [Юшина 1986], [Вострецова 1990].

Значительный интерес для нас представляла концепция авторов пражской трехтомной академической «Грамматики чешского языка» [Mluvnické češtiny 1986; 1987], оперирующих при онтологической характеристике четырех полнозначительных частей речи (существительного, прилагательного, глагола, наречия) понятиями семантической основы (*významová báze*) и функционального признака (*funkční příznak*). В соответствии с этой концепцией семантическая основа полнозначительной части речи представлена онтологически значимым компонентом соответствующего ядерного знака, а функциональный признак — функцией в предложении, наиболее характерной для данной части речи. Так, по мнению авторов «Грамматики...», наиболее полное соответствие функционального признака семантической основе у имени существительного можно наблюдать в позиции подлежащего или дополнения, у прилагательного — в позиции согласованного определения, у глагола — в позиции простого глагольного сказуемого, у наречия — в позиции обстоятельства. Иначе говоря, соотношение понятий семантической основы и функционального признака в определенной степени коррелирует с соотношением традиционных понятий части речи и члены предложения.

Семантическая основа ядерных частеречных знаков символически обозначена авторами «Грамматики ...» прописными буквами (S — семантическая основа существительного, A — прилагательного, V — глагола, C — наречия), а функциональный признак — строчными буквами (s — функциональный признак существительного, a — прилагательного, v — глагола, c — наречия). В зависимости от степени соответствия функционального признака семантической основе авторы названной грамматики различают так называемые первичные (*primární*) и вторичные (*sekundární*) функции полнозначительных частей речи. Так, например, функция подлежащего является первичной для существительного и вторичной для прилагательного или глагола. Авторы «Грамматики ...» предлагают следующую таблицу,

представляющую первичные и вторичные функции существительного, прилагательного, глагола и наречия:

	s	a	v	c
S	S ^s	S ^a	S ^v	S ^c
A	A ^s	A ^a	A ^v	A ^c
V	V ^s	V ^a	V ^v	V ^c
C	C ^s	C ^a	C ^v	C ^c

Примеры к таблице: S^s — kos zpívá, chytil kosa ‘дрозд поет’, ‘поймал дрозда’, S^a — hlas kosa ‘голос дрозда’, S^v — tento pták je kos ‘эта птица — дрозд’, S^c — přiletěl s kosem ‘прилетел с дроздом’, A^s — sytý hladovému nevěří ‘сытый голодного не разумеет’, A^a — černý kos ‘черный дрозд’, A^v — kos je černý ‘дрозд — черный’, A^c — narodil se černý ‘родился черным’, V^s — pracovat neznamená řečnit ‘работать — не значит ораторствовать’, V^a — pracující muž, vůle pracovat ‘работающий мужчина, желание работать’, V^v — kos zpívá, kos byl chycen ‘дрозд поет’, ‘дрозд был пойман’, V^c — pracoval sedě, vrátil se vyléčen ‘работал сидя’, ‘вернулся выздоровевшим’, C^s — doma neznamená venku ‘дома не значит снаружи’, C^a — místo nahoře ‘место наверху’, C^v — je to zadarmo ‘это бесплатно’, C^c — pracoval zadarmo, příjemně teplý ‘работал бесплатно’, ‘приятно теплый’, ср. [Mluvnice češtiny II: 19].

Процесс переноса значимого компонента одного ядерного частеречного знака в функциональную позицию другого ядерного знака авторы «Грамматики...» называют частеречной транспозицией (slovnědruhovú transpozice). В результате подобной транспозиции происходит изменение или видоизменение (specifikace) плана содержания (význam) и изменение или видоизменение плана выражения (výraz). В свою очередь, частеречную транспозицию можно рассматривать как процесс законченный или не законченный. В первом случае авторы «Грамматики ...» говорят о транспозиции грамматической (transpozice gramatická), при которой речь идет о вторичной функции того же ядерного знака (ср. полное причастие как форма глагола). Во втором же случае авторы «Грамматики ...» говорят о транспозиции словообразовательной (transpozice slovtvorní), в результате которой происходит замена одного ядерного знака на другой (ср. отглагольное существительное, которое относится уже не к классу глаголов, а к классу существительных). Нередко определить границу между транспозицией грамматической и транспозицией словообразовательной бывает очень трудно. Так, если мы будем рассматривать образование отглагольных адъективалий как частеречную транспозицию ядерного знака V^v в направлении ядерного знака A^a, то полные причастия займут своего рода промежуточное положение: часть полных причастных форм следует рассматривать, безусловно, как формы глагола, то есть как V^a, а часть — как отпричастные прилагательные, то есть как (V > A)^a.

Авторы «Граматики...» рассматривают процессы грамматической и словообразовательной транспозиции как явления языковой системы (systémové transpozice), наряду с которыми мы можем наблюдать многочисленные функциональные транспозиционные процессы (transpoziční procesy funkční), относящиеся уже к сфере реального функционирования языковых средств (ср. транспозицию форм вида, времени, склонения и т.п.), ср. [Mluvnice češtiny II: 19-20, 141].

Источники фактического материала

В качестве источника фактического материала нами были использованы художественные, научные и публицистические тексты, представляющие состояние чешского литературного языка на современном этапе. В целом анализу подверглось около 11 тысяч конструкций с чешскими полными причастными формами. Основная масса эксерпций (около 9 тысяч) извлечена из произведений современной чешской художественной прозы. Анализируются различные в стилистическом отношении произведения, как-то:

— роман Я. Отченашека *Občan Brych*, написанный в основном на нормативном чешском литературном языке;

— роман И. Марека *Můj strýc Odysseus*, роман Я. Моравцовой *Gepard je nejrychlejší*, роман М. Капека *A je to gól!*, повесть В. Адловой *Růže z Flander*, сборник фантастических рассказов З. Розенбаума и Л. Салая *Dvojnásobný dvojník*, характеризующиеся литературным языком с элементами разговорной речи;

— фантастико-исторический роман А. Плудека *Nepřítel z Atlantidy*, отличающийся некоторой стилизацией и архаизацией повествования.

Около полутора тысяч эксерпций из текста второго тома «Граматики чешского языка» (*Mluvnice češtiny II*, 1986), подготовленной Институтом чешского языка Чехословацкой академии наук, представляет научный функциональный стиль современного чешского литературного языка.

Около пятисот эксерпций из статей газеты *Rudé právo* [номера от 31.12.88; 3.01.89; 17.01.89; 19.05.89; 23.05.89; 2.06.89; 16.06.89; 1.02.90; 11.12.90] представляют публицистический стиль современного чешского литературного языка.

Кроме того, в качестве дополнительного источника фактического материала по мере надобности привлекались в ограниченном объеме некоторые другие художественные, научные и публицистические тексты, а также использовались некоторые примеры на употребление редких в современном чешском языке полных причастных форм, любезно предоставленные в наше распоряжение С.С. Скорвидом.

Обследованный разнородный в стилевом и стилистическом отношении материал является, по нашему мнению, достаточно репрезентативным и может надежно представлять положение системы причастных форм в современном чешском литературном языке.

Глава 1. Категориальная семантика чешских полных причастных форм на фоне русских

В настоящей главе рассматриваются вопросы, связанные с определением в пределах чешской девербативной лексики системы полных причастных форм чешского глагола, с выявлением структурной организации этой системы и определением видо-временного и залогового потенциала отдельных системообразующих элементов — полных причастных форм на *-cí*, на *-lý*, на *-ší* и на *-ný/-tý*. Доказывается относительный характер временной семантики чешских полных причастных форм и ее обусловленность видом мотивирующего глагола — перфективные полные причастные формы на *-ný/-tý*, на *-lý* и на *-ší* характеризуются причастным прошедшим временем, имперфективные полные причастные формы на *-ný/-tý* и на *-cí* характеризуются причастным настоящим временем. Отмечается возможность транспозиции чешских причастий настоящего времени в план прошлого. Рассматриваются случаи конкуренции имперфективных и перфективных полных причастных форм в современном чешском литературном языке.

Анализируется залоговая семантика чешских полных причастных форм. Отмечается более последовательное выражение залоговых категорий чешскими имперфективными полными причастными формами, чем перфективными, а также возможность нейтрализации залоговой семантики у перфективных полных причастных форм на *-ný/-tý*, мотивируемых соотносительными по возвратности // невозвратности глаголами.

1. Образование и категориальная семантика отдельных типов полных причастных форм в современном чешском литературном языке

В современном чешском литературном языке представлены четыре типа полных причастных форм, которые в дальнейшем изложении мы будем обозначать как полные причастные формы на *-cí*, полные причастные формы на *-ší*, полные причастные формы на *-lý*, полные причастные формы на *-ný/-tý*.

Полные причастные формы на *-cí* характеризуются активной залоговой семантикой и передают причастное действие, одновременное с соотносительным действием предикативным, то есть выступают как действительные причастия настоящего времени. Формы на *-cí* парадигматически образуются от глаголов несовершенного вида с помощью форманта *-ouc-/-ic-/-jic-*: *nesoucí* 'несущий', *píšící* 'пишущий', *dávající* 'дающий'.

Полные причастные формы на *-cí* следует отличать от отглагольных прилагательных с генетически тождественным суффиксом *-c-* типа *holící* 'предназначенный для бритья, так или иначе связанный с процессом бритья'. В современном чешском языке разграничение подобных прилага-

тельных и причастий на *-cí* проведено достаточно последовательно. Названные прилагательные отличаются от причастий укороченным суффиксом, а также отсутствием процессуальной семантики, обозначая свойства, характеризующие определяемое имя как предмет, субстанцию или явление, предназначенное для осуществления той или иной деятельности. Ср. ниже пары *полное причастие на -cí :: отглагольное прилагательное с суффиксом -c-*:

<i>bijící hodiny</i>	‘часы, которые [в настоящий момент] бьют’
<i>bicí hodiny</i>	‘часы с боем’
<i>holící si tvář</i>	‘бреющий себе щеку’
<i>holící mýdlo</i>	‘крем для бритья’
<i>píšící něco člověk</i>	‘пишущий что-то человек’
<i>psací stroj</i>	‘пишущая машинка’

От полных причастных форм на *-cí* следует отличать также немногочисленные отглагольные прилагательные с суффиксом, тождественным варианту причастного суффикса *-ouc-*. Подобные прилагательные характеризуются отсутствием процессуальной семантики. Ср. ниже пары *полное причастие на -cí :: отглагольное прилагательное с суффиксом -ouc-*:

<i>hořící les</i>	‘горящий лес’
<i>horoucí přání</i>	‘горячее, страстное желание’
<i>žijící spolu</i>	‘живущие вместе’
<i>živoucí příroda</i>	‘живая природа’
<i>padající lešení</i>	‘падающие строительные леса’
<i>padoucí nemoc</i>	‘падучая болезнь, эпилепсия’

Полные причастные формы на *-ší* характеризуются активной залоговой семантикой и передают причастное действие, предшествующее соотносительному предикативному действию, то есть выступают как действительные причастия прошедшего времени. Формы на *-ší* парадигматически образуются от глаголов совершенного вида при помощи форманта *-š-/-vš-*: *přišedší* ‘пришедший’, *udělavší* ‘сделавший’. Причастия на *-ší* сохраняют глагольные свойства, как принято считать, в наибольшей степени, ср. [Mluvnice češtiny III: 69]. Полные причастия на *-ší* не субстантивируются, не адъективируются и не используются для дальнейшей деривации. Тем не менее, несмотря ни на парадигматичность их образования, ни на выразительность временной и залоговой семантики, их употребительность минимальна. Эти формы, созданные в начале XIX века по образцу русских действительных причастий прошедшего времени, так и не были в полной мере усвоены чешским языком. Возможно, закреплению полных причастных форм на *-ší* в языке препятствовало то обстоятельство, что для выражения активного предшествующего действия в чешском языке, как это показал В. Барнет, с

древнейших времен функционировала полная причастная форма на *-lý*, ср. [Barnet 1958: 99]. Против употребления полных причастных форм на *-ší* в тех случаях, когда возможны полные причастные формы на *-lý*, выступали чешские грамматисты как XIX-го, так и XX-го века, ср. [Zikmund 1851: 5], [Bartoš 1886: 108], [Gebauer, Ertl 1926: 84]. На современном этапе развития чешского литературного языка употребительность полных причастных форм на *-ší* минимальна и решающим образом зависит от индивидуального стиля пишущего. Так, в авторском тексте короткой статьи Ф. Копечного [Korešný 1958] случаев употребления полных причастных форм на *-ší* существенно больше, чем в тексте целого тома академической грамматики [Mluvnice češtiny]. В нашем материале доля полных причастных форм на *-ší* составляет менее одного процента от общего количества эксерпций.

Полные причастные формы на *-lý* характеризуются активной залоговой семантикой и передают причастное действие, предшествующее соотносительному предикативному действию, то есть выступают как действительные причастия прошедшего времени. Полные причастные формы на *-lý*, в отличие от полных причастных форм на *-cí* и полных причастных форм на *-ší*, не парадигматичны. Формы на *-lý* образуются от преимущественно приставочных глаголов совершенного вида с помощью суффикса *-l-*: *přišlý* ‘пришедший’, *zbylý* ‘оставшийся’. Охарактеризованность по виду, времени и залогу отличает полные причастные формы на *-lý* от прилагательных типа *lesklý* ‘блестящий’, *umělý* ‘искусственный’, *stálý* ‘постоянный’, образующихся с помощью генетически тождественного суффикса от глаголов несовершенного вида.

Видо-временная и залоговая категориальная семантика полных причастных форм на *-cí*, на *-ší* и на *-lý* достаточно однозначна. Имперфективные полные причастные формы на *-cí* выражают действие, одновременное с предикативным действием, то есть характеризуются причастным настоящим временем. Перфективные полные причастные формы на *-ší* и на *-lý* выражают действие, предшествующее предикативному действию, то есть характеризуются причастным прошедшим временем. Все три причастных типа представляют действие в активной перспективе, то есть выступают как причастия действительного залога.

Ситуация с видо-временной и залоговой семантикой полных причастных форм на *-lý/-tý* существенно сложнее. В отличие от исключительно имперфективных полных причастных форм на *-cí* или от практически исключительно перфективных полных причастных форм на *-ší* и на *-lý*, полные причастные формы на *-ný/-tý* регулярно образуются с помощью форманта *-n-/-t-* от прямо или косвенно переходных и возвратных глаголов как совершенного, так и несовершенного вида. При этом временная семантика подобной причастной формы определяется видом мотивирующего глагола: имперфективные полные причастные формы на *-ný/-tý* характеризуются причастным настоящим временем, перфективные — причастным прошедшим временем.

Имперфективные полные причастные формы на *-nŷ/-tŷ* однозначно передают причастное действие в пассивной перспективе, то есть выступают как причастия страдательного залога. Перфективные же полные причастные формы на *-nŷ/-tŷ* могут обладать как пассивной, так и активной залоговой семантикой. Перфективные формы на *-nŷ/-tŷ*, мотивируемые прямо или косвенно переходными глаголами, характеризуются пассивной залоговой семантикой. Перфективные полные причастные формы на *-nŷ/-tŷ*, мотивируемые непереходными возвратными глаголами, характеризуются активной залоговой семантикой (ср. *oposenŷ < opotit se* ‘вспотевший’ < ‘вспотеть’). Важно отметить, что речь идет не об отдельных лексемах, а о вполне регулярном способе образования причастий.

2. Видо-временная категориальная семантика чешских полных причастных форм

2.1. Особенности видо-временной семантики полных причастных форм на *-cí*, на *-ší*, на *-lý*.

Анализ выражаемых чешскими полными причастными формами временных отношений было бы логично начать с тех форм, временная семантика которых достаточно однозначно определена уже самим причастным формантом, то есть с полных причастных форм на *-cí*, на *-ší* и на *-lý*. Категория времени реализуется в них как противопоставление одной формы настоящего времени (полная причастная форма на *-cí*) двум формам прошедшего времени (полная причастная форма на *-ší* и полная причастная форма на *-lý*). Ср. функционирование трех рассматриваемых форм, передающих одно и то же действие *probíhat :: proběhnout* ‘осуществляться’ :: ‘осуществиться’ в примерах, excerptированных из одного и того же источника:

1. *Dokonavá slovesa nemohou vyjadřovat děj probíhající v přítomnosti.* (Mluv II, 179),

‘Глаголы совершенного вида не могут выражать действие, осуществляющееся в настоящем’.

2. *[Deverbativa typu zhýralý] pojmenovávají vlastnost jakožto výsledek dřív ve proběhnuvšího a ukončeného děje.* (Mluv I, 331),

‘[Девербативы типа *zhýralý*] представляют качество как результат ранее осуществившегося законченного действия’.

3. *Pro vyjádření děje proběhlého před dějem predikátového slovesa příslušné [verbální] adjektivum často chybí.* (Mluv II, 141)

‘Для выражения действия, осуществившегося перед действием, выраженным сказуемым, соответствующее [вербальное] прилагательное часто отсутствует’.

Очевидно, что форма *probíhající*, с одной стороны, и формы *proběhlý*, *proběhnuvší*, с другой, противопоставлены друг другу не только по виду, как принято считать, но и по времени. Отнесенность выражаемого формами *proběhnuvší* и *proběhlý* действия к временному плану, предшествующему временному плану предикативного действия, то есть к относительному (причастному) прошлому, равно как и отнесенность выражаемого формой *probíhající* действия к временному плану, одновременному с временным планом предикативного действия, то есть к относительному (причастному) настоящему, не контекстного, а категориального характера.

Как уже отмечалось, связь вида мотивирующего глагола и временной семантики причастной формы в современном чешском языке гораздо более последовательна, чем в русском. В то время как для выражения относительного настоящего времени русский язык располагает двумя имперфективными формами, а именно формой настоящего времени, способной функционировать во всех временных планах, и имперфективной формой прошедшего времени, ограниченной планом абсолютного прошлого, современный чешский язык выражает относительное (причастное) настоящее время во всех временных планах одной единственной формой — имперфективным полным причастием на *-cí*. Ср.:

1. <i>Ve studiu mě zavedli k příšerně
vypadajícímu zařízení.</i> (Rosen 28)	‘В лаборатории меня подвели к устрашающе выглядящему устройству’.
2. «Pardon», <i>povídá mi robot v
bílém plášti držící v ruce stříkačku
s jehlou dlouhou skoro půl metru.</i>
(Rosen 27)	‘«Позвольте», — говорит мне робот в белом халате, держащий в руке шприц с иглой эдак в полметра длиной’.
3. ... <i>co s ním udělá pohled na
umírajícího.</i> (Mor 122)	‘...что он почувствует, глядя на умирающего’

Во всех трех примерах для выражения причастного действия, одновременного с предикативным действием, независимо от того, к какому плану, плану прошлого (пример 1), плану настоящего (пример 2) или плану будущего (пример 3) это предикативное действие относится, употреблена единственно возможная в современном чешском литературном языке имперфективная полная причастная форма на *-cí*.

Некоторые исследователи допускают формальную возможность образования в современном чешском литературном языке также и имперфективных полных причастных форм на *-ší*, ср. [Русская грамматика 1979: 293]. Нам, однако, известен лишь один случай употребления подобной формы, который мы склонны рассматривать как окказиональное, а не системное образование:

<i>V roce 1939 [bratr] opustil ČSR a
po několikátýdenní cestě vstoupil
ve Francii do tvořivší se zahraniční</i>	‘В 1939 году [брат] оставил ЧСР и, добравшись через несколько недель до Франции, вступил в формировавшийся

armády. (Respekt 10.10 — 16.10 за рубежом чехословацкий корпус'. 1990)

В современном чешском литературном языке полные причастные формы на *-cí* могут быть только имперфективными, а полные причастные формы на *-ší* и на *-lý* — фактически исключительно перфективными, что обуславливает невозможность для чешских полных причастных форм характерных для русской причастной системы видовых оппозиций в рамках одного времени и временных оппозиций в рамках одного вида. Однако отрицать на этом основании временную охарактеризованность чешских полных причастных форм, на наш взгляд, не вполне справедливо. Если мы обратимся к функционированию рассматриваемых форм, то обнаружим, что временные различия между соотносительными полными причастными формами на *-lý* и на *-cí* или же между соотносительными полными причастными формами на *-ší* и на *-cí* так же существенны, как и видовые.

Употребительность полных причастных форм на *-lý* в современных чешских текстах существенно выше употребительности полных причастных форм на *-ší*, поэтому мы обратимся сначала к противопоставлению полная причастная форма на *-lý* :: полная причастная форма на *-cí*, которое мы склонны считать основной видо-временной оппозицией в рамках чешских полных причастных форм действительного залога. Соотносительные полные причастные формы на *-lý* и на *-cí* противопоставлены как причастия прошедшего и настоящего времени. Ср.:

1. [Sylvie] věnovala se usilovné mu *míchání dávno vychladlé kávy*. (Adl 47) 'Сильвия] принялась сосредоточенно помешивать давно остывший кофе'.
2. V náhlém tichu slyšeli, jak na polici melodicky cinkají *vychlazení figurky*. (Adl 47) 'Во внезапно наступившей тишине они слышали, как на полке мелодично потрескивают [только что обожженные] остывающие статуэтки'.
3. Nápad, *vzniklý* při kamarádké m tlachání, začal přinášet ovoce. (Mar 58) 'Идея, возникшая в дружеской беседе, начала приносить плоды'.
4. Existence nějaké nově *vznikající* školy ho nenadchla. (Mor 42) 'Существование какой-то заново формируемой [букв. возникающей] школы не приводило его в восторг'.
5. Pamatuješ? Obrázek za *puklým* sklem a hloupostky dotýkané dětskýma ručkama ... (Otě 501) 'Ты помнишь? Картинка за лопнувшим стеклом и безделушки, которые трогают детские ручки'.
6. ... dutá rána a třesk *pukající* obrazovky mu zvěstovaly další katastrofu. (Rosen 126) '...глухой удар и треск лопающегося экрана сообщили ему еще об одном несчастье'.

7. *Hérova kronikářská paměť vyjevovala obrazy a děje dávno odešlých staletí a tisíciletí.* (Plud 362) 'Память Геро-летописца вызывала картины давно минувших [букв. ушедших] столетий и тысячелетий'.

8. «*Kam jdeš?*» — *zeptal se Ondra odcházejícího Brycha.* (Otč 490) '«Ты куда?» — спросил Ондра уходящего Брыха'.

В приведенных примерах полные причастные формы *vychladlý :: vychládající; vzniklý :: vznikající; puklý :: pukající; odešlý :: odcházející* противопоставлены по временному признаку. В примерах 1, 3, 5 и 7 передаваемое причастной формой действие предшествует предикативному действию, а в примерах 2, 4, 6 и 8 — осуществляется одновременно с ним. Именно осущетимость временной семантики полных причастных форм на *-lý* и на *-cí* делает возможными примеры типа приведенного ниже. Ср.:

Varianta, která je spjata s dřívější etapou vývoje jazyka a je součástí starší spisovné normy, je považována jako prvek v různé míře minulostní, zastarávající až zcela zastaralý. (Mluv II, 271) 'Вариант, связанный с более ранним этапом развития языка и входящий в старшую литературную норму, может восприниматься как элемент, относящийся к прошлому в различной степени, от устаревающего до полностью устаревшего'.

Возможность изолированно употребленных соотносительных полных причастных форм на *-lý* и на *-cí* быть противопоставленными по временному признаку свидетельствует о внутренней обусловленности их временной семантики.

В противоположность полным причастным формам на *-cí*, представляющим причастное действие в его одновременности с действием предикативным, полные причастные формы на *-lý* представляют причастное действие как уже осуществившееся. Следует, однако, подчеркнуть, что причастный признак при этом воспринимается как признак денотативно закреплённый. Речь идет не о качестве определяемого имени, и а действии, результат которого может быть актуален, в свою очередь, для планов прошлого, настоящего или будущего. Ср.:

1. *Major měl nepříjemný pocit, že kousek dršťky, uvízlý na lžici, odlétl a spadl mu za košili.* (Kap 300) 'У майора было неприятное чувство, что кусок рубца, прилипший к ложке, отлетел и упал ему за рубашку'.

2. *Uprchlý Gideo se skrývá v cizinecké čtvrti.* (Plud 404) 'Сбежавший Гидео скрывается в районе, отведенном для проживания иностранцам'.

3. *Nové domovy v budované vládní čtvrti se mají co nejvíce přibližovat přání budoucích* 'Новые дома в строящемся правительственном районе должны максимально отвечать желаниям приезжающих [букв. бу-

přistěhovaných úředníků, vědců, umělců... (Plud 61)

дущих приехавших, тех, кто будет являться приехавшими] чиновников, ученых, художников...'

Во всех трех примерах передаваемое полной причастной формой на *-lý* действие представлено как уже осуществившееся. В примере 1 кусочек рубца прилип к ложке безусловно раньше, чем смог отлететь и упасть майору за рубашку. Побег Гидео предшествовал сообщению о его местонахождении (пример 2). Приезд чиновников, ученых, художников и т.д. мыслится в плане будущего, однако мыслится как уже совершенный (пример 3). Перевод результата этого осуществившегося действия в план будущего осуществлен в примере 3 с помощью еще одной причастной формы — формы *budoucí* [‘будущий’].

Как показывает материал, временная семантика полных причастных форм на *-lý* обусловлена самим причастным формантом. Предшествование передаваемого полной причастной формой на *-lý* действия предикативному действию ощутимо независимо ни от характера, ни даже от самого наличия причастных распространителей. Ср.:

1. *Dodnes se černají zbořeniny chrámku z lesklého čediče, vyvřelého kdysi v pradávnu za které si neznámé zkázy přímo z jícnu podmořské sopky.* (Plud 131)

‘И сегодня еще чернеют развалины храма из блестящего базальта, извергнутого [букв. извергнувшегося] когда-то в глубокой древности при какой-то неведомой катастрофе прямо из жерла подводного вулкана ...’

2. *Zpočátku [Zeus] odmítal [učinit nesmrtelným někoho z jejich druhů]. Odolával i potom, když toto privilegium zajistil několika ze svých potomků vzešlých z lidí...* (Rosen 83)

‘Сначала [Зевс] отказывался [сделать кого-либо из их товарищей бессмертными]. Он отказывался, даже даровав эту привилегию нескольким из своих потомков, произошедших от людей ...’

3. *František capkal sice hrdě ale přěšky se ztichlou okarínou v kapse...* (Otč 14)

‘Франтишек шлепал гордо, но, однако, пешком вдоль реки со стихией окариной в кармане...’

Лишь в первом из трех приведенных примеров отнесенность передаваемого полной причастной формой на *-lý* действия в план относительного прошлого подтверждается лексическим показателем *kdysi v pradávnu* ‘когда-то в глубокой древности’. Тем не менее ни в примере 2 с обстоятельством причастным распространителем, ни в примере 3, где полная причастная форма на *-lý* не распространена вообще, предшествование причастного действия предикативному не вызывает сомнений.

Имперфективные полные причастные формы на *-cí* в современном чешском литературном языке противопоставлены не только перфективным полным причастным формам на *-lý*, но и перфективным полным причаст-

ным формам на *-ší*. Противопоставление соотносительных полных причастных форм на *-ší* и на *-cí*, подобно рассмотренному выше противопоставлению соотносительных форм на *-lý* и на *-cí*, также выступает как противопоставление видо-временное. Передаваемое полной причастной формой на *-ší* действие представлено в его предшествовании соотносительному предикативному действию, в то время как передаваемое полной причастной формой на *-cí* действие представлено в его одновременности с соотносительным предикативным действием. Ср.:

1. <i>Poslyš, Kleo, já vím, co je život, — zdůvěrněla Chiana, přiblíživší se k ní tak, že musela mluvit šeptem.</i> (Plud 157)	‘«Послушай, Клеа, я знаю жизнь», — доверительно сказала Хиана, приблизившись [букв. приблизившаяся] к ней так, что ей приходилось говорить шепотом’.
2. <i>Hlavní intelektor našeho impulsoru objevil ve vzdálenosti několika tisíc kilometrů od nás těleso přibližující se k nám první světovou rychlostí.</i> (Rosen 41)	‘Главный интеллектор нашего импульсора обнаружил на расстоянии нескольких тысяч километров от нас объект, приближающийся к нам с первой космической скоростью.’
3. <i>Pak zazvonil a vstoupivšímu fámulovi dal patřičné pokyny.</i> (Mar 113)	‘После этого он позвонил и отдал вошедшему помощнику необходимые распоряжения’.
4. <i>Skleněný palác otevřený všemi svými sály, schodišti, chodbami i zahradami vstříc vstupujícímu vítězi ... jsou to zatím jenom sny a křoví, nezůstanou-li jimi na vždycky.</i> (Plud 289)	‘Стеклянный дворец, распахнутый всеми своими залами, лестницами, коридорами и садами навстречу входящему победителю ... пока это только мечты, и кто знает, не останутся ли они навсегда лишь мечтами’.
5. <i>... perfektní je tvar na vyjádření přítomného stavu, třebaže vuplynuvšího z minulého děje.</i> (Kop 152)	‘...перфект — это форма, характеризующая наличное состояние, пусть даже и возникшее в результате действия в прошлом [букв. проистекшее из действия в прошлом].’
6. <i>[Částice typu tedy, tudíž] hodnotí vztahy dvou částí výpovědi nebo textu jako vuplývající jedna z druhé ...</i> (Mluv II 234)	‘[Частицы типа tedy, tudíž] характеризуют отношения двух частей высказывания или текста как вытекающие одна из другой...’

В примерах 1, 3, 5 причастное действие предшествует соотносительному предикативному, в примерах же 2, 4, 6 — осуществляется параллельно с ним.

Поскольку для выражения предшествующего причастного действия в современном чешском литературном языке используются две полные причастные формы (полная причастная форма на *-lý* и полная причастная фор-

ма на *-ší*), равно противопоставленные по видо-временным характеристикам полной причастной форме на *-cí*, закономерно возникает вопрос об их соотношении между собой. Можно отметить их стилистическую неадекватность: формы на *-lý* стилистически нейтральны, формы же на *-ší*, напротив, зачастую используются для создания того или иного стилистического эффекта. С другой стороны, формы на *-ší* образуются парадигматически, их может мотивировать любой глагол совершенного вида, в то время как образование полных причастных форм на *-lý* ограничено непереходными глаголами.

Что же касается различий во временной семантике полных причастных форм на *-ší* и на *-lý*, то они, на наш взгляд, отсутствуют, хотя субъективно временная семантика полных причастных форм на *-ší* способна восприниматься как более отчетливая. Эти субъективные различия могут быть объяснены, как нам представляется, тем, что в окружающей носителя языка речевой стихии, в художественной литературе, в теле- и радиопередачах, в прессе и в разговорах окружающих полные причастные формы на *-ší*, в отличие от форм на *-lý*, никогда не возникают спонтанно, они всякий раз образуются целенаправленно, в строгом соответствии с усвоенными когда-то правилами. Полные причастные формы на *-lý*, в отличие от форм на *-ší*, стилистически нейтральны и широко распространены. Что же касается собственно временной семантики полных причастных форм на *-ší* и на *-lý*, то она, как мы считаем, у соотносительных форм на *-ší* и на *-lý* тождественна. Ср.:

1. <i>Koho by neuchvátily ty ... verše dávných pěvců zachovavší se do dneška v pozdním přepise ...</i> (Plud 85)	<i>‘Кого же не заморозят эти ... стихи древних сказителей, сохранившиеся до сегодняшнего дня в позднейших списках ...’</i>
2. <i>[Raketoplán] zůstal zázrakem téměř neporušený, zachovalý tak jak ho vyrobili kdysi dávno Generálové ...</i> (Rosen 138)	<i>‘[Ракетоплан] чудом остался почти не поврежденным, сохранившимся таким, каким его сделали когда-то Генералы ...’</i>
3. <i>Tou novou propuknuvší starostí byla Simea.</i> (Plud 238)	<i>‘Этой новой [букв. разразившейся] заботой стала Симеа.’</i>
4. <i>V propuklém zděšení se za ní vyřítily Ondřej s Markupem.</i> (Otč 496)	<i>‘В разразившемся переполохе за ней вскочили Ондřejей с Маркупом.’</i>
5. <i>Dian by se na něho obrátil o radu, jak řídit soudní jednání proti provinivšímu se králi ...</i> (Plud 189)	<i>‘Диан бы обратился к нему за советом, как вести судебное дело против провинившегося короля...’</i>
6. <i>Když spatřil Rážovu tvář,</i>	<i>‘Увидев лицо Ража, он не смог сдержать’</i>

neovládl třas v celém těle. Provinilý školáček Boris! (Otč 377) *дрожи во всем теле. Набедокуривший [букв. провинившийся] школяр Борис!*

В приведенных примерах соотносительные полные причастные формы на *-ší* и на *-lý* (*zachovalší se :: zachovalý; propuknuvší se :: propuklý; provinivší se :: provinilý*) не обнаруживают каких-либо существенных различий во временной семантике и могут, как нам представляется, без ущерба для общего смысла высказывания взаимозаменяться. Соотносительные полные причастные формы на *-ší* и на *-lý* передают одно и то же действие, предшествующее предикативному действию.

О тождестве видо-временной семантики полных причастных форм на *-ší* и на *-lý* может свидетельствовать, по нашему мнению, также следующий пример, где данные причастные формы выступают в качестве однородных определений:

Československo by se stalo prvním rozpadlým či zaniknuvším státem v poválečné Evropě ... (RP 11.12.90) *‘Чехословакия стала бы [в случае отделения Словакии] первым в послевоенной Европе распавшимся или исчезнувшим государством...’*

В приведенном примере полной причастной формой *zaniknuvší* ‘погибший, исчезнувший, прекративший свое существование’ по сути дела дублируется значение полной причастной формы *rozpadlý* ‘распавшийся’, как категориальное, так и лексическое, так как для государственного образования распад предполагает прекращение существования.

Все полные причастные формы на *-cí*, на *-lý* и на *-ší* охарактеризованы во временном плане. Временная семантика полных причастных форм, мотивируемых несоотносительными по виду глаголами, определяется их принадлежностью либо к классу полных причастных форм на *-cí*, категориальным временным значением которых является причастное настоящее время, либо к классу полных причастных форм на *-lý* или на *-ší*, категориальным временным значением которых является причастное прошедшее время.

2.2. Видо-временная семантика полных причастных форм на *-lý/-lý*.

В то время как о временной семантике полных причастных форм на *-cí*, на *-lý* и на *-ší* однозначно свидетельствует уже сам причастный формант, с полными причастными формами на *-lý/-lý* дело обстоит иначе. Представленный в них причастный формант *-n/-t-* является единственным, которым современный чешский язык располагает для образования страдательных причастий. Суффикс *-m-*, образующий в паре с суффиксом *-n/-t-* в русском языке временную причастную оппозицию (ср. делаемый :: деланный) и представленный в современном чешском языке в ряде прилагательных (ср. *známý* ‘известный’, *pitomý* ‘глупый’, *vědomý* ‘сознательный, осознанный’), в качестве причастного в современном чешском языке не функционирует и не функционировал, как предполагает академик Б. Гавранек, никогда

[Navránek 1937: 31]. Данное обстоятельство позволяет чехословацким лингвистам говорить о временной неохарактеризованности полных причастных форм на *-ný/-tý*. Мы не можем не согласиться с временной индифферентностью для современной стадии развития чешского языка с у ф ф и к с а *-n/-t-*. Однако мы не считаем себя вправе на этом основании отказывать чешским полным причастным формам на *-ný/-tý* во временной семантике, проявляющейся, как нам представляется, вполне явственно. Соотносительные имперфективные и перфективные полные причастные формы на *-ný/-tý* со сходным лексическим значением противопоставлены по временному признаку точно так же, как и рассмотренные выше пары форма на *-cí* :: форма на *-ší* или же форма на *-cí* :: форма на *-lý*. Имперфективные полные причастные формы на *-ný/-tý* передают действие, одновременное с соотносительным предикативным действием, перфективные — действие предшествующее. Следует подчеркнуть, что временная семантика полных причастных форм на *-ný/-tý* достаточно отчетлива и в минимальном контексте. Ср.:

1. <i>Jednoho dne se dopustila obzvlášť hrubé chyby v dopise odesílaném ministerstvu...</i> (Kap 354)	‘Однажды она сделала особенно грубую ошибку в письме, отправляемом в министерство ...’
2. <i>Ve schránce našel dopis odeslaný expres.</i> (Otč 354)	‘В почтовом ящике [Брих] обнаружил письмо, отправленное срочной почтой’.
3. <i>Jako by jí byl naprosto nedostupný i obsah slov pronášených sytým, teplým hlasem.</i> (Adl 162)	‘... как будто ей был абсолютно недоступен и сам смысл слов, произносимых звучным, тихим голосом’.
4. <i>Zvláštní na tom bylo, že první hlasitě pronesené slovo rozvířilo tichý obraz krajiny.</i> (Adl 162)	‘Необычным было то, что первое же громко произнесенное слово взволновало тихий пейзаж ...’
5. <i>Seděl jsem tam s podivným pocitem člověka, kterému se zdá, že děj právě prožívaný už jednou prožil.</i> (Fuč 33-34)	‘Я сидел там со странным ощущением человека, которому кажется, что ситуацию, в этот момент переживаемую [букв. проживаемую] он уже один раз пережил’.
6. <i>Po dobře prožité dovolené by to bylo jasné i většímu prostáčkovi...</i> (Adl 135)	‘После превосходно проведенного [букв. прожитого] отпуска это было бы ясно и большему простачку’.
7. <i>Budování Piliře východu už probudilo podezření Desátého z Desíti, že jeho práva budou zkracována správcem tohoto města a jeho úředníky dosazovanými ze sídelního města.</i> (Plud 14)	‘Строительство Столпа Востока уже вызвало подозрения Десятого из Десяти, что его права будут ограничиваться правителем этого города и его чиновниками, назначаемыми в столице’.

sídelního města. (Plud 14)

8. Jeho pobočník, na první pohled cizinec, **dosazený** do hodnosti Gideem bez ohledu na zákony, pravidla a nařízení, vstříkl světu veliteli do obličeje osvěžující tekutinu. (Plud 376)

‘Его адъютант, явно иностранец, назначенный на должность Гидеа вопреки всем правилам, законам и предписаниям, брызнул в лицо своему [потерявшему сознание] командиру освежающей жидкостью’.

Перфективные полные причастные формы на *-nŭ/-tŭ* в примерах 2, 4, 6, 8 передают уже осуществившееся действие, результат которого актуален для действия предикативного. Письмо было отправлено раньше, чем было обнаружено Брихом (пример 2). Адъютант-иностранец был незаконно назначен на должность безусловно до обморока своего командира (пример 8). В примере 4 временной интервал между причастным и предикативным действиями отсутствует, однако и в этом случае именно причастное действие является причиной действия предикативного. В примерах же 1, 3, 5 и 7 имперфективные полные причастные формы на *-nŭ/-tŭ* представляют причастное действие в его одновременности с предикативным действием.

Интересен факт, что количество обнаруженных нами видо-временных страдательных пар в десятки раз превосходит число пар действительных, то есть регулярность временного противопоставления форм на *-nŭ/-tŭ* существенно выше, чем регулярность временного противопоставления других типов чешских полных причастий. Это неудивительно, если мы примем во внимание то обстоятельство, что в то время как парадигматическому причастию на *-cí* противопоставлен оппозиит, ограниченный либо стилистически (причастие на *-šŭ*), либо деривационно (причастие на *-lŭ*), «исходные данные» как перфективного, так и имперфективного причастий на *-nŭ/-tŭ* примерно равны. Образование полных причастных форм на *-nŭ/-tŭ* ограничено прямо или косвенно переходными или возвратными глаголами, однако это ограничение не идет ни в какое сравнение в препонами, стоящими на пути нормального функционирования полных причастных форм на *-šŭ* и на *-lŭ*. Поэтому, как это ни парадоксально, позиции категории времени у форм на *-nŭ/-tŭ* в чешском языке оказываются более прочными, чем у форм на *-cí*, на *-šŭ* и на *-lŭ*.

Нашему положению о прочности и внутренней обусловленности временной семантики полных причастных форм на *-nŭ/-tŭ* не противоречит, по нашему мнению, и тот факт, что иногда имперфективные полные причастные формы на *-nŭ/-tŭ* используются для выражения длительного причастного действия, относящегося к временному плану, предшествующему временному плану предикативного действия, то есть характеризуются причастным прошедшим временем. Ср.:

1. *A ředitel Kašpar smršŭ svého hněvu zpŭsobil ... vyzrazení dlouho a tučivě utajované lásky.*

‘А директор Кашпар взрывом своего гнева вызвал ... признание в долго и мучительно скрываемой любви’.

(Kap 319)

2. *Ante se jen zvědavě otočil, ale v Jaspersovi se probudil dávno, stovky let nepoužívaný kategorický reflex ...* (Rosen 146)

тельно скрываемой любви’.

‘Анте только с любопытством оглянулся, но в Ясперсе проснулся древний, сотни лет не использовавшийся категорический рефлекс...’

3. ... výrazy, které mohou vystupovat jako samostatné výpovědi (dříve rovněž označované jako větné příslovce) ... (Mluv II 234)

‘...выражения, способные выступать в качестве самостоятельных высказываний (обозначаемые ранее и как фразовые наречия)...’

В приведенных примерах причастное действие отчетливо предшествует предикативному. Долго и мучительно скрываемая любовь перестает быть таковой в момент признания (пример 1). Проснувшись, категорический рефлекс перестает быть не использовавшимся (пример 2). В данных примерах причастное действие прекращается с началом действия предикативного. Отнесенность причастного действия в примере 3 в план относительного прошлого также достаточно очевидна, хотя мы не имеем информации ни о начале причастного действия, ни о его конце. Важно отметить, что передаваемое подобной имперфективной причастной формой действие может не просто предшествовать действию предикативному, но и отчетливо отделяться от последнего временным интервалом. Ср.:

4. *Jsou pravá tato proroctví ohlašovaná tak dávno, že je ani knězi nepokládají za nic víc než za smyšlenku.* (Plud 178)

‘Верны ли эти пророчества, провозглашавшиеся так давно, что их даже жрецы считают не более, чем выдумкой’.

На наш взгляд, в приведенных выше и подобных примерах речь идет о транспонировании причастного настоящего в план прошлого. Лексические показатели отнесенности причастного действия в прошлое *tak dávno, že* (пример 4), *dříve* (пример 3), *stovky let nepoužívaný* (пример 2), *dlouho a tucňivě utajované* (пример 1), находящиеся в противоречии с категориальной семантикой имперфективных причастий на *-ný/-tý*, сдвигают причастное действие в план относительного прошлого.

Определенный интерес в этом плане могло бы представлять сопоставление перфективной полной причастной формы на *-ný/-tý* с двумя имперфективными, одна из которых транспонирована в план относительного прошлого (ниже пример 2), а другая — не транспонирована (ниже пример 3). Ср.:

1. *[Kašťánek] rychle z ní [ledničky] vyndal dvě piva, kus salámu, máslo a sýr a vložil do ní dvě nové, předem připravené láhve ...* (Kap 235)

‘[Кастанек] быстро вынул из холодильника две бутылки пива, кусок колбасы, масло и сыр и положил в него две новые, заранее приготовленные бутылки...’

2. *Byla to honosná výprava, v požadované m složení a vybavení, dlouho **připravovaná** na svůj úkol a pečlivě vybraná.* (Plud 217) *‘Это была торжественная экспедиция, в нужном составе и со всем необходимым снаряжением, долго готовившаяся к своей задаче и тщательно отобранная’.*
3. *[Eldion] mluvil o nové hře básníka Laona, **připravované** k letošním oslavám slunovratu.* (Plud 62) *‘[Элдион] говорил о новой пьесе поэта Лаона, готовящейся к торжествам, посвященным солнцестоянию’.*

Как в первом, так и во втором примерах причастное действие предшествует предикативному. Вкладываемые в холодильник бутылки пива были подготовлены заранее [пример 1]. Эскадра, прежде чем отправиться в плавание, долго готовилась к этому [пример 2]. Однако в примере 1 предшествование причастного действия предикативному внутренне обусловлено видом мотивирующего глагола, и лексический показатель этой отнесенности может быть без ущерба для общего смысла высказывания опущен (ср. *...a vložil do ní dvě připravené láhve...* ‘... и положил в него две приготовленные бутылки...’). В примере же 2 предшествование причастного действия предикативному и их временная разорванность — целиком контекстного характера. В примере 3, где указание на отнесенность причастного действия к временному плану, который предшествует временному плану предикативного действия, отсутствует, та же самая форма *připravovanu* закономерно воспринимается как выражающая причастное настоящее время.

В сходных же контекстах противопоставленность соотносительных имперфективных и перфективных полных причастных форм на *-nů/-tů* по временному признаку не вызывает сомнений. Ср.:

1. *Mocný ledovec se prodírá údolím Vnitřního hřbetu až do jižních svahů, zalesněných a vodnatých, **napájených** tajícími ledy a sněhy...* (Plud 361) *‘Могучий ледник продирается долинами Внутреннего хребта до самых его южных склонов, лесистых и многоводных, питаемых тающим льдом и снегом ...’*
2. *Rozjasněné nebe **napojené** měsíic ním světlem ukázalo ostré obrysy hor.* (Adl 137) *‘На фоне ясного неба, пропитанного лунным светом, показали острые контуры гор’.*
3. *Vyvolal si v paměti všechny chvalo zpěvy a kouzelné historiky o této starodávné hře **nazývané** hrou královskou.* (Kap 226) *‘Он вспомнил все панегирики и удивительные истории, посвященные этой игре [шахматам], называемой королевской игрой’.*
4. *Pobřeží všech kontinentů, ba i vzdálené ostrovy v oceáně **nazvaném** po někdejší říši Mu, jsou jich plné.* (Plud 396) *‘Побережья всех континентов и даже далекие острова в океане, названном именем когда-то существовавшей империи Му, полны их [статуй]’.*

Как мы видим, при отсутствии временных лексических показателей временная соотносительность причастного и предикативного действий однозначно детерминирована видом причастия на *-ný/-tý*. Имперфективные полные причастные формы на *-ný/-tý* (примеры 1 и 2) представляют причастное действие в его одновременности с предикативным действием, в то время как соотносительные с ними перфективные полные причастные формы на *-ný/-tý* выражают действие, предшествующее предикативному действию (примеры 2 и 4).

Возможность транспонирования в план относительного прошлого действия, передаваемого имперфективной полной причастной формой на *-ný/-tý*, поддерживается существованием в чешском языке довольно многочисленной группы мотивируемых глаголами несовершенного вида адъективов, семантика которых определяется академической «Грамматикой чешского языка» как обработанный определенным образом [Mluvnice češtiny I: 334]. Следует отметить, что подобные образования весьма распространены. Ср.:

1. [Bartoš] *čiperně proběhl kovanými* [*< kovat imp.*] *vraty ...* (Otč 98) ‘[Бартош] ловко проскочил сквозь кованые ворота ...’
2. *Do hrdého rozmachu, který následoval, je zahrnut všechny majetek, činžáky, železářský velkoobchod a prošíváný* [*< prošívát imp.*] *župan pana domácího.* (Otč 16) ‘Следовавший за этим гордый взмах руки как бы охватывал все имущество, доходные дома, огромный магазин скобяных изделий и стеганный халат хозяина дома’.
3. ... *často se zdalo, že jsou zahalení tógami, dvakrát máčenými* [*< máčet imp.*] *v tyrském nachu ...* (Adl 13) ‘... часто казалось, что на них наброшены тоги, дважды окрашенные тирским пурпуром ...’
4. [Na konci trávníku před prátmem] *stojí térem mořená* [*< mořit imp.*] *bouda na převlékání.* (Adl 13) ‘На краю лужайки перед паромом] стоит промазанная дегтем пляжная раздевалка’.
5. *Je třeba ... uklohnit na primusu míchaná* [*< míchat imp.*] *vajíčka ...* (Otč 31) ‘Надо ... состряпать на примусе яичницу-болтунью ...’
6. *Zavoněl puškovec, meruňková marmeláda, opékané* [*< opékat imp.*] *klobásy a opalovací olej.* (Adl 101) ‘Запахло аиром, абрикосовым мармеладом, жареными // жарящимися колбасками и кремом для загара’.
7. *Vůně květů se mísila se sladkou* ‘Аромат цветов смешивался со сладким

vůní pražených [*< pražit imp.*] *запахом жареного // жарящегося мин-*
mandlí a páleného [*< pálit imp.*] *даля и жженого // плавящегося сахара.*
cukru... (Adl129)

У подобных форм процессуально-пассивная семантика способна вытесняться семантикой перфектно-пассивной, при этом актуальным становится не само производимое над определяемым причастной формой объектом действие, а некое качество, свойство этого объекта, в результате данного (достаточно продолжительного) действия возникшее. Следует отметить, что подвергшиеся подобному переосмыслению имперфективные полные причастные формы на *-ný/-tý* семантически не совпадают с соотносительными перфективными формами на *-ný/-tý*. Ср.:

8. *Ta ložnice ... ta je taková vyřezávaná?* (Mar 161) ‘*Эта спальня ... это такая резная?*’

9. *V tu chvíli matka připadala jako figurka vyřezaná z černého dřeva.* (Adl 81) ‘*В эту минуту мать была похожа на фигурку, вырезанную из черного дерева.*’

В то время как форма *vyřezaný* (пример 9) содержит завершившееся действие в прошлом, результат которого актуален для временного плана предикативного действия, форма *vyřezávaný*, в которой также актуален прежде всего результат и тоже уже завершившегося действия, тем не менее отмечает еще и некую имевшую место продолжительность данного действия: спальня стала резной в результате длительного процесса нанесения резьбы. Подобные чешские имперфективные образования в определенном плане соотносимы с русскими отричастными прилагательными типа *молотый* (ср. примеры 1 и 2). Однако в то время как русский язык располагает формальными средствами разграничения подобных отричастных прилагательных и причастий (ср. *варенный* :: *варёный*), в чешском языке одна и та же форма способна выступать то в качественном, то в процессуально-пассивном значении. Ср.:

10. *K vyvýšenému altánu se klikatí přšina vroubená zimostrázem, vysypaná bělavým pískem s černými zrny drceného čediče.* (Plud 91) ‘*К высокой беседке ведет извилистая тропка, обсаженная самшитом и посыпанная белесым песком с черными зернами дробленого базальта.*’

11. *[Všude jenom] drny houževnaté trávy drčené* [*< drtit imp.*] *tisícírohými stády skotu a semílané v čelistech ovčího hemžení kolem napajedel ...* (Plud 11) ‘*[Повсюду лишь] пучки жесткой травы, которую топчут тысячеголовые стада и жуют овцы у водопоя [букв. дробимой тысяголовыми стадами и перемалываемой...]...*’

Распространение девербатива зависимыми словами, уточнение условий протекания причастного действия способны усилить процессуальность

причастной семантики, как это мы наблюдаем в примерах 10 и 11, в которых одна и та же форма *drcený* выступает как в отчетливо качественном, так и в процессуально-пассивном значении. Впрочем, это не значит, что наличие зависимых слов, уточняющих условия протекания действия, исключает возможность качественности семантики имперфективной формы. В то время как в современном русском языке распространение девербатива зависимыми словами, с той или иной стороны характеризующими лежащее в основе семантики девербатива действие, может рассматриваться как показатель причастного, а не адъективного характера данной формы, в чешском языке адъективная качественная семантика и причастные распространители не исключают друг друга (ср. примеры 3 и 4). Широкое распространение подобных форм в чешском языке свидетельствует, как нам представляется, не о большей, в сравнении с русским, «адъективности» чешских полных причастий, а скорее об их большем синкретизме, о большей подвижности и комплексности их семантики. Нередко качественность или процессуальность семантики подобной формы нельзя определить даже в самом широком контексте (ср. примеры 6 и 7). В данных примерах ни сама имперфективная форма, ни контекст не представляют нам возможности определить, продолжается ли процесс обжаривания кофе, колбасок и т.п. или же он уже прекращен, и речь идет о свойствах уже готового продукта. Для общего смысла приведенных высказываний это, впрочем, не существенно. Синкретизм, способность параллельного выражения качественной и процессуально-пассивной семантики является, таким образом, важнейшей отличительной чертой большой группы имперфективных полных причастных форм на *-ný/-tý*.

2.3. Конкуренция перфективных и имперфективных полных причастных форм

В большинстве представленных в нашем материале случаев употребления полных причастных форм видо-временная противопоставленность перфективных и имперфективных полных причастных форм вполне ощутима и не вызывает сомнений. Соотносительные перфективные и имперфективные полные причастные формы передают, как правило, различные ситуации объективной действительности, поэтому замена видо-временной характеристики причастия на противоположную в абсолютном большинстве случаев изменяет общий смысл высказывания или же делает это высказывание некорректным. Однако в ряде случаев мы имеем дело со взаимозаменяемостью имперфективных и перфективных форм, которая не сопровождается изменением общего смысла высказывания, то есть с явлением конкуренции полных причастных форм. Ср.:

1. *Vruch melancholicky přikývl a přijal nabízenou cigaretu jako by duchem nepřítomen.* (Otč 134) ‘Брих меланхолично кивнул и рассеянно взял предлагаемую сигарету’.

2. *Brych přijal nabídnutou cigaretu, kouřil a nechal nového ředitele exportního oddělení vymluvit ... (Otč 219)* *‘Брих взял предложенную сигарету, закурил и дал новому руководителю отдела экспорта выговориться’.*

Приведенные примеры представляют сходные ситуации объективной действительности — кто-то предлагает сигарету, а кто-то эту предлагаемую // предложенную сигарету берет. В обоих примерах причастное действие создает возможность осуществления предикативного действия, однако вполне корректными являются оба варианта — как с перфективной, так и с имперфективной причастной формой, поэтому в приведенных примерах видо-временная характеристика причастия может быть без изменения общего смысла описываемой ситуации быть заменена на противоположную. Предикативное действие следует непосредственно за причастным, поэтому данное причастное действие (предложение сигареты) может быть представлено двояко: как единовременный акт и как состояние, представляющее собой сохранение актуальности результата этого единовременного акта. Будучи предложенной, сигарета становится тем самым предлагаемой и остается таковой до тех пор, пока не будет взята или отвергнута, то есть пока результат акта предложения не утратит актуальность.

Чаще всего возможность конкуренции имперфективных и перфективных полных причастных форм обуславливается нединамичностью передаваемого причастной формой признака. Ср.:

1. *[Kamil] vrátil se opět k matce, rozhodnut věnovat jí všechn zbylý čas. (Otč 418)* *‘[Камил] опять вернулся к матери, решив посвятить ей все оставшееся время’.*
2. *Starost, jak zaplnit prázdnotu zbývajícího života ... (Adl 112)* *‘Забота, как заполнить пустоту остающейся жизни ...’*
3. *[Markup] pozoroval napjatě vystoupilý pařez a dumal. (Otč 491)* *‘[Маркуп] сосредоточенно разглядывал выступающий [букв. выступивший] пень и размышлял’.*
4. *Z vystupujícího ochozu na nejvyšším místě ... střechy se vysunul úzký sloup ... (Plud 268)* *‘Из выступающего портика на самом высоком месте ... крыши выдвинулся узкий столбик ...’*

В примерах 1 и 3 перфективные полные причастные формы реализуют заложенную в перфектной форме возможность актуализации не самого действия, а его результата, относящегося к более позднему, чем данное действие, временному плану. Возникшая таким образом нединамическая семантика качества или состояния может совпасть с аналогичной семантикой соотносительного имперфективного причастия, если признак, обозначаемый мотивирующим глаголом, носит не динамический, а статический характер. Нединамичность подобного причастного признака обуславлива-

ется, таким образом, непосредственно лексическим значением мотивирующего глагола или одним из его значений. Семантику подобных имперфективных форм можно определить как «непрерывно воспроизводящий состояние, возникшее в результате действия, передаваемого соотносительной перфективной формой». Остающееся — это то, что является оставшимся (ср. примеры 1 и 2). *Выступающий портик* (пример 4) не увеличивается в размерах, не изменяет своего местоположения, он характеризуется теми же свойствами, что и *выступивший пень* (пример 3). Передаваемое формой *vystupující* действие состоит в том, что определяемый этой формой объект (портик, пень и т.д.) непрерывно воспроизводит состояние, способное являться результатом действия, передаваемого формой *vystouplý*.

В силу изложенного в приведенных и подобных примерах замена видо-временной характеристики на противоположную не существенна ни для общего смысла высказывания, ни для его корректности.

К случаям неполной конкуренции имперфективных и перфективных полных причастных форм можно отнести примеры, где замена видо-временной характеристики причастия на противоположную также возможна, однако более предпочтительным является соответствие вида причастия виду соотносительной предикативной формы. Ср.:

1. <i>Chytré ženiny oči si jej prohlížely s potlačovaným úsměvem ...</i> (Mor 116)	‘Ее умные глаза смотрели на него со скрытой [букв. со сдерживаемой] усмешкой’.
2. <i>Co blázníš, — řekl Brych s potlačeným hněvem a ohlédl se po Bartošovi.</i> (Otč 253)	‘«Ты с ума сошел! — подавив гнев [букв. с подавленным гневом]», сказал Брх и покосился на Бартоша’.
3. <i>Vyptávaly se jí se špatně skrývanou zvědavostí, jak se jí vede ...</i> (Otč 364)	‘Они расспрашивали с плохо скрываемым любопытством, как ее дела ...’
4. <i>Snad — leták, — zeptal se Ráz s utajeným smíchem.</i> (Otč 456)	‘«Может быть, листовка?» — спросил Раж, подавив смех [букв. с подавленным смехом]’

В приведенных примерах замена видо-временной характеристики полной причастной формы на противоположную не изменила бы смысла высказывания и не сделала бы его некорректным. Обе формы, как перфективная, так и имперфективная, используются для обозначения сходных ситуаций объективной действительности (ср. *potlačovaný úsměv* и *potlačený hněv*). Тем не менее в приведенных и подобных примерах вид полной причастной формы соответствует виду предикативной формы. Имперфективная предикативная форма имеет при себе имперфективную же причастную форму (примеры 1 и 3), перфективная предикативная форма — перфективную причастную (примеры 2 и 4).

3. Залоговая категориальная семантика чешских полных причастных форм

При анализе залоговой категориальной семантики полных причастных форм чешского глагола обращает на себя внимание тот факт, что залоговые значения у имперфективных полных причастных форм выражены значительно более последовательно, чем у перфективных. Это закономерно при весьма существенной разнице в условиях образования полных причастных форм от глаголов совершенного и несовершенного вида.

Имперфективные полные причастные формы на *-cí* образуются парадигматически. В пределах семантически переходных глаголов несовершенного вида полные причастные формы на *-ný/-tý* также образуются достаточно регулярно.

Образование же перфективных полных причастных форм сопровождается целым рядом лексико-грамматических, стилистических и узуальных ограничений. Парадигматические перфективные полные причастные формы на *-ší* воспринимаются носителями языка как сугубо книжные и употребляются в силу данного обстоятельства крайне редко. Образование перфективных полных причастных форм на *-lý* ограничено непереходными глаголами, а образование перфективных полных причастных форм на *-ný/-tý* — переходными и возвратными глаголами.

3.1. Залоговая характеристика чешских имперфективных полных причастных форм

Основное залоговое противопоставление в рамках полных причастных форм чешского глагола представлено, по нашему мнению, оппозицией имперфективной полной причастной формы на *-cí*, передающей причастное действие в активной перспективе, и имперфективной полной причастной формы на *-ný/-tý*, передающей причастное действие в пассивной перспективе. Ср.:

1. <i>Vyhovoval jim vítr čerící hladinu...</i> (Adl 55)	<i>‘Их утравивал ветер, покрывающий рябью поверхность [озера] ...’</i>
2. <i>... celé jezero mizelo v páře, pak jen syčení čerěné vody a pleskání vln napovídalo, že se nepropadlo.</i> (Adl 15)	<i>‘... все озеро скрывалось в тумане, и только шум [букв. покрываемой рябью] воды и плеск волн напоминали о его присутствии’.</i>
3. <i>Když zazněly velebné zvuky pohřebního pochodu, vojín Peterka nesoucí kříž hlasitě zaštkal.</i> (Mar 134)	<i>‘Когда раздались торжественные звуки похоронного марша, рядовой Петерка, несший крест, громко зарыдал’.</i>
4. <i>Naklání se ke mně, když kloužu po šikmé ploše nosítek nesených</i>	<i>‘Он склоняется надо мной, когда я скольжу по наклонной плоскости носи-</i>

<i>právě po schodišti...</i> (Fuč 26)	<i>лок, которые несут в этот момент по лестнице ...'</i>
5. <i>[Brazilský útočník] obešel špatně ho hlídajícího záložníka.</i> (Kap 277)	<i>'[Нападающий бразильской команды] обошел плохо за ним следящего полузащитника ...'</i>
6. <i>Bílé dveře, hlídané rozesmátými satyry, se otevřely...</i> (Adl 52)	<i>'Белые двери, охраняемые смеющимися сатирами, открылись ...'</i>

В примерах 1, 3 и 5 определяемый причастием объект представлен как производитель выражаемого этим причастием действия, в примерах 2, 4 и 6 — как реципиент этого действия, не тождественный с его производителем. Производитель же передаваемого страдательным причастием действия может быть выражен непосредственно в предложении (пример 6), может подразумеваться (пример 2 — покрывать рябью поверхность озера в данном контексте может только ветер), может быть, наконец, несущественным для общего смысла высказывания и оставаться не выраженным (пример 4).

Наш материал свидетельствует о том, что в рамках имперфективных полных причастных форм чешского глагола для передачи действия в пассивной перспективе практически исключительно используется полная причастная форма на *-ný/-tý*. Употребление для этой цели так называемых возвратно-страдательных полных причастных форм не характерно. В этом плане чешский язык расходится с русским, в котором для передачи причастного действия в пассивной перспективе регулярно используются как страдательные, так и возвратно-страдательные полные причастные формы.

Все представленные в нашем материале имперфективные полные причастные формы с возвратным компонентом *se* являются не возвратно-страдательными причастиями, а действительными причастиями возвратных глаголов. Объект, определяемый такими полными причастными формами, выступает как реципиент причастного действия, однако он же является и его производителем. Ср.:

<i>... a proti ním tři šílenci kryjící se za sloupy svatyně ...</i> (Pluđ 473)	<i>'...а перед ними три безумца, укрывающиеся за колоннами святыни...'</i>
--	--

Имперфективной полной причастной формой на *-cí*, представляющей причастное действие в активной перспективе, противостоит в залоговом отношении имперфективная полная причастная форма на *-ný/-tý*, представляющая причастное действие в пассивной перспективе, в то время как полная причастная форма на *-cí* с возвратным компонентом *se*, которую можно было бы принять за соотносительную, является в действительности формой иного (соотносительного возвратного) глагола. Ср.:

1. <i>... a pak vyjždělo skvěle nabýskané spřežení koní, táhnoucí</i>	<i>'...а потом выезжала ослепительная конная упряжка, тянущая блестящий</i>
---	---

<i>lesknoucí se stříkačku...</i> (Mar 193)	<i>пожарный насос...</i>
2. <i>Kdyby ještě jezdily kočáry tažený koňmi, tak nás všichni vozkové předjedou.</i> (Kap 144)	<i>‘Если бы еще ходили конные экипажи [букв. экипажи, которые тянут кони], все возницы нас обгоняли бы.’</i>
3. <i>... rozervané okraje [kráteru] se na něho šklebily už z dálky jako něco nepatřičného v donekonečna se táhnoucí ploché tabuli krajiny.</i> (Rosen 121)	<i>‘... рваные края [кратера] издавала ухмылялись ему, как что-то чужеродное в простирающейся [букв. тянущейся] в бесконечность плоской равнине.’</i>

Очевидно, что форма *táhnoucí* (пример 1) противопоставлена по залогу именно форме *tažený* (пример 2). Обе названные полные причастные формы передают одно и то же действие *táhnout* ‘тянуть’, представленное формой *táhnoucí* в активной, а формой *tažený* — в пассивной перспективе. Что же касается полной причастной формы *táhnoucí se* (пример 3), то она мотивируется иным глаголом, а именно возвратным глаголом *táhnout se* ‘тянуться, простирается’. Об активной залоговой семантике полных причастных форм на *-cí* с возвратным компонентом *se* убедительно свидетельствует возможность их использования в качестве активного оппозита полной причастной форме на *-ný/-tý*, мотивированной косвенно переходным возвратным глаголом. Ср.:

1. <i>Díval se jen na obrys její tváře, dotýkající se téměř čelem studeného skla ...</i> (Otč 478)	<i>‘Он только смотрел на контуры ее лица, почти касающегося лбом холодного стекла...’</i>
2. <i>Obrázek za puklým sklem a hloupůstky dotýkané dětskýma ručkama ...</i> (Otč 501)	<i>‘Картинка за лопнувшим стеклом и безделушки, которых касаются детские ручки...’</i>

Представленные в обоих примерах полные причастные формы мотивированы косвенно переходным глаголом *dotýkat se* ‘касаться’, который управляет родительным падежом.

3.2. Залоговая характеристика чешских перфективных полных причастных форм

В современном чешском языке у перфективных полных причастных форм по сравнению с имперфективными возможности выражения залога ограничены. Парадигматически образуемые имперфективные полные причастные формы на *-cí* и имперфективные полные причастные формы на *-ný/-tý* создают огромное количество залоговых пар. Если бы парадигматические полные причастные формы на *-ší* реально функционировали так же регулярно, как и полные причастные формы на *-cí*, ситуация с залоговыми оппозициями в рамках перфективных полных причастных форм была бы,

видимо, аналогичной ситуации с залоговыми оппозициями в рамках имперфективных полных причастных форм.

Однако в современных чешских художественных, научных и публицистических текстах полные причастия на *-ší* встречаются крайне редко. Соотносительные полные причастные формы на *-ší* и перфективные полные причастные формы на *-ný/-tý*, противопоставленные по залогу, в нашем материале отсутствуют. Что же касается еще одного причастного типа, а именно причастий на *-lý*, то они, образуясь исключительно от непереходных глаголов, в силу данного обстоятельства внепарны в залоговом отношении.

Отсутствие соотносительных перфективных полных причастных форм, различающихся только залоговыми характеристиками, не означает, однако, что категория залога у перфективных полных причастных форм в чешском языке не выражена. Классы полных причастных форм на *-ší* и полных причастных форм на *-lý*, характеризующихся активной залоговой семантикой, противопоставлены в целом классу мотивированных прямо или косвенно переходными глаголами полных причастных форм на *-ný/-tý*, характеризующихся пассивной залоговой семантикой. Ср.:

1. *Uprchlý Gideo se skrývá v cizinecké čtvrti.* (Plud 414) *'Сбежавший Гидео скрывается в районе, отведенном для проживания иностранцам'.*
2. ... *tuto práci musí dělat nezkompromitovaní, nově nastoupivší lidé* (Respekt 18.7-24.7.1990) *'... этим должны заниматься не скомпрометированные, недавно вступившие в должность люди'.*
3. *Důležitá dálnice M-6 byla ... plná znehynělých aut, ukrytých pod až tři metrovými závějemi.* (RP 11.12.90) *'Важная автомастрада М-6 была ... полна остановившихся автомобилей, погребенных [букв. укрытых] под достигавшими трех метров в высоту снежными заносами'.*

В примерах 1 и 2 перфективная полная причастная форма представляет причастное действие в активной перспективе, в примере 3 — в пассивной перспективе. Анализируя залог чешских полных причастных форм, нельзя не отметить факт приобретения активной залоговой семантики большой группой формально страдательных перфективных полных причастных форм, а именно полных причастий на *-ný/-tý*, мотивированных непереходными возвратными глаголами совершенного вида. Приобретение формально страдательными формами возвратных глаголов активной семантики в определенной мере возможно и в русском языке, где, впрочем, это сопровождается обычно адъективацией причастия (ср. тождественные по залогу *влюбившийся* и *влюбленный*). Однако в то время как для современного русского языка приобретение страдательными причастиями активного залогового значения в целом не характерно, чешский язык, видимо, с целью компенсации недостаточной употребительности полных причастных форм на *-ší* и деривационной ущербности полных причастных форм на *-lý*, образует

причастия на *-ný/-tý* от возвратных непереходных глаголов достаточно регулярно. Ср.:

1. *Pozorovat ty funící, opocené* [*< opotit se*] *oře, pádící s větrem o závod.* (Otč 35) ‘Наблюдать за этими пыхтящими, вспотевшими скакунами, которые мчатся наперегонки с ветром’.
2. *... že je správně trhlá redaktorka, která je zažraná* [*< zažrat se*] *do toho své ho časopisu.* (Mor 97) ‘... что это взбалмошная журналистка, ушедшая с головой в свой журнал’.
3. *Knězi spustili hymnus dokonale sezpívanými* [*< sezpívat se*] *hlasy ...* (Plud 21) ‘Жрецы с превосходно спевшимися голосами начали гимн ...’
4. *Podle názoru hlavního intelektoru a zúčastněných* [*< zúčastnit se*] *odborníků jde o dosud neznámý druh meteoritu...* (Rosen 42) ‘По мнению главного интеллектора и принявших участие [в совещании] специалистов, речь идет о ранее неизвестном виде метеорита...’

В приведенных выше примерах, число которых можно увеличить, полные причастные формы на *-ný/-tý*, мотивируемые возвратными глаголами совершенного вида, представляют причастное действие в отчетливо активной перспективе — определяемый полной причастной формой объект является производителем передаваемого данной причастной формой действия.

Объяснение этому можно искать, как мы считаем, в специфике залоговой семантики всего класса возвратных глаголов, образующих подобные причастные формы. Пассивная форма причастия свидетельствует о направленности причастного действия на определяемый данной причастной формой объект, однако у возвратных глаголов производитель действия может совпадать с его реципиентом, что сближает возвратные глаголы с невозвратными непереходными и тем самым допускает восприятие полных причастных форм на *-ný/-tý*, мотивированных непереходными глаголами, в качестве причастий действительного залога.

Однако в современном чешском литературном языке возвратные глаголы совершенного вида, будучи непереходными, регулярно образуют полные причастные формы на *-lý*, передающие активное действие в прошлом. Ср.:

1. *... když se vrátil Brych se stupínku do lavice se srdcem rozbušelým* [*< rozbušit se*] *radostí.* (Otč 14) ‘... когда Брых с забившимся от радости сердцем вернулся с кафедры за парту’.
2. *[Brych] dodnes vidí její rozhořelou* [*< rozhořet se*] *tvar ...* (Otč 202) ‘[Брых] и сейчас видит ее разгневшеюся лицо ...’
3. *[Učedníci] zatoužili po doušku* ‘[Ученики] замечтали о глотке пива,

převa, než zase věčně nevyspalí *прежде чем приступить, как всегда, не*
 [*< (ne)vyspat se*] *nastoupí k práci.* *выспавшимися, к работе*.
 (Mar 61)

Активная залоговая семантика мотивируемых возвратными глаголами полных причастных форм на *-lý*, представленных в приведенных и подобных примерах, находится в полном соответствии с категориальной активной залоговой семантикой этого класса полных причастных форм на *-lý*.

Кроме того, следует иметь в виду, что возвратные глаголы совершенного вида способны образовывать полные причастные формы с активной залоговой семантикой также с помощью суффикса *-š/-vš-*. В связи с малой употребительностью в современных чешских художественных, научных и публицистических текстах данного причастного типа в целом полные причастные формы на *-ší*, мотивированные возвратными глаголами, встречаются крайне редко. Тем не менее сама возможность образования полной причастной формы на *-ší* с возвратным компонентом *se* может быть реализована. Ср.:

Koho by neuchvátily ty ... verše *'Кого же не замораживают эти ... стихи*
dávných pěvců, zachovavší se *древних сказителей, сохранившиеся до*
 [*< zachovat se*] *do dneška v pozd-* *сегодняшнего дня в позднейших списках*
ním přepise ... (Plud 65) *...'*

Активная залоговая семантика полных причастных форм на *-ší*, мотивируемых возвратными глаголами, находится в полном соответствии с категориальной активной залоговой семантикой класса полных причастных форм на *-ší* в целом.

Таким образом, возвратные глаголы совершенного вида могут образовывать полные причастные формы с активной залоговой семантикой тремя способами: с помощью причастного форманта *-n/-t-*, с помощью форманта *-l-* и с помощью форманта *-š/-vš-*. Первые два способа широко распространены, третий способ используется крайне редко, зато является, в отличие от первых двух, парадигматическим. Что же касается залоговой семантики образуемых данными способами полных причастных форм, то она тождественна. Активная залоговая семантика полных причастных форм на *-lý* и полных причастных форм на *-ší* с возвратным компонентом *se* совпадает с категориальной залоговой семантикой всего класса полных причастных форм на *-ší*, в то время как активная залоговая семантика полных причастных форм на *-ný/-tý*, мотивируемых непереходными возвратными глаголами, вступает в противоречие с категориальной пассивной залоговой семантикой всего класса форм на *-ný/-tý*, достаточно сильной, как это мы отмечали при анализе имперфективных причастных форм. Ср.:

1. *Dosud ho [svůj Velký čin] [Boris] neznal, ale tušil, byť s žalud-* *'Пока [Борис] его [свой Великий поступок] не знал, но чувствовал, обмирая от*
kem rozechvěným [*< rozechvěl se*] *страха [букв. с желудком, затрепе-*

<p><i>strachem, že musí přijít ... (Otč 414)</i></p> <p>2. <i>Zklamaná Gabriela švihla okem po rozechvělé [< rozechvět se] a zjevně trpící Julii. (Kap 256)</i></p> <p>3. <i>... a odtamtud zahájit rozsáhlý útok proti vojskům Desátého z Desíti a proti spojeným [< spojit se] Pobřežním republikám a Pasterveckým kmenům. (Plud 423)</i></p> <p>4. <i>Označují hranici mezi Prvním a Druhým ostrovním královstvím, kdysi samostatnými, ale již na počátku dějin se spojivšími [< spojit se] v první svazek ... (Plud 437)</i></p>	<p><i>тавшим от страха], что время этого Великого Поступка должно прийти’.</i></p> <p><i>‘Разочарованная Габриэла бросила взгляд на затрепетавшую и заметно страдающую Юлию.’</i></p> <p><i>‘...и начать оттуда широкое наступление на войска Десятого из Десяти и на войска объединившихся Береговых республик и кочевых племен’.</i></p> <p><i>‘Они обозначают границу между Первым и Вторым островными королевствами, некогда самостоятельными, но уже на заре истории объединившимися в первый союз ...’</i></p>
--	--

Полные причастные формы *rozechvěný* и *rozechvělý* (примеры 1 и 2) или же полные причастные формы *spojený* и *spojivší se* (примеры 3 и 4) семантически тождественны и могут без ущерба для общего смысла высказывания поменяться местами.

Приобретение образованными от непереходных возвратных глаголов полными причастными формами на *-ný/-lý* активной залоговой семантики настолько распространено, что могут появляться, хотя и крайне редко, соотносительные пары полных причастных форм на *-lý* и на *-ný/-lý*, также с активной залоговой семантикой, однако мотивируемых невозвратными глаголами. Ср.:

<p>1. <i>... spadalé [< spadat] přeschlé listí zkouší trpkost přeměn ... (Adl 20)</i></p> <p>2. <i>Proud nese i spadané [< spadat] listí, proč by neměl néstí tebe? (Mar 8)</i></p> <p>3. <i>Už aby odprej skl ten zkrachovalý [< zkrachovat] hlupák! (Otč 561)</i></p> <p>4. <i>... jak to učinil zkrachovaný [< zkrachovat] pan Hladíček ... (Mar 220)</i></p>	<p><i>‘... опавшие сухие листья испытывают горечь перемен ...’</i></p> <p><i>‘Поток несет и опавшие листья, почему бы ему не нести и тебя?’</i></p> <p><i>‘Пусть провалится этот обанкротившийся дурак!’</i></p> <p><i>‘... как это сделал обанкротившийся пан Гладичек ...’</i></p>
--	--

В примерах 1 и 3 полные причастные формы образованы от непереходных глаголов *spadat* ‘опасть’, ‘опадать’ и *zkrachovat* ‘обанкротиться’ с помощью суффикса *-l-* в полном соответствии с правилами, а в примерах 2 и 4 те же самые глаголы образуют причастные формы вопреки всем правилам и нашим ожиданиям с помощью иного суффикса.

Способность полных причастных форм на *-nŷ/-tŷ*, мотивированных возвратными глаголами, представлять причастное действие в активной перспективе делает возможными окказиональные аналогические образования на *-nŷ/-tŷ* с активной залоговой семантикой, мотивируемые невозвратными непереходными глаголами. Ср.:

<i>[Héro] navštívil nastoupenou [< nastoupit] jednotku námořní pěchoty ... (Plud 435)</i>	<i>‘[Геро] осмотрел построившийся отряд морской пехоты ...’</i>
--	--

В приведенном примере полная причастная форма *nastoupenŷ* ‘построившийся’ вопреки всем правилам образована от непереходного и невозвратного глагола *nastoupit* ‘построиться’.

Впрочем, подобные аналогические образования, рассматриваемые обычно как диалектизм (ср. [Grep], Karlík 1986: 254]), крайне редки и в нашем материале представлены единичными примерами.

Интерес для исследуемой проблематики представляет тот факт, что активную залоговую семантику способны выражать не только полные причастные формы на *-nŷ/-tŷ*, мотивируемые непарно возвратными глаголами, но также и полные причастные формы на *-nŷ/-tŷ*, мотивируемые возвратными глаголами, имеющими невозвратный коррелят, полная причастная форма на *-nŷ/-tŷ* которого закономерно характеризуется пассивной залоговой семантикой. В результате образуется большое количество полных причастных форм на *-nŷ/-tŷ*, способных характеризоваться как активным, так и пассивным залоговым значением. Причастие на *-nŷ/-tŷ*, мотивируемое возвратным глаголом, характеризуется активной залоговой семантикой (ср. *otočenŷ* < *otočit se* ‘повернувшийся’ < ‘повернуться’). Причастие же, мотивируемое соотносительным невозвратным переходным глаголом, закономерно характеризуется пассивной залоговой семантикой (ср. *otočenŷ* < *otočit* ‘повернутый’ < ‘повернуть’). Таким образом, полная причастная форма типа *otočenŷ* может быть мотивирована как возвратным, так и невозвратным глаголом и, соответственно, может характеризоваться как активной, так и пассивной залоговой семантикой.

Залоговое значение полных причастных форм на *-nŷ/-tŷ*, мотивируемых соотносительными по возвратности // невозвратности глаголами совершенного вида, может быть определено, таким образом, только в контексте. Ср.:

1. <i>Sylvie stála, otočená [< otočit se] k oknu, a Drmarie mohla vidět jen siluetu ... (Adl 52)</i>	<i>‘Сильвия стояла, повернувшись к окну [букв. повернувшаяся к окну] и Дрмария могла видеть лишь ее силуэт ...’</i>
---	--

2. [Kalis] jsem přistihla s **nalepeným** [< nalepit] knírem. (Rosen 64) ' [Кали] я застигла с приклеенными усами... '
3. Z čerstvě **nalitého** [< nalít] čaje stoupá pára. (Fuč 7) ' От только что налитого чая поднимается пар '.
4. Ježíš Marjá, co je tohle? Taký **nalítej** [< nalít se]? (Mar 250) ' Господи Иисусе, что это такое? Тоже пьяный [букв. налившийся]? '
5. ... vlažná žitná káva a chleba **namazaný** [< namazat] povídky nebo sádlem. (Adl 95) ' Тепловатый житный кофе и хлеб, намазанный повидлом или топленым салом '.
6. [Mikl] byl samozřejmě **namazaněj** [< namazat se] ... (Kap 120) ' [Микл] был, само собой, вмазавший [=пьяный]... '

Полные причастные формы *otočený, nalepený, nalitý, namazaný* способны быть мотивированными как возвратными, так и невозвратными глаголами (ср. *otočit se* 'повернуться' :: *otočit* 'повернуть'; *nalepit se* 'приклеиться' :: *nalepit* 'приклеить'; *nalít se* 'налиться', перен. 'напиться' :: *nalít* 'налить'; *namazat se* 'вмазать', 'надраться', 'нахлестаться' :: *namazat* 'намазать'). Активную залоговую семантику полных причастных форм *otočený, nalitý* и *namazaný* в примерах 1, 4 и 6, равно как и пассивную залоговую семантику полных причастных форм *nalepený, nalitý* и *namazaný* в примерах 2, 3 и 5 определяет контекст.

Активная категориальная семантика перфективных полных причастных форм на *-lý* и пассивная категориальная семантика перфективных полных причастных форм на *-ný/-tý*, мотивируемых переходными глаголами, поддерживается соотносительностью данных причастных форм с предикативными формами глагола, с которыми полные причастия связаны структурно и генетически, внешне отличаясь зачастую только флексией. Ср.:

1. *Nebo už jste také propadl* tomu *jančení jako pan účetní ...* (Otč 126) ' Или и вы помешались на той же чепухе, что и пан бухгалтер... '
2. ... protože svět **propadlý** technice *se začal urychleně obohacovat...* (Mar 222) ' ...потому что мир, помешавшийся на технике, принялся стремительно обогащаться... '
3. – *Podle vás nebyla otrávena?*
– *V žádném případě. Jestli mohl být včera někdo otrávený, tak jsem to byl já.* (Kap 63) ' – Так по-вашему ее никто не отравил? [букв. она не была отравлена]
– Ни в коем случае. Если что-то и могло быть вчера отравленным, так это мое настроение '.

Ощутимость соотносительности краткой (предикативной) и полной причастных форм делает возможным каламбуры, подобные представленному в примере 3.

В нашем материале представлено противопоставление причастий одновременно и по залоговым, и по видо-временным характеристикам. Парадигматическое полное причастие на *-cí* образует оппозицию с перфективным полным причастием на *-lý/-lý* так же регулярно, как и с имперфективным. Ср.:

1. <i>Obrovité sekvoje ... se derou vzhůru z hustého podrostu kapradin, mechů, vřesovce, lýkovce a hníjících větví, poskytujících živnou půdu pro nesčetné květy orchidejí.</i> (Pluď 91)	‘Гигантские секвойи ... продираются вверх сквозь густой подлесок из папоротников, мхов, вереска, волчегородника и гниющих ветвей — питательной среды [букв. предоставляющих питательную среду] для бесчисленных орхидей’.
2. ... a kdekd z nich by chtěl dosáhnout v očích vládce pochvaly za poskytnutou pomoc... (Pluď 416)	‘... и любой из них желал бы увидеть в глазах повелителя похвалу за оказанную [букв. предоставленную] помощь’.
3. <i>Byla to pravá staromládenecká nora, ... překvapující svou sirou nehostinností.</i> (Otč 142)	‘Это была настоящая нора старого холостяка, ... прямо-таки удивляющая своей неуютностью’.
4. <i>Otázkou překvapený architekt se bezudně rozesmál.</i> (Kap 267)	‘Удивленный вопросом, архитектор безудержно расхохотался’.

В приведенных примерах полные причастные формы *poskytující* (пример 1) и *poskytnutý* (пример 2), *překvapující* (пример 3) и *překvapený* (пример 4) противопоставлены одновременно и по залоговым, и по видо-временным характеристикам.

Глава 2. Функциональная значимость чешских полных причастных форм на фоне русских

Настоящая глава посвящена функциональной значимости полных причастных форм чешского глагола на фоне русских. Анализируется двойственность семантико-синтаксического функционирования причастного определения, обусловленная двойственностью причастия, его глагольно-именной природой. Выделяется пропозитивный тип семантико-синтаксического функционирования причастного определения, при котором актуализируется глагольная сторона причастной семантики, и непропозитивный тип, при котором на передний план выступают ее неглагольные, именные аспекты. Рассматриваются факторы, влияющие на склонность отдельных причастных типов, а также конкретных причастий к пропозитивному или непропозитивному функционированию. Определяется стиливая принадлежность и стилистическая значимость чешских полных причастных форм.

1. Семантико-синтаксическое функционирование чешских полных причастных форм на фоне русских

1.1. Понятие пропозитивного и непропозитивного семантико-синтаксического функционирования причастного определения

Системные сходства и системные различия современных чешского и русского литературных языков в определенной мере обуславливают сходства и различия функциональные. Выступая в обоих языках как результат грамматической транспозиции глагола (ср. [Русская грамматика 1979: 270]; [Mluvnické češtiny II, 141]), полная причастная форма может образовывать дополнительное полупредикативное ядро высказывания. При этом причастная конструкция может рассматриваться как вторичное средство реализации модели предложения, представляя собой своего рода результат «номинализации придаточного предложения», ср. [Grepl, Karlík 1986: 262].

Как убедительно показала на материале полных страдательных причастий современного русского языка И.К. Сазонова, «с точки зрения элементарных структур, составляющих предложение, АК [атрибутивная причастная конструкция. — *А.И.*] представляет собой самостоятельную структуру, которая позволяет говорить о дополнительном ядре высказывания, выражающем особый смысл — сообщение в свернутом виде» [Сазонова 1975: 95]. Следует, однако, отметить, что эта «свернутость» может быть различной — каждое взятое вне контекста полное причастие может быть истолковано через предложение, однако в контексте под влиянием семантики окружающих единиц его значение несколько трансформируется, так что нередко замена причастия придаточным определительным предложением, то

есть своего рода «развертывание» причастной пропозиции, представляется нежелательной или же становится просто невозможной.

Н.И. Лисина, рассматривающая действительные причастия русского языка в составе семантической структуры предложения, считает, что данное явление может свидетельствовать «об ослаблении пропозитивного [ситуативного] значения и сближении семантики ДП [действительного причастия. — *А.И.*] с семантикой прилагательного» [Лисина 1986, 76]. Это известное свойство полных причастий русского языка — возможность ослабления «глагольности» — было учтено при составлении толково-грамматического словаря И.К. Сазоновой [Сазонова 1989], выделившей «глагольные», «стативные» и «адъективные» типы лексических значений полных причастий русского языка. Как отмечается в авторском грамматическом комментарии, «глагольные лексические значения причастных форм — это лексические значения глагола, реализующиеся в причастных конструкциях» — выигранное сражение [Сазонова 1986: 9]; «стативные лексические значения причастных форм... выражают непроцессуальный признак, значение результата действия» — влюбленный в кого-то [Сазонова 1989: 10]; в адъективных же значениях «причастие обозначает действие или состояние как признак, свойство в их отвлечении от временной приуроченности» — блуждающая улыбка [Сазонова 1989: 10]. При этом ни стативные, ни адъективные значения «не выходят за рамки глагольной семантической зоны», не переводят причастие в разряд прилагательных, ср. [Сазонова 1989: 10-11].

Возникновение и развитие «стативных» и «адъективных» оттенков значения обуславливает большую степень «свернутости» сообщения, передаваемого причастием, развившим подобные семантические оттенки, что приводит к «затемненности» причастной пропозиции. Вопросы, связанные с «понижением глагольности и усилением качественности» (ср. [Бедняков 1947: 17], то есть со всевозможными процессами адъективации причастий, активно разрабатывались в советской русистике (ср. диссертационные сочинения [Какалуцкая 1967]; [Ломтева 1954]; [Краснов 1955]; [Удалова 1961]; [Лукин 1965]; [Бахарев 1972]; [Демьянова 1974] и др.). Что же касается чешского языка, то мы склонны отказаться от использования в настоящей работе термина «адъективация причастий» уже в силу отмеченных ранее терминологических различий между чешской и русской лингвистическими традициями. Мы не склонны обозначать все полные причастные формы на *-lý* и на *-lý/-lý* адъективированными причастиями, как это принято в чешской лингвистической литературе, только на основании их морфологической структуры. Кроме того, и это обстоятельство явилось для нас определяющим, чешские полные причастные формы характеризуются, на наш взгляд, гораздо большим синкретизмом, чем русские, в силу чего границы между «глагольным» и «неглагольным» употреблением в чешском языке оказываются размытыми в гораздо большей степени, чем в русском. В этом плане сделанный на материале русских страдательных причастий вывод о том, что неактуализованная причастная пропозиция в предложении

всегда может быть в принципе актуализована (ср. [Сазонова 1975: 95]), в не меньшей степени справедлив и для чешских причастий.

В силу изложенного при анализе функционирования полных причастных форм в чешских художественных, научных и публицистических текстах мы обращали внимание не на «степень адъективированности» причастных форм, а на то, что в диссертационном исследовании Л.Ю. Юшиной рассматривалось как оппозиция «пропозитивной» и «атрибутивной» семантико-синтаксических функций [Юшина 1986], а в диссертационном сочинении Г.Ю. Вострецовой — как противопоставление «глагольно-атрибутивного» и «собственно-атрибутивного» типа употребления причастного определения [Вострецова 1990].

По мнению Л.Ю. Юшиной, анализирующей функционирование русских полных причастий страдательного залога, при «пропозитивном» употреблении причастного атрибута актуализируется передаваемое причастной формой действие (ниже пример 1), а при «атрибутивном» — связанный с этим действием качественный признак или состояние (ниже пример 2). Ср. примеры из автореферата Л.Ю. Юшиной:

1. *Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровским.* Ср. ...*кольцо, которое оставил Дубровский.*

2. *В дверях мясных лавок висели красные, развороченные туши отвратительной, мертвой говядины.* Ср. [Юшина 1986: 3-5].

В целом соглашаясь с логичностью подобного подхода и считая его вполне оправданным, мы не склонны, тем не менее, принять его целиком и полностью. Дело в том, что, как справедливо отмечает Л.Ю. Юшина, нединамичность причастного признака может передаваться причастию непосредственно от мотивирующего глагола. Последовательно используя критерий *динамичности :: нединамичности* признака, обозначаемого причастием, Л.Ю. Юшина относит употребление конструкций с подобными причастными формами (ниже примеры 3 и 4) к «атрибутивному», то есть к не-«пропозитивному» типу. Ср.:

3. *Под нами лежала Кайшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями.*

4. *Квартира, занимаемая покойным Берлиозом, а также уехавшим в Ялту Лиходеевым, была пуста.* Ср. [Юшина 1986: 16].

Нам, однако, представляется, что по типу семантико-синтаксического функционирования причастного определения примеры 3 и 4 объединяются скорее с примером 1, чем с примером 2 (ср. ...*квартира, которую занимали Берлиоз и Лиходеев...*).

Объединение примеров 3 и 4 с примером 1, а не с примером 2 находится в соответствии с данными словаря И.К. Сазоновой, в котором для страдательных причастий настоящего времени глаголов *пересекать* [в лексическом значении *протягиваться, пролегать в каком-либо направлении, от одного края к другому*] и *занимать* [в лексическом значении *располагаться, помещаться где-либо*], а также для страдательного причастия прошедшего времени глагола *оставить* [в лексическом значении *уходя, уезжая и т.п.*,

передать кому-либо, положить, поставить где-либо то, что предназначено для кого-либо] фиксируются только «глагольные значения», тогда как для причастия развороченный допускается употребление «в значении прилагательного», ср. [Сазонова 1989: 147; 279; 301; 384].

Поэтому, принимая последовательно осуществленное разграничение двух семантико-синтаксических функций причастного определения, мы считаем, что понятие пропозитивного употребления причастия вполне оправданно использовать применительно ко всем случаям употребления причастного атрибута, при которых лексические значения причастной формы дублируют соответствующие лексические значения формы предикативной.

При употреблении в пропозитивной лексико-синтаксической функции, то есть выступая в качестве средства выражения глагольной пропозиции, причастие реализует лексические значения, названные в словаре И.К. Сазоновой «глагольными лексическими значениями». Пропозитивность причастной семантики в нашем понимании тождественна, таким образом, глагольности причастного признака. А поскольку предикативные формы глагола способны выражать не только действие, но и состояние, то получается, что хотя динамичность причастного признака и предполагает его «глагольность», нединамичность причастного признака не предполагает, по нашему мнению, его «неглагольности».

«Глагольность» причастного признака заключена, как мы считаем, не в динамичности, а в его денотативной закреплённости. Следует отметить, что денотативная закреплённость причастного признака, его соотносённость с конкретной речевой ситуацией рассматривается Г.Ю. Вострецовою как одно из существенных свойств «глагольно-атрибутивного» типа употребления причастного атрибута. Ср.: «Глагольно-атрибутивный тип характеризуется тем, что причастие называет признак, локализованный в своем проявлении рамками события, тогда как собственно-атрибутивное употребление такой денотативной прикреплённости не обнаруживает» [Вострецова 1990: 16].

Тем не менее результаты разграничения «пропозитивного» и «атрибутивного» типов употребления причастного определения, осуществленного в соответствии с критериями Л.Ю. Юшиной (динамичность или нединамичность причастного признака), совпадает в основном с результатами разграничения «глагольно-атрибутивного» и «собственно-атрибутивного» типов, осуществленного в соответствии с критериями Г.Ю. Вострецовою (денотативная закреплённость или незакреплённость причастного признака). О соотносительности терминов, употребляемых авторами двух названных диссертационных сочинений, может свидетельствовать, как нам представляется, и тот факт, что Г.Ю. Вострецова ссылается на результаты, полученные Л.Ю. Юшиной, без уточнения терминологических аспектов [Вострецова 1990: 5].

Разграничение двух семантико-синтаксических функций причастного определения (ср. [Юшина 1986]; [Вострецова 1990]), равно как и разграничение реализующихся при определенных условиях «глагольных» и не-«глагольных» (то есть «стативных» и «адъективных») причастных лексиче-

ских значений (ср. [Сазонова 1989]), отражает двойственность причастия, его глагольно-именную природу и применимо в силу данного обстоятельства также и к чешскому материалу.

Обследованные нами чешские художественные, научные и публицистические тексты свидетельствуют об обоснованности разграничения двух типов употребления чешских полных причастных форм в составе причастного определения. Атрибутивная причастная конструкция может выступать в современном чешском языке в качестве своего рода функциональной замены предикативной конструкции. Причастный признак при этом локализован в своем проявлении рамками описываемого события, а причастная атрибутивная конструкция реализует те же лексические значения мотивирующего глагола, что и предикативная конструкция. Ср. примеры с причастной атрибутивной (пример 1) и предикативной (пример 2) конструкциями:

1. *Nebo už jste také **propadl** tomu jančení jako pan účetní...* (Otč 126) ‘Или и вы помешались на той же чепухе, что и пан бухгалтер...’

2. *...protože svět **propadlý** technice se začal urychleně obohacovat...* (Mag 222) ‘...потому что мир, помешавшийся на технике, принялся стремительно обогащаться...’

Представленное в обоих приведенных выше примерах так называемое эловое причастие глагола *propadnout něčemu* ‘предаться чему-либо, отдаться во власть чего-либо, помешаться на чем-либо’ выступает в примере 2 в краткой (предикативной), а в примере 1 в полной (атрибутивной) форме. Представленная в примере 1 атрибутивная конструкция с полной причастной формой *propadlý* может рассматриваться, на наш взгляд, в качестве функционального эквивалента предикативной конструкции с краткой причастной формой *propadl* (ср. *svět propadlý technice* ‘мир, помешавшийся на технике’ и *svět, který propadl technice* ‘мир, который помешался на технике’). В обоих примерах причастный признак локализован в своем проявлении рамками описываемого события. В примере 1 реализуются те же лексические значения глагола *propadnout*, что и в примере 2.

Поскольку атрибутивная конструкция выступает, таким образом, как средство репрезентации глагольной пропозиции, подобный тип употребления причастного атрибута мы склонны называть пропозитивным.

Однако атрибутивная причастная конструкция может и не образовывать в предложении дополнительного смыслового признака. При этом признак, передаваемый чешской полной причастной формой, может быть денотативно не закреплен, оказываясь шире конкретной ситуации, в которой он проявляется. Полная причастная форма реализует при этом не глагольную, а именную сторону своей семантики. Ср.:

*[Sylvie] jasně viděla v tu chvíli svou babičku, stále **vzpřímenou** a* ‘[Сильвия] ясно видела в эту минуту свою бабушку, всегда статную [букв.

Поскольку в подобных случаях атрибутивная причастная конструкция не является средством репрезентации глагольной пропозиции, такое употребление причастного атрибута мы склонны называть непропозитивным.

Содержание используемого нами термина *пропозитивная семантико-синтаксическая функция причастного атрибута* оказывается, таким образом, несколько шире содержания термина *пропозитивная функция*, используемого Л.Ю. Юшиной, и совпадает с содержанием термина *глагольно-атрибутивный тип употребления причастного определения*, используемого Г.Ю. Вострецовой. Содержание используемого нами термина *непропозитивная семантико-синтаксическая функция причастного атрибута* оказывается несколько уже содержания термина *атрибутивная функция*, используемого Л.Ю. Юшиной, и совпадает с содержанием термина *собственно-атрибутивный тип употребления причастного определения*, используемого Г.Ю. Вострецовой.

В настоящей главе мы будем пользоваться понятиями пропозитивного и непропозитивного употребления причастного определения как рабочими терминами, осознавая как неопределенность, расплывчатость границ между ними, так и некоторую условность понятия *непропозитивное употребление*. Мы склонны считать, что определенная доля «глагольности», а следовательно, и «пропозитивности» присутствует в семантике причастной формы практически всегда.

Многие выводы Л.Ю. Юшиной, сделанные на материале страдательных причастий русского языка, верны, как показали наши исследования, и для чешского материала. Нам хотелось бы остановиться на некоторых моментах, так как именно диссертационное сочинение Л.Ю. Юшиной послужило нам в качестве основного источника информации о семантико-синтаксическом функционировании причастного определения в современном русском языке.

Наиболее значимо, безусловно, осуществленное Л.Ю. Юшиной убедительное разграничение двух семантико-синтаксических функций причастного атрибута. Немалый интерес представляет и выявленная Л.Ю. Юшиной зависимость между лексической семантикой мотивирующего глагола и склонностью причастной формы к преимущественному употреблению в той или иной семантико-синтаксической функции. В частности, «тяготение к выражению качественной и стальной семантики обнаруживают причастия от глаголов, значение которых может быть в общем виде определено как каузация признака или состояния. Иными словами, данное свойство проявляется у причастий от глаголов, обозначающих действие, которое вносит в объект то или иное состояние, способное быть представленным как его новый признак или состояние. Таковы причастия: разбитый, сломанный, окрашенный...» [Юшина 1986: 8]. При этом «у довольно большого числа глаголов сема каузируемого признака передается корнем отыменного происхождения (адъективного или субстантивного). Таковы, например, глаго-

лы типа засушить — сделать сухим, обнажить — сделать нагим, ослепить — сделать слепым, подсластить — сделать сладкий и др.» [Юшина 1986: 10].

По мнению Л.Ю. Юшиной, «различие между пропозитивной и атрибутивной функциями причастия не имеет формального выражения... Тем не менее можно выделить некоторые моменты, помогающие определить, в какой функции употреблено причастие» [Юшина 1985: 5].

Как отмечает Л.Ю. Юшина, «наиболее очевидным показателем употребления причастия в пропозитивной функции является то, что значение действия, реализованное в семантике причастия, регулярно оказывается соотношенным со значением сказуемого или иной предикативной формы» [Юшина 1986: 5].

Мы считаем, что включенность причастного действия в смысловую структуру высказывания является не только показателем пропозитивности причастного определения, но в первую очередь причиной этой пропозитивности. Нам представляется, что смысловая соотношенность причастного действия с каким-либо иным действием или ситуацией актуализирует это причастное действие, обуславливая тем самым пропозитивность причастного определения. Совершенно справедливо утверждение Г.Ю. Вострецовой, что «денотативная закреплённость причастного признака препятствует активизации адъективных свойств в значении причастия» [Вострецова 1990: 12].

Значительный интерес представляет наблюдение Л.Ю. Юшиной о зависимости характера возможного причастного распространителя от выполняемой причастным определением семантико-синтаксической функции. Так, пропозитивно употребленные страдательные причастия «чаще всего сочетаются с распространителями, акцентирующими в них значение действия — темпоральными, локальными, целевыми, причинными и др.», тогда как «причастия, употребляемые в атрибутивной функции, распространяются, главным образом, обстоятельственно-определятельными формами с квалифицирующим значением. Эти распространители еще более усиливают качественно-кваликативный характер семантики причастия» [Юшина 1986: 21].

Заслуживает также внимание и свидетельство Л.Ю. Юшиной об определенной зависимости места нераспространенного страдательного причастия от выполняемой причастным определением семантико-синтаксической функции. Так, страдательные причастия, передающие значение действия, «ограниченно употребляются в препозиции к определяемому слову без распространителей, в то время как для страдательных причастий, передающих значение качественного признака или состояния, такое употребление вполне естественно» [Юшина 1986: 21].

1.2. Общая характеристика пропозитивного и непропозитивного употребления чешских полных причастных форм

Двойственность семантико-синтаксического функционирования чешских полных причастных форм, возможность актуализации глагольной или же неглагольной (именной) стороны их семантики обусловлены двойственной глагольно-именной природой причастия. В этом плане чешский язык обнаруживает принципиальное сходство с русским языком, в котором причастная форма также «может употребляться двояко — как прилагательное и как глагол» [Вострецова 1990: 1]. В обоих языках значительная часть полных причастных форм способна быть употребленной как в пропозитивной, так и в непропозитивной семантико-синтаксической функции. Собственно говоря, именно эта способность совмещения семантики и функциональной значимости двух частей речи и позволяет причастию называться «причастием» (ср. *Participium ex partibus utriusque natum est, partem a nomine, partem a verbo*). Однако, как отмечает Л.Ю. Юшина, в современном русском языке «причастия, допускающие употребление в пропозитивной и атрибутивной функции, реально употребляются преимущественно в атрибутивной функции» [Юшина 1986: 8]. Наш материал также свидетельствует о том, что конкретные полные причастные формы, как правило, «специализируются» на выполнении той или иной семантико-синтаксической функции. Если мы располагаем несколькими примерами употребления одной и той же причастной формы, то все они, как правило, выполняют одну и ту же семантико-синтаксическую функцию — пропозитивную или непропозитивную. Тем не менее значительная часть чешских полных причастных форм сохраняет возможность (пусть даже зачастую чисто теоретическую) двоякого семантико-синтаксического функционирования. Ср.:

1. *Ted' mijely měsíce — jak smutno asi bylo v tomto přivítivém bytě nad Michlí ženě osamělém v letech, kdy samota je třikrát těžší smrti.* (Fuč 53)

'Теперь проходили месяцы — как же тоскливо, наверное, было в этой приветливой квартире над Михлей женщине, ставшей одинокой в возрасте, когда одиночество втрое страшнее смерти'.

2. *– Zdržel se někdo hlasování? Chvilí vyčkávavé ticho a do něho se vznese u dveří osamělá pravička.* (Otč 121)

'– Кто воздержался? Минута напряженной тишины, и вдруг у дверей вздымается одинокая рука'.

3. *[Strýc] se naopak stáhl dozadu, neboť po cestě vedoucí podél trati uháněla bryčka a na ní stál bratr Vincenc...* (Mar 15)

'[Дядюшка] же, напротив, откинулся назад, так как по дороге, идущей [букв. ведущей] вдоль железнодорожного полотна, мчалась бричка, а в ней стоял брат Винценц...'

4. *[Mizina] zatím zahřival jeho vedoucí místo, a když se Kazda*

'[Мизина] же все это время сторожил его руководящее [букв. ведущее] место и,

- vrátil, ustoupil skromně do pozadí.* (Otč 187) как только Казда вернулся, скромно отступил в тень’.
5. *[Advar Gipon] mohl detailně pozorovat předměty vzdálené na sto kilometrů od sebe.* (Rosen 39) ‘[Адвар Гипон] мог в мельчайших подробностях рассматривать объекты, на сто километров удаленные друг от друга’.
6. *[Strýc] prohodil několikrát, že je vzdálená příbuzná barona von Seeberg...* (Mar 40) ‘[Дядюшка] несколько раз мимоходом упомянул, что она дальняя [букв. удаленная] родственница барона фон Зиберг’.

В приведенных выше примерах представлены три полные причастные формы — *osamělý*, *vedoucí* и *vzdálený*. При этом в примерах 1, 3 и 5 признак, приписываемый причастной формой определяемому объекту, денотативно закреплён, в силу чего причастная атрибутивная конструкция образует дополнительное полупредикативное ядро высказывания и может рассматриваться как своего рода функциональный эквивалент предикативной конструкции, Ср.: *...ženě, která osaměla v letech, kdy samota...* ‘...женщине, которая стала одиночкой в возрасте, когда одиночество...’; *...po cestě, která vedla podél trati...* ‘...по дороге, которая вела вдоль железнодорожного полотна...’; *...předměty, které byly vzdáleny no sto kilometrů od sebe...* ‘...объекты, которые были на сто километров удалены один от другого’). В примерах же 2, 4 и 6 те же самые полные причастные формы *osamělý*, *vedoucí* и *vzdálený* передают некий качественный признак, уже не образуя дополнительного смыслового ядра высказывания.

Как уже отмечалось, границы между пропозитивным и непропозитивным употреблением причастного определения достаточно подвижны, и восприятие причастного признака как денотативно закреплённого или же денотативно не закреплённого часто обуславливается индивидуальной языковой интуицией носителя языка. Приведенные выше примеры с формами *osamělý*, *vedoucí* и *vzdálený* представляют собой своего рода крайние случаи — оппозицию отчетливо пропозитивного и отчетливо непропозитивного функционирования одних и тех же полных причастных форм. Зачастую же мы наблюдаем своего рода переходные случаи, когда «глагольность» полной причастной формы оказывается затемнена возникающими качественными или стативными оттенками причастной семантики в разной степени, в результате чего создаются второй, третий и т.д. планы повествования. Ср.:

- Ivan se usměje do strnulého obličeje své matky a ona se za ním dívá, jak jde pěšinkou vroubenou přeschlými floxy kolem zdravícího sluhu.* (Adl 58) ‘Иван [отъезжающий на учебу в другой город] улыбается матери, и та с застывшим лицом смотрит, как он выходит из зала, как идет по тропинке, окаймленной засохшими флоксами мимо кланяющегося слуги’.

Очевидно, что у различных полных причастных форм в приведенном примере «мера глагольности» и «мера качественности» неодинакова. «Глагольность» формы *strnulý*, как нам представляется, выше, чем «глагольность» формы *přeschlý*, а формы *zdravící* выше, чем формы *vroubený*. Тем не менее установить расположение каждой конкретной формы на оси *глагольность* :: *неглагольность* не представляется возможным. Мера «глагольности» во многом определяется самим широким контекстом и индивидуальной языковой интуицией носителя языка.

Единственно надежным признаком пропозитивного употребления причастного определения является, как мы считаем, включенность причастного действия в семантическую структуру высказывания, и прежде всего взаимообусловленность, каузальность причастного и предикативного действий, так как именно в силу данной взаимообусловленности и происходит актуализация глагольной стороны причастной семантики. Ср.:

1. <i>V náhlé m tichu slyšeli, jak na polici melodicky cinkají vychládající figurky.</i> (Adl 47)	‘Во внезапно наступившей тишине они слышали, как на полке мелодично потрескивают [только что обожженные] остывающие статуэтки’.
2. <i>[Sylvie] věnovala se usilovnému míchání dávno vychladlé kávy.</i> (Adl 101)	‘[Сильвия] принялась сосредоточенно помешивать давно остывший кофе’.
3. <i>Pak [majitel pohřebního ústavu] zazvonil a vstoupivšímu fámulovi dal patřičné pokyny.</i> (Mar 113)	‘После этого [владелец похоронного бюро] позвонил и отдал вошедшему помощнику соответствующие распоряжения’.
4. <i>Ve schránce Brych našel dopis odeslaný expres.</i> (Otč 354)	‘В почтовом ящике Брых обнаружил письмо, отправленное срочной почтой’.

В примерах 3 и 4 осуществление причастного действия создает предпосылки для осуществления соотносительного предикативного действия — Брых не смог бы ничего обнаружить в своем почтовом ящике, если бы накануне отправленное письмо не было отправлено срочной почтой, равно как и владелец похоронного бюро может отдавать распоряжения только тому помощнику, который уже вошел и готов эти распоряжения выполнять. В примере 1 каузальность причастного и соотносительного предикативного действий также очевидна — статуэтки потрескивают именно в процессе их остывания. Семантическая соотнесенность причастного и предикативного действий в примере 2 проявляется, напротив, в том, что эти действия связаны отношениями уступительности: взволнованная Сильвия принимается остужать кофе, помешивая его, и не замечает, что кофе давно остыл и в помешивании не нуждается.

Как нам представляется, названная особенность — каузальность причастного и предикативного действий при пропозитивном употреблении при-

частей — особенно важна при определении типа семантико-синтаксического функционирования полных причастных форм на *-lý* и перфективных полных причастных форм на *-lý/-tý*, склонных к утрате «глагольности» в большей, чем иные причастные типы, степени. Отношения взаимообусловленности, связывающие причастное и предикативное действия, свидетельствуют о пропозитивном употреблении этих склонных в целом к непропозитивному функционированию полных причастных форм. Ср.:

1. <i>Vorvaň se vrátil do křesla a zapálil vyhaslý doutník.</i> (Otč 104)	<i>«Кашалот» [прозвище генерального директора] вернулся в кресло и зажег потухшую сигару’.</i>
2. <i>Brych podpíral zesláblého Bartoše...</i> (Otč 141)	<i>‘Брих поддерживал ослабевшего Бартоша...’</i>
3. <i>Zkoprnělý Štětka se pokoušel zachránit situaci.</i> (Otč 183)	<i>‘Оторопевший Штетка пытался спасти положение...’</i>
4. <i>Z chodby přes vyřazené dveře hrnou tajní do kuchyně...</i> (Fuč 8)	<i>‘Из коридора через выломанную дверь полицейские врываются на кухню...’</i>
5. <i>Za hodinu jsem seděl ve vlaku a vezl si domů ukradené modré chryzantémy.</i> (Čap 17)	<i>‘Через час я сидел в поезде и вез домой похищенные голубые хризантемы’.</i>

В приведенных примерах пропозитивность причастной конструкции поддерживается семантической связью причастного и предикативного действия. Так, Брих поддерживал Бартоша именно потому, что тот ослабел и не мог идти самостоятельно (пример 2). Если бы сигара генерального директора не погасла, не возникла бы и потребность ее снова зажигать (пример 1). Хотя Штетка и оторопел от неожиданного прихода Мареды, он, единственный из всех присутствующих, попытался правдоподобно объяснить всеобщую неловкость (пример 3). Герой рассказа К. Чапека не смог бы везти домой драгоценные для него цветы, не украв их — мы знаем, что продать их ему отказались (пример 5). Для того, чтобы проникнуть в конспиративную квартиру, полицейским пришлось выломать двери (пример 4).

1.3. Влияние лексико-грамматических особенностей чешских полных причастных форм на их склонность к пропозитивному или непропозитивному семантико-синтаксическому функционированию

Как уже отмечалось, двойственность семантико-синтаксического функционирования полных причастных форм внутренне обусловлена, поэтому теоретически одна и та же форма способна функционировать как пропозитивно, так и непропозитивно. Тем не менее нельзя не отметить, что на склонность конкретных полных причастных форм к пропозитивному или к преимущественно непропозитивному функционированию весьма существ-

венно влияют лексико-грамматические особенности данных форм, и прежде всего принадлежность к тому или иному причастному типу, вид мотивирующего глагола, а также особенности лексической семантики данных полных причастных форм. Как показал обследованный материал, весьма существенное влияние на склонность полной причастной формы к пропозитивному или непропозитивному функционированию оказывает ее принадлежность к тому или иному причастному типу:

- полные причастные формы на *-ší* употребляются практически исключительно пропозитивно;
- полные причастные формы на *-cí* употребляются преимущественно пропозитивно;
- полные причастные формы на *-ný/-tý* достаточно регулярно употребляются как пропозитивно, так и непропозитивно;
- полные причастные формы на *-lý* употребляются преимущественно непропозитивно.

Мы считаем такое положение вещей вполне закономерным. Практически абсолютная пропозиitivность полных причастных форм на *-ší* обусловлена спецификой их функционирования в современном чешском литературном языке. Как уже отмечалось, атрибутивные конструкции с подобными формами, как правило, не возникают спонтанно, а всякий раз образуются именно в качестве средства передачи дополнительного законченного действия в прошлом. Поэтому, хотя непропозиitivное функционирование подобных форм в силу их причастной природы теоретически возможно, реализуется эта возможность, насколько мы можем судить, лишь у отдельных полных причастных форм на *-ší*, употребляющихся в клишированных сочетаниях и обладающих в силу этого семантикой, не выводимой полностью из лексической семантики мотивирующего глагола. Ср.:

1. <i>V Praze byl jeden člověk, historik, myslím, že se jmenoval doktor Král. Václav Král... A také jeden ze Svazu... přeživších... Jó, Svaz protifašistických bojovníků.</i> (Respekt 26.9-2.10.1990)	<i>'В Праге был один человек, историк, звали его, вроде бы, доктор Крал. Вацлав Крал... И еще один из союза... переживших... Ну да, союз антифашистов.'</i>

Зафиксированная в данном примере субстантивированная полная причастная форма на *-ší* глагола *přežít někoho, něco* 'пережить кого-либо, перенести что-либо' обозначает не лиц, переживших кого-либо (например *přežít svého bratra* 'пережить своего брата') или переживших, перенесших что-либо (например *přežít válku, operaci* 'пережить войну, перенести операцию'), а лиц, перенесших нечто вполне конкретное, а именно заключение в концентрационном лагере. Ср. также:

2. 1945. — 5. května S.W. [Simon Wiesenthal] osvobozen v Mauthausenu jako jeden z 34 přeživších vězňů (původně jich zde bylo 149000). (Respekt 26.9-	<i>'1945. — 5 мая С.В. [Симон Визенталь] освобожден в Матхаузене среди 34 выживших узников (первоначально их здесь было</i>

2.10.1990)

149000)'.
'

Подобная терминологизованность формы *přeživší* выделяет данное причастие из общей массы крайне книжных полных причастных форм на *-ší*, делая возможным его непропозитивное функционирование в примере 1.

В целом же полные причастные формы на *-ší* употребляются практически исключительно пропозитивно. Ср.:

<i>V obvodu, z něhož pocházeli žáci,</i>	<i>'Te края, откуда ученики были родом,</i>
<i>byla téměř veškerá bojiště vy-</i>	<i>стали местом почти всех сражений</i>
<i>puknuvší prusko-rakouské války.</i>	<i>вспыхнувшей прусско-австрийской вой-</i>
(Syllaba 37)	<i>ны'.</i>

«Глагольность» употребленного в данном примере причастия *vy-puknuvší* очевидна и не вызывает сомнений.

Что же касается полных причастных форм на *-cí*, на *-lý* и на *-ný/-tý*, то их склонность к пропозитивному или к непропозитивному функционированию определяется более или менее однозначно их видовой семантикой. Характерная для всех перфективных форм возможность актуализации не только самого передаваемого данной перфективной формой действия, но и результата этого действия (ср. [Бондарко, Буланин 1967: 90]; [Корецьк 1958: 152]) обуславливает большую склонность перфективных полных причастных форм и меньшую склонность имперфективных полных причастных форм к непропозитивному употреблению.

В целом меньшая, по сравнению с имперфективными полными причастными формами, склонность имперфективных полных причастных форм к непропозитивному функционированию не исключает, однако, самой возможности подобного их употребления. Следует отметить, что для большинства обнаруженных нами непропозитивно употребленных полных причастных форм на *-ný/-tý* и полных причастных форм на *-cí* их склонность к непропозитивному функционированию определялась не лексическими, а именно грамматическими причинами. Как нам представляется, непропозитивное употребление многих имперфективных полных причастных форм можно представить как реализацию ими одного из частных видовых значений несовершенного вида, а именно потенциального значения. В соответствии с этим имперфективные полные причастные формы начинают выражать не действие в активной или пассивной перспективе, а способность, потенциальную возможность это действие произвести. Ср.:

1. <i>...musela nasednout do vozu v</i>	<i>'...ей пришлось в униженной [букв.</i>
<i>ponižujícím zmatku a hrůze a hnát</i>	<i>унижающей] спешке и страхе вскочить</i>
<i>se do Hrušova. (Adl 147)</i>	<i>в машину и мчаться в Грушов'.</i>

2. <i>[Brych] nikdy se nezbaví pocitu</i>	<i>'[Брих] никогда не избавится от чувст-</i>
<i>ponižující hanby... nad obnošeným</i>	<i>ва мучительного [букв. мучащего] сты-</i>
<i>sakem po nebožtíkovi otci. (Otč 13)</i>	<i>да... за свой поношенный пиджак, дос-</i>
	<i>тавший ему от покойника отца'</i>

	<i>тавшийся ему от покойника отца</i> ’.
3. <i>Před udivenýma očkama služičky se odehrála pokořující honička... (Otč 20)</i>	‘На глазах удивленной служанки разыгралась унижительная [букв. унижающая] погоня...’
4. <i>...dovedeš si představit ty dráždivé, vzrušující potulky po nejživějších třídách... (Otč 89)</i>	‘...ты сумеешь оценить эти дразнящие, волнующие прогулки по самым оживленным улицам...’
5. <i>Měla trochu bláhové představy, jak její syn vystuduje, stane se bohatým a váženým pánem... (Otč 13)</i>	‘У нее были несколько наивные представления о том, как ее сын выучится, станет богатым и уважаемым господином...’

Передаваемое полной причастной формой действие представлено в приведенных примерах как постоянно возможное и непрерывно осуществляющееся, оно представлено как относительно устойчивый, вневременной признак предмета, что приводит к возможности непропозитивного употребления подобной формы.

В то время как для общей массы имперфективных полных причастных форм непропозитивное употребление в целом не характерно, а у тех немногочисленных полных причастных форм, которые обладают склонностью к непропозитивному функционированию, данное их свойство обусловлено прежде всего грамматически, для перфективных полных причастных форм в целом характерно именно преимущественно непропозитивное употребление, причем данная их особенность обусловлена взаимодействием перфектной видовой и лексической семантики мотивирующего глагола. Признак, внесенный в предмет действием, которое передает причастная форма, начинает выступать как вневременной признак этого предмета, как его относительно постоянное качество.

Так же, как и в современном русском языке (ср. [Юшина 1986: 10]), семантический компонент каузируемого признака зачастую оказывается представленным в глагольной основе. Мотивирующий глагол семантически соотносится с однокоренным прилагательным или существительным (ср. *namoklý < namoknout :: mokrý* ‘намокший’ < ‘намокнуть’ :: ‘мокрый’; *lakovaný < lakovat :: lak* ‘лакированный’ < ‘лакировать’ :: ‘лак’). Подобные полные причастные формы легко приобретают адъективные значения, что обуславливает их преимущественно непропозитивное функционирование. Ср.:

1. <i>[Pan Bacík] vedl je dovnitř, kde už voněly čerstvé koláče bohatě cukrované. (Mar 177)</i>	‘[Пан Бацик] провел их внутрь, где уже источали ароматы свежие, обильно обсыпанные сахаром сдобные булки’.
2. <i>...opírala se konečky prstů o bílé lakované zabrale... (Adl 82)</i>	‘...она отиралась кончиками пальцев о покрытые светлым лаком перила...’

3. [Brych] vysníval si trochu **přeslažené** a unylé příběhy... (Otč 19) ' [Брих] сочинял несколько слащавые [букв. переслащенные] и грустные истории...'
4. **Zřídle** zbytky někdejšího pralesa vysušeného staletými větry se uchovaly pouze v nížině kolem ústí... (Plud 12) 'Поредевшие остатки стоявших здесь когда-то девственных лесов, высушенных за столетия ветром, сохранились только в низинах у устья реки...'
5. [Les] vydechoval omamnými vůněmi **namoklých** mechů... (Otč 414) ' [Лес] выдыхал пьянящие ароматы влажного [букв. намокшего] мха...'
6. Druhý, Tůma, pravý typ starého českého bachaře. **Obhroublý**, křiklavý, ale v gruntu dobrý... (Fuč 84) 'Второй, Тума — типичный старый чешский надзиратель — грубоватый [букв. огрубевший], крикливый, однако в сущности добродушный.'
7. Na **vzdálené** čáře horizontu se černaly hradební věže. (Adl 71) 'На далекой [букв. удаленной] полоске горизонта чернели башни замка.'

Семантическая соотнесенность подобных полных причастий с однокоренными прилагательными вполне ощутима. Ср.:

<i>cukrovaný</i>	'обсахаренный'	::	<i>cukrový</i>	'сахарный'
<i>lakovaný</i>	'лакированный'	::	<i>lakový</i>	'лаковый'
<i>zřídlý</i>	'поредевший'	::	<i>řídký</i>	'редкий'
<i>namoklý</i>	'намокший'	::	<i>mokrý</i>	'мокрый'
<i>obhroublý</i>	'огрубевший'	::	<i>hrubý</i>	'грубый'
<i>vzdálený</i>	'отдаленный'	::	<i>daleký</i>	'далекий'

Легкость приобретения этими формами адъективных значений обуславливает их склонность к преимущественно непропозитивному функционированию, как с причастными распространителями (ср. примеры 1, 2, 3), так и без них (ср. примеры 4, 5, 6, 7).

Так же, как и в современном русском языке (ср. [Юшина 1986: 13]), преимущественно непропозитивное употребление характерно для перфективных полных причастных форм, мотивируемых глаголами, обозначающими действия, нарушающие каким-либо образом физическую целостность предмета, изменяющие его форму, его поверхность, а также как-либо иначе его преобразующие. Ср.:

1. ...z těchto **rozbitých, ohořelých** vrat vybíral neporušené kusy... (Adl 159) '...из этих разбитых, обгорелых ворот он выбирал неповрежденные доски.'
2. [Brych] pobíhal po bytě, snaže se jej uvést alespoň do jakéhosi ' [Брих] метался по комнате, пытаясь навести хоть какой-нибудь порядок;

- pořádku, nacpal **zmačkané** pyžama do gauče... сунул измятую пижаму в диван...'
3. Ukázal mu amatérskou fotografii s **přelámanými** rohy... (Otč 488) 'Он показал ему любительскую фотографию с обломанными углами...'
4. K pokladům patřil i starý kolovrat, **rozeschlá** truhla, několik kaleidoskopů... (Adl 15) 'Сокровищами были и старая прялка, и рассыпавшийся сундук, и несколько калейдоскопов...'
- 5 ... a nakonec injektory, které tlakem vybuchujících náloží vbijejí do **udusané** půdy cementové a asfaltové sondy. (Rosen 117) '...и, наконец, инъекторы, которые вбивают силой взрывающихся зарядов в утрамбованную землю бетонные и асфальтовые зонды...'

В приведенных примерах, число которых можно увеличить, для смысла высказывания актуально не само заключенное в причастной форме действие, а некое качество предмета, в результате этого действия возникшее. Обстоятельства, при которых обломались углы любительской фотографии (пример 3) или рассыпался сундук (пример 4), для смысла высказывания не существенны.

Так же, как и в современном русском языке (ср. [Юшина 1986: 14]), склонностью к непропозитивному функционированию обладают перфективные полные причастные формы, мотивируемые некоторыми глаголами, которые выражают нефизическое действие, вызывающее некоторое актуальное для повествования состояние определяемого объекта — как правило, лица. Ср.:

1. Nandor Levai jako **očarovaný** vykročil vstříc svému osudu. (Rosen 107) 'Нандор Левай, как замороженный, пошел навстречу своей судьбе.'
2. **Ohromený** náčelník se dal znovu do pochodu... (Kap 136) 'Ошеломленный начальник вновь заходил взад и вперед...'
3. Odchod Sylvie ji vyčerpал jako nebezpečná choroba, připadala si **oslabená**... (Adl) 'Отъезд Сильвии, подобно опасной болезни, отнял у нее все силы, она чувствовала себя ослабевшей...'
4. [Pan Bacík] vypadal velice seriózně a dovedl zahrát **urazeného** živnostníka a **pobořeného** mra-vokárce... (Mar 239) '[Пан Бацик] выглядел очень солидно и сумел сыграть оскорбленного агрария и возмущенного моралиста...'

В приведенных примерах причастное действие не нарушает физической целостности определяемого объекта и не преобразует его физически, тем не менее и в этих примерах для повествования актуально не действие, а некое возникшее в результате этого действия состояние определяемого объекта.

Следует, впрочем, отметить, что приобретение адъективных и стативных оттенков значения для причастий, мотивируемых подобными глаголами, в целом менее характерно, чем для рассмотренных выше причастий типа *zřídlý, lakovaný*.

Лексико-грамматические особенности рассмотренных выше групп полных причастных форм обуславливают их склонность к непропозитивному употреблению, в то же время не обуславливая его однозначно. Границы между пропозитивным и непропозитивным функционированием причастий в обоих языках подвижны и трудноопределимы, что в первую очередь относится к чешским полным причастным формам, характеризующимся, как уже отмечалось, большим, в сравнении с русскими причастиями, синкретизмом. В связи с этим для определения семантико-синтаксической функции чешских полных причастных форм гораздо более существенное значение приобретает самый широкий тематический контекст, характер коммуникативного акта.

1.4. Некоторые особенности пропозитивно и непропозитивно употребленного причастного атрибута

В современном чешском языке отсутствует однозначная связь между пре- или постпозицией причастного атрибута, а также его распространенностью или нераспространенностью и его пропозитивностью или непропозитивностью, поэтому мы не считаем возможным рассматривать расположение причастного атрибута до определяемого слова или после него, равно как и наличие или отсутствие причастных распространителей в качестве критериев определения выполняемой данным причастным атрибутом семантико-синтаксической функции. Тем не менее определенные закономерности в данной области прослеживаются.

Рассматривая зависимость пре- или постпозитивного положения полной причастной формы от выполняемой ею семантико-синтаксической функции, нельзя не обратить внимания на тот факт, что перфективные и имперфективные полные причастные формы ведут себя в этом плане неодинаково.

Полные причастные формы на *-cí* и имперфективные полные причастные формы на *-ný/-tý*, склонные в силу своей имперфективности прежде всего к пропозитивному семантико-синтаксическому функционированию, реализуют свою «глагольность» в целом независимо от расположения причастного атрибута относительно определяемого слова. Ср.:

1. <i>Místo odpovědi políbil tu bezradně nabízenou ruku.</i> (Adl 86)	‘Вместо ответа он поцеловал эту беспомощно предлагаемую руку’.
2. <i>Dole hala sem hudba, tlumená korunami stromů.</i> (Adl 111)	‘Сюда доносилась музыка, приглушаемая кронами деревьев’.
3. <i>[Sylvie] dívala se za rychle mizícím autem a horlivě mávala.</i>	‘[Сильвия] смотрела в сторону исчезающего вдали автомобиля и усердно

- (Adl 87) *махала на прощание*’.
4. *Sylvie byla opět nerozumné děvčátko potřebující obranu...* (Adl 120) ‘Сильвия была опять несмышленой девочкой, **нуждающейся** в защите...’

В приведенных и подобных примерах имперфективные полные причастные формы выполняют пропозитивную семантико-синтаксическую функцию независимо от того, предшествует причастный атрибут определяемому слову (примеры 1 и 3) или же он употреблен постпозитивно (примеры 2 и 4).

Что же касается перфективных полных причастных форм, то следует отметить несколько большую характерность препозиции для непропозитивно употребленного причастного атрибута и постпозиции — для пропозитивно употребленного. Ср.:

1. *...po prvních větách trochu zmateného dopisu se babička lekla...* (Adl 157) ‘...прочитав первые же строки несколько сумбурного [букв. запутанного] письма, бабушка испугалась...’
2. *[Jan] uslyšel své jméno vyslovené podrážděným hlasem.* (Adl 131) ‘[Ян] услышал свое имя, произнесенное раздраженный голосом’.
3. *Nápad vzniklý při kamarádském tlachání začal přinášet ovoce.* (Mar 58) ‘Идея, возникшая в дружеской беседе, начала приносить плоды’.
4. *Pamatuješ? Obrázek za puklým sklem a hloupůstky dotýkané dětskýma ručkama.* (Otč 501) ‘Ты помнишь? Картинка за лопнувшим стеклом и безделушки, которые трогают детские ручки’.

Непропозитивно употребленные формы *zmatený* (пример 1), *podrážděný* (пример 2) и *puklý* (пример 4) стоят перед определяемым словом (*zmatený dopis*, *podrážděný hlas*, *puklé sklo*). Что же касается пропозитивно употребленных форм *vyslovený* и *vzniklý*, то они расположены после определяемого слова (*jméno vyslovené podrážděným hlasem*; *nápad vzniklý při kamarádském tlachání*).

Следует отметить, что данная зависимость характерна прежде всего для перфективных полных причастных форм на *-ný/-tý*. Что же касается полных причастных форм на *-lý*, то хотя в большинстве случаев одиночный препозитивный причастный атрибут с подобными формами выполняет непропозитивную семантико-синтаксическую функцию, его пропозитивное функционирование также не исключено. Ср.:

5. *Bartoš se probíral došlými přihláškami...* (Otč 240) ‘Бартош разбирал поступившие заявления...’
6. *Uprchlý Gideo se skrývá v cizí-* ‘Сбежавший Гидео скрывается в рай-

necké čtvrti. (Plud 414)

оне, отведенном для проживания иностранцам’.

Таким образом, общая для перфективных полных причастных форм закономерность, согласно которой пропозитивно употребленный причастный атрибут расположен после определяемого слова, а непропозитивно употребленный — перед определяемым словом, проявляется у перфективных полных причастных форм на *-lý/-lý* более последовательно, чем у полных причастных форм на *-lý*. Стоящее перед определяемым словом нераспространенное полное причастие на *-lý* способно функционировать как непропозитивно (пример 4) так и пропозитивно (примеры 5 и 6).

Наличие или отсутствие при полной причастной форме распространителя само по себе не может рассматриваться в чешском языке в качестве критерия определения семантико-синтаксического функционирования причастного атрибута. Как в пропозитивной, так и в непропозитивной функции способны выступать как распространенные, так и нераспространенные причастия. Тем не менее определенная зависимость между типом семантико-синтаксического употребления причастного атрибута и наличием, а также характером возможных причастных распространителей все же обнаруживается. Это касается прежде всего полных причастных форм, мотивируемых прямо или косвенно переходными глаголами, так как в этом случае речь идет о факультативности или облигативности выражения субъекта и объекта причастного действия. Ср.:

1. ...*téměř ke každému krátkému tvaru je odpovídající tvar dlouhý...* (Mluv II, 75)

‘...почти для каждой краткой формы имеется соответствующая полная форма...’

2. *Julinka byla snad skutečně přesvědčena, že tento její dobrodinec, který nemá sice postavu odpovídající jeho velikosti, nemůže nikomu a v ničem prohrát.* (Kap 334)

‘Юленька была, кажется, и в самом деле уверена в том, что этот ее благодетель, хотя его фигура и не соответствовала его величию [букв. который пусть и не имеет фигуры, соответствующей его величию], не может никому и ни в чем проиграть.’

3. *[Brych] přibouchl za sebou s odporem dveře nenáviděného bytu.* (Otč 385)

‘[Брих] с силой захлопнул дверь ненавидимой [букв. ненавидимой] квартиры’.

4. *Vánoce se slavily v Hrušově od té doby, co strýc Jáchym emigroval. Slovo nenáviděné babičkou, která si přes všechny nezpůsoby doby a nepřízeň osudu podržela vlastenecké cítění obrozenecké* (ΔΔ1 63)

‘Рождество отмечалось в Грушове с тех пор, как дядя Иоахим эмигрировал. Слово, ненавидимое бабушкой, которая сохранила, несмотря на все превратности судьбы и грубость нравов, патриотическое чувство старой чеканки’.

ražby... (Adl 63)

5. *Zorničky ani nezamžikaly, ale unavený hlas odpověděl na položenou otázku.* (Rosen 48)

‘Зрочки не шелохнулись, однако усталый [букв. утомленный] голос спокойно ответил на заданный вопрос’.

6. *Slyšely zvony a pískání lokomotiv, potkávaly lidi unavené jízdou ve vlaku.* (Adl)

‘Они слышали колокольчик кондуктора и паровозные гудки, встречали людей, утомленных поездкой’.

В приведенных примерах представлены три полные причастные формы, мотивируемые прямо или косвенно переходными глаголами: *nenáviděný*, *unavený* и *odpovídající*. В примерах 2, 4 и 6 эти полные причастные формы обладают причастными распространителями и функционируют пропозиционно. В примерах же 1, 3 и 5 те же формы не распространены и функционируют непропозиционно. В примерах 2, 4 и 6 основные приглагольные члены формально выражены: в примерах 2 и 4 объект причастного действия назван определяемым именем, а субъект — причастным распространителем (ср. *slovo nenáviděné babičkou* ‘слово, ненавидимое бабушкой’; *lidé unavené jízdou ve vlaku* ‘люди, утомленные поездкой’), а в примере 6, где использовано действительное причастие, субъект причастного действия назван определяемым именем, а объект — распространителем (ср. *postava odpovídající jeho velikosti* ‘фигура, соответствующая его величию’). Причастные конструкции в данных примерах выступают как реализации модели предложения, а члены этих конструкций — как вторичные реализации субъекта, объекта и предиката.

В примерах же 1, 3 и 5, в которых те же самые полные причастные формы функционируют непропозиционно, выражение основных приглагольных членов не обязательно, поэтому причастия не распространены.

Условный характер связи между распространенностью или нераспространенностью причастия и выполняемой семантико-синтаксической функцией очевиден. Рассмотренные выше закономерности не касаются по очевидным причинам действительных причастий, мотивируемых непереходными глаголами (в этом случае и производитель причастного действия, и его реципиент выражены определяемым именем). Кроме того, даже для страдательных причастий нераспространенность причастного атрибута не всегда сопровождается его непропозиционностью. Как отметила при анализе русских страдательных причастий Л.Ю. Юшина, пропозиционность страдательного причастия может сочетаться с формальной невыраженностью субъекта причастного действия в тех случаях, когда причастная конструкция рассматривается в качестве вторичной реализации неопределенноличного предложения, ср. [Юшина 1986: 20]. Чешский материал свидетельствует о том же. Ср.:

1. *Od té doby, kdy se tu [kupci] usadili a dostali povolení k založe-*

‘С той поры, как [купцы] здесь поселились и получили разрешение основать

ni vlastní čtvrti, nesmírně stoupl počet pří, žalob a udání, podaných ve snaze získat bohatství. (Plud 297)

собственный квартал, необычайно возросло количество жалоб, тяжб и доносов, поданных из корыстных соображений’.

2. *[Kapitán] si trpce pomyslel, kdy už konečně dostane slíbený třípokojový byt... (Kap 347)*

‘[Капитан] с горечью подумал о том, когда же он наконец получит обещанную трехкомнатную квартиру...’

В приведенных и подобных примерах причастная конструкция может быть рассмотрена в качестве своего рода результата номинализации неопределенно-личного предложения (*byt, který mi byl slíben* ‘квартира, которую ему пообещали’). В обоих приведенных примерах пропозиитивность причастного атрибута очевидна, несмотря на формальную невыраженность субъекта причастного действия, причем в примере 2 отсутствуют какие бы то ни было причастные распространители вообще. Поэтому ни отсутствие формально выраженного субъекта причастного действия, ни нераспространенность причастной формы не могут однозначно свидетельствовать о непропозиитивности причастного атрибута.

Анализируя связь между характером причастного распространителя и типом семантико-синтаксического функционирования причастного атрибута, следует иметь в виду, что причастный распространитель может характеризовать как глагольную, так и неглагольную сторону причастной семантики. Как отметила Л.Ю. Юшина при анализе семантико-синтаксического функционирования распространенных страдательных причастий с невыраженным субъектом причастного действия, пропозиитивно употребляющимися причастия «чаще всего сочетаются с распространителями, акцентирующими в них значение действия — темпоральными, локальными, целевыми, причинными и др.» [Юшина 1986: 21]. Что же касается обстоятельственно-определяющих распространителей с квалифицирующим значением, то они «еще более усиливают качественно-квалификативный характер семантики причастия» [Юшина 1986: 21].

Как нам представляется, данное свойство русских страдательных причастий имеет значительно более универсальный характер, так как оно основано на двойственности любого причастия. Вполне логично, что причастный распространитель, характеризуя «глагольную» или «неглагольную» сторону причастной семантики, тем самым усиливает «глагольность» или «неглагольность» причастия, обуславливая тем самым восприятие причастного признака в качестве денотативно закрепленного или в качестве денотативно не закрепленного.

Поэтому наличие темпорально-обстоятельственных, причинных и локально-обстоятельственных распространителей, усиливающих «глагольность» причастия, может в силу этого обстоятельства в какойто степени служить свидетельством пропозиитивности причастного атрибута. Ср.:

1. *Sylvii ten dům, zmodernizova-* ‘Сильвии этот дом, перестроенный ме-

ný mezi dvěma válkami, kdy se strýc ženil, připadal banální. (Adl 14)

жду двумя войнами, когда дядя женился, казался банальным’.

2. *[Pan Bacík] vylepšil vozidlo dvěma dřevěnými anděly, kteří pocházeli ze starého pohřebního vozu, zanechaného už zubu času někde za Štěchovicemi a objeveného na jednom z chvalně známých výletů...* (Mar 216)

‘[Пан Бацик] украсил автомобиль двумя деревянными ангелами от старого катафалка, брошенного на произвол судьбы где-то за Штеховицами и обнаруженно-го во время одной из пользующихся похвальной репутацией загородных экскурсий...’

3. *Dodnes se... černají zbořeniny z lesklého čediče vyvréleho kdysi v pradávnu za které si neznámé zkázy přímo z jícnu podmořské sopky...* (Plud 131)

‘И сегодня еще... чернеют развалины храма из блестящего базальта, извергнувшегося когда-то в глубокой древности при какой-то неведомой катастрофе прямо из жерла подводного вулкана...’

4. *[Mizina] rychle zavře okno a obrátí na přítele obličej pobledlý pocitem urážky.* (Otč 217)

‘[Мизина] резко закрыл окно и обернулся к приятелю с лицом, побледневшим от оскорбления’.

5. *Nekonečnou hodinu do konce prožil nad nedopitou sklenicí piva, ochablý přestálým napětím...* (Otč 271)

‘Бесконечный час до конца [собрания] он просидел над недопитой кружкой пива, ослабевший от пережитого волнения...’

6. *Strýc naopak měl k přírodě vztah člověka vyrostlého ve městě.* (Mar 220)

‘Дядюшка же, наоборот, относился к природе как человек, выросший в городе’.

В приведенных и подобных примерах темпоральные, причинные и локально-обстоятельственные распространители, определяя «глагольный» элемент семантики полной причастной формы, обуславливают пропозитивное функционирование причастной конструкции.

Что же касается всевозможных обстоятельственно-определяющих распространителей, то они нередко начинают характеризовать не само действие, передаваемое причастной формой, а некое качество или состояние, в результате осуществления данного действия возникшее. Ср.:

1. *...letně opuštěnou ulicí šly k nádraží její dcery Anna s Marií.* (Adl 128)

‘... по-летнему пустынной [букв. покинутой] улицей к вокзалу шли ее дочери — Анна с Марией’.

2. *...ale přece jen vytáhla z příručního zavazadla pečlivě vyžehlený kroj selky ze Středních Čech.* (Rosen 70-71)

‘...она все же достала из небольшого саквояжа тщательно выглаженный народный костюм крестьянки из Центральной Чехии’.

3. ... <i>pozval starý Ráž náhodného žebráka k bohatě prostřenému stolu...</i> (Otč 16)	‘...старый Раж сажал первого попавшегося нищего за богато накрытый стол...’.
4. <i>Pan Bacík si olízl zcela vyprahlé rty.</i> (Mar 179)	‘Пан Бацик облизал совершенно сухие [букв. пересохшие] губы’.
5. [<i>Mizina</i>] <i>přiměřoval si příchodího nejistým, trochu proviniłym pohledem...</i> (Otč 439)	‘[Мизина] бросал на входящих неуверенные, слегка виноватые [букв. провинившиеся] взгляды...’
6. [<i>Patera</i>] <i>vpadl dovnitř vymrzlý až na kost...</i> (Otč 160)	‘[Патера] ввалился в квартиру, промерзший до костей...’

В приведенных и подобных примерах причастный распространитель усиливает адъективный, то есть неглагольный элемент причастной семантики, глагольный же элемент существенно ослаблен.

Следует отметить, что в то время как в примерах 1, 4 и 5 причастный распространитель имеет отчетливо квалифицирующее значение и однозначно характеризует некое качество определяемого причастной формой предмета (ср. *letně opuštěná ulice* ‘по-летнему пустынная улица’; *zcela vyprahlé rty* ‘совершенно сухие губы’; *trochu proviniłym pohled* ‘слегка виноватый взгляд’), то в примерах 2, 3 и 6 причастный распространитель в принципе способен характеризовать не только результат, но и в определенной степени само действие (ср. *pečlivě vyžehlil* ‘старательно выгладить’; *vymrznout až na kost* ‘промерзнуть до костей’).

Поэтому наличие обстоятельственно-определятельных распространителей само по себе не может являться свидетельством ни пропозитивного, ни непропозитивного семантико-синтаксического функционирования причастного определения.

2. Стиливая и стилистическая значимость чешских полных причастных форм

Для адекватного рассмотрения функциональной значимости полных причастных форм чешского глагола на фоне русских причастий необходимым является, безусловно, сопоставление и их стилевой нагруженности и стилистической значимости в обоих языках.

Функционирование чешских полных причастных форм не ограничено каким-либо одним функциональным стилем. Конструкции с полными причастными формами широко представлены в художественных, научных и публицистических текстах, являясь активно используемым средством смысловой конденсации выражения. Ср.:

1. <i>Nemohlo to stát jinak než zničením několika sloupů tvůřících</i>	‘Это могло произойти только в случае уничтожения нескольких образующих

nepřerušeny řetěz... napájených sluneční energii nasbíranou za dne a doplňovanou za noci z míst, kde slunce ještě nezapadlo. (Plud 16)

2. *Rozhodující úlohu mají v tomto procesu sehrát zahájená vídeňská jednání o konvenčních ozbrojených silách. (RP 23.5.89)*

3. *Hodnocení je sémantický distinktivní rys částic hodnotících zachycující hodnotící vztah mluvčího k obsahu textu nebo jeho části. (Mluv II, 232)*

непрерывную [букв. не прерванную] цепь столбов, питаемых солнечной энергией, собранной за день и дополняемой ночью их тех мест, где солнце еще не зашло'.

'Решающую роль в этом должны сыграть начавшиеся венские переговоры по обычным вооружениям [букв. вооруженным силам]'.

'Оценка — семантический отличительный признак оценочных [букв. оценивающих] частиц, фиксирующих оценочное [букв. оценивающее] отношение говорящего к тексту или его части'.

Приведенные примеры, эксцерпированные из художественного (пример 1), публицистического (пример 2) и научного (пример 3) текста, представляют функционирование полных причастных форм как в пропозитивной (*tvůřící, napájený, nasbíraný, doplňovaný* – пример, *zahájený* – пример, *zachycující* – пример 3), так и в непропозитивной семантико-синтаксической функции (*nepřerušeny* – пример 1, *rozhodující, ozbrojený* – пример 2, *hodnotící* – пример 3).

2.1. Функциональная загруженность полных причастных форм в художественном, научном и публицистическом стилях

Несомненное сходство между сопоставляемыми языками проявляется в том, что как для современного чешского, так и для современного русского языка употребление полных причастных форм характерно для литературного языка, и прежде всего для его «письменных» стилей, тогда как в разговорной речи они встречаются довольно редко. Однако и в том случае, если мы ограничим материал исследования тремя функциональными стилями современных чешского и русского литературных языков (художественным, научным и публицистическим), нельзя не отметить существенных различий между сопоставляемыми языками, связанных как с неравной функциональной загруженностью полных причастий в разных функциональных стилях, так и с различной употребительностью в них конкретных причастных типов.

Способность причастной формы выступать в качестве средства смысловой конденсации выражения активно используется во всех трех названных функциональных стилях чешского языка, однако потребность в этой конденсации выражения обусловлена в различных функциональных стилях, как нам представляется, разными причинами. Для научного и в определенной степени для публицистического выражения потребность в компактном,

концентрированном изложении вызвана необходимостью передать в минимальном объеме максимальную информацию. В художественном же повествовании способность причастной конструкции содержать в себе в свернутом виде дополнительное смысловое ядро высказывания используется, как мы считаем, прежде всего для создания более глубокого образа действительности, охватывающего и передающего одновременно множество самых различных планов изображения. Ср.:

1. *Základem možnosti stupňovat vlastnost vyjadřovanou adjektivem je její zařazení do antonymního páru vytvořeného ze dvou protikladných vlastností **hodnocených** mluvčím a adresátem z téhož východiska.* (Mluv II, 79)

‘Возможность выражаемого именем прилагательным качества изменяться по степеням сравнения основана на его включенности в антонимическую пару, образованную двумя противоположными качествами, оцениваемыми говорящим и адресатом с одной и той же позиции’.

2. *Vychází ze mzdových podmínek v našem národním hospodářství a **předpokládaných** změn spojených s přestavbou hospodářského mechanismu, zejména **novelizovaného** zákoníku práce.* (RP 3.1.89)

‘Он исходит из условий оплаты труда в нашем национальном хозяйстве и предполагаемых изменений, связанных с перестройкой хозяйственного механизма и прежде всего с обновленны трудовым кодексом’.

3. *...byl to opravdu jen špatný překlad upřímného povzdechu velkého Johanna Wolfganga Goetha nad půvabem některé pro něho už **nevonící** květiny, povzdech **stvrzený** krásnou hudbou **rozervaného**, také už **stárnoucího** a bolestně **žasnoucího** srdce Johanna Brahmse.* (Adl 21)

‘...это и в самом деле был всего лишь плохой перевод искреннего вздоха великого Иоганна Вольфганга Гете над прелестью какого-то для него уже не благоухающего цветка, вздох, скрепленный прекрасной музыкой мятущегося, уже также стареющего и болезненно замирающего сердца Иоганнеса Брамса’.

Очевидно, что высокая степень информативной насыщенности приведенных примеров обеспечивается активным использованием в них причастных конструкций. Возможная трансформация в придаточное предложение пропозитивно употребленных полных причастных форм в приведенных примерах значительно усложнила бы их, сделав их более трудными для восприятия или даже не вполне корректными.

Концентрированность выражения с помощью причастных конструкций может достигаться во всех трех названных функциональных стилях литературного языка, однако то обстоятельство, что научное повествование должно быть всегда предельно информативным, в то время как для повествования художественного «уплотненность» выражения — лишь одно из возможных языковых средств, обуславливает, на наш взгляд, стабильность употребления причастных конструкций в научном повествовании и отсут-

ствии этой стабильности в повествовании художественном. Без сомнения, образность — такое же сущностное свойство художественного выражения, как точность и лаконизм — сущностное свойство выражения научного, тем не менее именно в данной противопоставленности научного и художественного повествований мы склонны видеть причины большей сбалансированности функционирования конструкций с полными причастными формами в научных текстах по сравнению с текстами художественными и в определенной степени по сравнению с текстами публицистическими, которые занимают, как нам представляется, своего рода промежуточное положение: необходимость экономить площадь газетной полосы сочетается с допустимостью использования некоторых языковых средств из арсенала художественного изложения.

Стабильности употребления причастий в научном повествовании способствует также регулярность их терминологического употребления. Так, на первых двухстах двадцати страницах второго тома академической «Грамматики чешского языка» [Mluvnice češtiny 1986] полная причастная форма *dominující* употреблена 50 раз (!), а соотносительная с ней по залогу форма *dominovaný* — 37 раз, в то время как большинство рассматриваемых нами полных причастных форм представлено в нашем материале двумя-тремя примерами.

Отсутствие стабильности функционирования конструкций с полными причастными формами в различающихся в жанровом отношении произведениях художественной литературы проявляется в том, что чем «легче» чтение, чем ближе язык художественного произведения к разговорной речи, тем менее оправданно в нем обилие причастий. Текст юмористической пародии на детектив М. Капека *A je to gól!* существенно менее насыщен причастиями, чем текст социально-философского романа Я. Отченашека *Občan Vrch*. В тексте романа Я. Моравцовой *Gerard je nejgrychlejší*, представляющего собой, по сути дела, поток воспоминаний главного героя, употребительность причастий минимальна. Отнюдь не перегружены полными причастными формами и богатые диалогами фантастические рассказы Л. Салая и З. Розенбаума, представленные в сборнике *Dvojnásobný dvojník*, или же роман И. Марека *Můj strýc Odysseus*. С другой стороны, причастиями изобилует как умышленно усложненное, архаизованное повествование А. Плудека *Neřítel z Atlantidy*, так и образная, насыщенная живыми картинками повесть В. Адловой *Růže z Flander*, где обилие причастий, также безусловно усложняя повествование, не делает его, тем не менее, тяжелым для восприятия.

2.2. Стилистическая значимость полных причастных форм в современном чешском языке

Полные причастные формы выступают в художественных текстах как сильное стилистическое средство. Чем ближе к разговорному стиль повествования, тем меньшее количество причастных конструкций в нем представ-

лено, и наоборот, чем сложнее текст, чем больше в нем авторских пояснений и рассуждений, тем выше в нем концентрация полных причастных форм. Информативная емкость причастных конструкций позволяет использовать их как для создания более сложного и многоаспектного образа действительности, что наблюдается в названной повести В. Адловой, так и (в сочетании с другими грамматическими и лексическими средствами) для стилизации и архаизации повествования, как в упоминаемом романе А. Плудека.

Говоря о стилистической роли полных причастных форм в современном чешском литературном языке, следует отметить еще одну особенность их стилистической значимости. В то время как полные причастные формы на *-lý*, на *-lý/-lý* и в определенной степени полные причастные формы на *-cí* стилистически нейтральны и при изменении общего количества причастных конструкций, обусловленного жанровыми особенностями художественного произведения, их количественное соотношение между собой существенным образом не меняется, полные причастные формы на *-ší* характеризуются отчетливой стилистической маркированностью. Практически каждое употребление полной причастной формы на *-ší* в художественном тексте выполняет вполне определенную стилистическую функцию, используясь как средство архаизации выражения, зачастую для создания комического эффекта. Ср.:

1. *Dalo by se to ovšem provést v kolegiální spolupráci — řekl majitel pohřebního ústavu, vznešený a důstojný ve své kanceláři stejně vznešené a důstojné. Pak zazvonil a vstoupivšímu fámulovi dal patřičné pokyn.* (Mar 113)

«Впрочем, это было бы возможно осуществить в рамках коллегиального сотрудничества», — произнес владелец похоронного бюро, величественный и полный достоинства в своей такой же величественной и полной достоинства приемной. Затем он позвонил и отдал вошедшему помощнику необходимые распоряжения.

2. *V kostele se modlilo tucet Markétek, těch ztloustlých a zestárých a tudíž zvítěživších nad úklady pekel.* (Adl 71)

‘В костеле молилась дюжина обрюзгших и постаревших и тем самым одержавших победу над дьявольскими кознями Гретхен’.

В обоих приведенных примерах употребление необычных, крайне редко используемых полных причастных на *-ší* усиливает ироничность высказывания, выражаемую и другими языковыми средствами (ср. повтор сочетания *vznešený a důstojný* в примере 1, книжные *tudíž* и *úklady pekel* в примере 2 в сочетании с неожиданностью причинно-следственных связей в примере 2 и общей слегка насмешливой манерой повествования, в которой выдержан цитируемый роман И. Марека).

Употребление полных причастных форм на *-ší* может и не иметь целью достижение комического эффекта, если оно накладывается на архаизованное, насыщенное устаревшими и устаревающими элементами повествова-

ние. Так, в фантастико-историческом романе А. Плудека *Nepřítel z Atlantidy* подобные формы употребляются без тени иронии. Ср.:

1. *Nečekaně se vynořivší nápad je jako drahokam, ježž jsme náhle zahlédli v hlíně.* (Plud 130) ‘Внезапно возникшая идея подобна драгоценному камню, вдруг увиденному нами в слое глины’.
2. *Teprve v pátém okrsku se zrak návštěvníka může setkat se stopami smíšeného obyvatelstva, potomků Atlantánů vstoupivších v manželský svazek s cizinci nebo cizinkami z území připojených k Ostrovní říši po Druhé zkáze.* (Plud 108) ‘Лишь в пятом районе взор пришельца может натолкнуться на следы смешанного населения, потомков атлантов, вступивших в супружеский союз с иностранцами или иностранками родом с территорий, присоединенных к Островной империи после Второй катастрофы’.

Как мы видим, употребление полных причастных форм на *-ší* может сопровождаться и другими средствами архаизации повествования (ср. в примере 2 усложненное *manželský svazek* вместо обычного *manželství* в сочетании с некоторой громоздкостью выражения).

А. Плудек может использовать полную причастную форму на *-ší* и в тех случаях, когда для передачи данного конкретного действия в относительном прошлом в чешском языке регулярно используется другая полная причастная форма — причастие на *-lý* или причастие на *-lý/-tý*. Ср.:

1. *Označují hranici mezi Prvním a Druhým ostrovním královstvím, kdysi samostatnými, ale již na počátku dějin se spojivšími v první svazek...* (Plud 437) ‘Они обозначают границу между Первым и Вторым островными королевствами, когда-то самостоятельными, но уже на заре истории объединившимися в первый союз’.
2. *...a odtamtud zahájit rozsáhlý útok proti vojskům Desátého z Desíti a proti spojeným Pobřežním republikám a Pasterveckým kmenům.* (Plud 437) ‘... и оттуда повести широкое наступление на войска Десятого из Десяти и на войска объединившихся Береговых республик и Кочевых племен’.
3. *Koho by neuchvátily ty... verše dávných pěvců, zachovavší se do dneška v pozdním přepise...* (Plud 65) ‘Кого же не заморозят эти... стихи древних сказителей, сохранившиеся до сегодняшнего дня в позднейших списках...’
4. *[Raketoplán] zůstal zázrakem téměř neporušený, zachovalý tak jak ho vyrobili kdysi dávno Generálové...* (Rosen 138) ‘[Ракетоплан] чудом остался почти не поврежденным, сохранившимся таким, каким его изготовили когда-то Генералы...’

В приведенных и подобных примерах употреблением стилистически маркированного причастия на *-ší* вместо стилистически нейтральных причастий на *-ný/-tý* и на *-lý* достигается эффект архаизации повествования, усиленный иными лексико-грамматическими средствами (ср. лексические показатели отнесенности содержания сообщения к глубокой древности *již na počátku dějin* — пример 1, *verše dávných pěvců* — пример 3; книжные формы *již, dávný, pěvec*).

Интерес вызывает также то обстоятельство, что в обследованном романе А. Плудека (488 страниц, около 2 тысяч полных причастных форм) мы обнаружили 5 случаев употребления причастий на *-ší*, тогда как в приблизительно равном ему по объему романе Я. Отченашека (590 страниц, около 3 тысяч полных причастных форм), где выше и «концентрация» причастий, и их общее число, — только одно причастие этого типа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ категориальной семантики полных причастных форм современного чешского литературного языка свидетельствует о следующем:

Система полных причастных форм чешского глагола распадается на две частные формальные системы, противопоставленные по категории вида и, параллельно с этим, по категории относительного (причастного) времени, при этом причастный тип на *-ný/-tý* оказывается как бы разрезанным пополам: перфективные полные причастные формы на *-ný/-tý*, характеризующиеся вместе с перфективными полными причастными формами на *-lý* и на *-ší* относительным (причастным) прошедшим временем, противопоставлены имперфективным полным причастным формам на *-ný/-tý*, характеризующимся вместе с имперфективными полными причастными формами на *-cí* относительным (причастным) настоящим временем. Ср.:

	perfektivna	imperfektivna	
	udělaný	dělaný	формы на -ný/-tý
формы на -ší	udělavší	dělající	формы на -cí
формы на -tý	přišlý	přicházející	

Видовое противопоставление полных причастных форм выступает в чешском языке и как противопоставление временное, в силу чего характерные для русской причастной системы временные оппозиции в рамках одного вида (ср. *делающий :: делавший*) или видовые оппозиции в рамках одного времени (ср. *делавший :: сделавший*) для современного чешского языка исключены. В современном русском литературном языке причастный формант задает абсолютную временную ориентацию причастной формы, а вид мотивирующего глагола — временную ориентацию относительную. В современном же чешском литературном языке, где позиции причастного форманта как показателя временной семантики ослаблены, абсолютная временная ориентация закономерно вытеснена относительной.

В современном русском языке причастия, образованные с помощью формантов *-енн-// -нн-/-т-* и *-ш-/-вш-*, характеризуются отчетливой абсолютной временной семантикой, а именно семантикой прошедшего времени. Поэтому подобные причастия совершенно справедливо называются причастиями прошедшего времени. Временная ориентация чешских полных причастных форм всегда относительна. Чешские полные причастные формы на *-ný/-tý*, мотивированные глаголами несовершенного вида, передают одновременно предикативному причастное действие во всех временных планах. В отличие от русских имперфективных страдательных причастий с формантом *-енн- // -нн-/-т-*, чешские имперфективные причастия на *-ný/-tý* не огра-

ничены планом прошлого, а поэтому являются причастиями не прошедшего, а настоящего времени.

Видо-временные оппозиции в рамках чешских полных причастных форм образуются противопоставлением:

- полных причастных форм на *-lý* и на *-cí*:
příšlý :: *přicházející*, *rozehvělý* :: *rozehvívající se*
- полных причастных форм на *-ší* и на *-cí*:
vstoupivší :: *vstupující*, *rozehvěvší se* :: *rozehvívající se*
- перфективных и имперфективных полных причастных форм на *-ný/-tý*:
přinesený :: *nesený*

Категория залога в рамках чешской системы полных причастных форм выражена противопоставлением полных причастных форм, передающих действие в пассивной перспективе (полные причастные формы на *-ný/-tý*, мотивируемые прямо или косвенно переходными глаголами совершенного и несовершенного вида), и полных причастных форм, передающих действие в активной перспективе (полные причастные формы на *-cí*, полные причастные формы на *-lý*, полные причастные формы на *-ší*, а также полные причастные формы на *-ný/-tý*, мотивируемые непереходными возвратными глаголами совершенного вида). Ср.:

	activa	passiva	
формы на <i>-cí</i>	dělající	dělaný	формы на <i>-ný/-tý</i>
формы на <i>-ší</i>	udělavší	udělaný	
		otočený	
формы на <i>-lý</i>	příšlý	zúčastněný	

Асимметрия приведенной таблицы обусловлена тем, что различные причастные типы способны вступать в различное число видо-временных и залоговых оппозиций. Практически все переходные глаголы совершенного и несовершенного вида способны мотивировать как действительные (формы на *-cí* и на *-ší*), так и страдательные (формы на *-ný/-tý*) причастия. Непереходные же глаголы именно в силу своей непереходности образовывать причастия с пассивной залоговой семантикой не могут, поэтому все полные причастные формы на *-lý* (образующиеся исключительно от непереходных глаголов), а также большая группа перфективных полных причастных форм на *-ný/-tý* типа *oposený* (образующиеся от непереходных возвратных глаголов), в оппозиции по залогу не вступают.

В то время как в современном русском языке видовые пары не которых глаголов способны образовывать все возможные в системе языка полные

причастные формы (например, *делающий, делавший, сделавший, делающий-ся, делавшийся, сделавшийся, делаемый, деланный, сделанный*), ситуация в современном чешском языке иная. Все четыре возможных в системе чешского языка причастных типа (на *-cí*, на *-lý*, на *-ší* и на *-ný/-tý*) могут мотивироваться одной и той же видовой парой лишь в том случае, если эта видовая пара образована непереходными возвратными глаголами (ср. *rozechvívat se :: rozechvět se* ‘начинать дрожать’ :: ‘задрожать’). Все полные причастия подобных глаголов закономерно характеризуются активной залоговой семантикой и не образуют залоговых оппозиций. Ср.:

<i>rozechvívající se</i>	‘начинающий дрожать’
<i>rozechvěšší se</i>	
<i>rozechvělý</i>	‘задрожавший’
<i>rozechvěný</i>	

Для того, чтобы соотносительные полные причастные формы бы ли противопоставлены по залогу, мотивирующая их видовая пара должна быть образована переходными глаголами, что исключает даже теоретическую возможность образования одного из четырех причастных типов, а именно формы на *-lý*.

Полные причастные формы на *-lý* не имеют соотносительного по залогу коррелята. Весь класс полных причастных форм на *-lý*, характеризующихся активной залоговой семантикой, противопоставлен в целом всему классу полных причастных форм на *-ný/-tý*, мотивируемых прямо или косвенно переходными глаголами и характеризующимися страдательной залоговой семантикой. Основными же залоговыми оппозициями в рамках чешских полных причастных форм являются оппозиции, образуемые противопоставлением:

- полных причастных форм на *-cí* и имперфективных полных причастных форм на *-ný/-tý*

nesoucí :: neseny

- полных причастных форм на *-ší* и перфективных полных причастных форм на *-ný/-tý*

přinesší :: přineseny

Анализ функциональной значимости полных причастных форм современного чешского литературного языка на фоне русских причастий позволяет сделать вывод о том, что системные сходства и системные различия современных чешского и русского литературных языков в области полных причастных форм в значительной степени обуславливают сходства и различия функциональные, что конкретно проявляется в следующем:

1. Двойственная глагольно-именная природа причастия обуславливает двойственность семантико-синтаксического функционирования причастных атрибутивных конструкций как в чешском, так и в русском языках. Для

обоих названных языков вполне оправданно разграничение пропозитивного типа семантико-синтаксического функционирования причастного определения, при котором актуализируется глагольная сторона причастной семантики, и непропозитивный тип, при котором на передний план выступают неглагольные, именные аспекты причастной семантики. «Пропозитивность» причастной конструкции в нашем понимании тождественна «глагольности» причастного признака, заключающейся в его денотативной закреплённости, то есть в соотносённости причастного признака с конкретной речевой ситуацией. Пропозитивно употреблённое причастное определение выступает в качестве средства репрезентации глагольной пропозиции, при этом причастный признак локализован в своем проявлении рамками описываемого события, а причастная предикативная конструкция реализует те же лексические значения мотивирующего глагола, что и конструкция предикативная.

Непропозитивно употреблённое причастное определение не является средством репрезентации глагольной пропозиции; причастие реализует при этом не глагольную, а именную сторону своей семантики. При этом причастный признак оказывается шире конкретной ситуации, в которой он проявляется, а реализующиеся лексические значения причастной формы могут выходить за рамки лексических значений мотивирующего глагола.

В обоих языках на склонность полных причастных форм к пропозитивному или непропозитивному функционированию весьма существенное влияние оказывает видовая характеристика, а также особенности лексической семантики мотивирующего глагола. Перфективные полные причастные формы (за исключением форм на *-ší*, функционирующих практически исключительно пропозитивно) обнаруживают, как правило, в целом большую склонность к непропозитивному употреблению, чем имперфективные полные причастные формы. Для большинства перфективных полных причастных форм, склонных к преимущественно непропозитивному употреблению, данное их свойство обусловлено взаимодействием перфективной видовой и лексической семантики мотивирующего глагола — признак, внесенный в предмет действием, начинает выступать как денотативно не закреплённый, вневременной признак этого предмета, как его относительно постоянное качество.

В обоих языках различие между пропозитивной и непропозитивной семантико-синтаксической функциями причастного атрибута не имеет формального выражения. Единственно надёжным показателем пропозитивности причастного определения является смысловая соотносённость причастного действия с предикативным или каким-либо иным действием высказывания или текста, так как именно подобная соотносённость и является, по нашему мнению, причиной актуализации «глагольности» причастной семантики. Что же касается расположения причастия относительно определяемого имени, а также наличия возможных причастных распространителей, то данные особенности должны привлекаться для определения выполняемой причастным определением семантико-синтаксической функции с большой осторожностью, так как однозначная связь между пре- или постпозицией причастного определения, а также распространённостью или

нераспространенностью причастия и пропозиitivностью или непропозиitivностью причастной атрибутивной конструкции отсутствует. Тем не менее следует отметить в целом несколько большую характерность препозиции для непропозиitivно функционирующих нераспространенных перфективных причастий и постпозиции — для пропозиitivно употребленных. Кроме того, о пропозиitivности причастного определения может свидетельствовать наличие причастных распространителей с объектным или субъектным значением, а также распространителей, характеризующих «глагольную» сторону причастной семантики — темпоральных, локальных, целевых, причинных и т.п.

2. Существенные различия между современными чешским и русским литературными языками в наборе возможных полных причастных форм приводят к неравной функциональной загруженности соотносительных чешских и русских причастных типов. Отсутствие в чешском языке причастий с формантом, восходящим к праславянскому суффиксу *-m-*, обуславливает существенно большую, чем в русском языке, функциональную нагруженность чешских имперфективных причастий с формантом, восходящим к праславянскому суффиксу *-n/-t-*. Полные причастные формы на *-nŭ/-tŭ* в современном чешском языке передают одновременное предикативному причастное действие во всех временных планах, а не только в плане абсолютного прошлого. Более жесткая, чем в русском, связь вида мотивирующего глагола и временной характеристики причастия ограничивает функциональные возможности чешских полных причастных форм по сравнению с русскими и усиливает тем самым функциональную значимость сопутствующих лексических и грамматических средств.

Ограничения, накладываемые на образование в современном чешском языке действительных причастий прошедшего времени, существенно снижают, по сравнению с русским, возможности передачи завершенного причастного действия в прошлом. Стилистическая и узуальная «ущербность» чешских полных причастных форм на *-šŭ* и деривационная «ущербность» чешских полных причастных форм на *-hŭ* приводят к высокой функциональной нагруженности в современном чешском языке полных причастных форм на *-nŭ/-tŭ*, мотивируемых непереходными возвратными глаголами совершенного вида.

3. В обоих языках полные причастные формы используются в художественных, научных и публицистических текстах, проявляя большую стабильность в научном повествовании и меньшую в художественном.

В плане стилистической значимости полных причастных форм различия между современными чешским и русским языками, как нам представляется, значительно превосходят сходства. Следует отметить резкую стилистическую и узуальную неравнозначность чешских полных причастных типов. Причастия на *-šŭ* заметно выделяются из общей массы чешских полных причастных форм своей «книжностью» и малоупотребительностью.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Adl	<i>Adlová V.</i> Růře z Flander. – Praha, 1976
Čap	<i>Čapek K.</i> Povídky z jedné kapsy. – Praha, 1967
Fuč	<i>Fučík J.</i> Reportáž psaná na oprátce. – Praha, 1981
Kap	<i>Kapek M.</i> A je to gól! – Praha, 1983
Kop	<i>Kopečný F.</i> Přišedší, zahynuvší — příšlý, zahynulý (Příspěvek k problému slovanského přičestí l-ového) // Славянская филология II. – М., 1958. – С. 138-163
Mar	<i>Marek J.</i> Můj strýc Odysseus. – Praha, 1979
Mluv I	Mluvnice češtiny. – Praha, 1986. Díl I.
Mluv II	Mluvnice češtiny. – Praha, 1986. Díl II.
Mor	<i>Moravcová J.</i> Gepard je nejrychlejší. – Praha, 1983
Otč	<i>Otčenášek J.</i> Občan Brych. – Praha, 1958
Plud	<i>Pludek A.</i> Nepřítel z Atlantidy. – Praha, 1981.
Respekt	Respekt, týdeník, čísla z 14.3.-30.3.1990; 18.3.-3.4.1990; 18.7.-24.7.1990; 26.9.-2.10.1990; 10.10-16.10.1990
Rosen	<i>Rosenbaum Z., Szalai L.</i> Dvojnásobný dvojník. – Ostrava, 1983
RP	Rudé právo, deník, čísla z 31.12.1988; 3.1.1989; 17.1.1989; 19.5.1989; 23.5.1989; 2.6.1989; 14.6.1989; 16.6.1989; 1.22.1990; 11.12.90
Syllaba	<i>Syllaba T.</i> Jan Gebauer. – Praha, 1986

Bibliography

1. *Акопян А.Ц.* Причастные фразеологизмы в современном русском языке // Русский язык в школе. – М., 1990. № 4. – С. 72-74.
2. *Антонова Т.И.* О признаках перехода причастий в прилагательные в современном русском литературном языке // Ученые записки Магнитогорского педагогического института. Вып. 7. – Магнитогорск, 1958. – С. 280-292.
3. *Баймут Т.В., Бойчук М.К., Волинский М.К., Жовтобрюх М.А., Самійленко С.П.* Порівняльна граматики української и російської мов. – Київ, 1961.
4. *Балалыкина Э.А.* Адъективно-причастные отношения в пределах образований с индоевропейским суффиксом ТО в славянских и балтийских языках // Bałto-słowiańskie związki językowe. – Wrocław etc., 1990. – S. 9-25.
5. *Балаж Г.* Двухкомпонентные конструкции с формами страдательных причастий в современном русском языке // Slavica Slovaca. Bratislava, 1985. С. 2. – S.142-156.
6. *Балаж Г.* Однокомпонентные конструкции с формами страдательных причастий в современном русском языке // Philologica, Bratislava, 1981. – S.5-6.
7. *Балаж Г.* Трехкомпонентные конструкции с формами страдательных причастий в современном русском языке // Slavica Slovaca. Bratislava, 1981. С. 1. – S.27-42.
8. *Бахарев А.И.* Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении: Автореф. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1972.
9. *Бахарев А.И.* О соотношении причастий и прилагательных в русском языке // Вопросы теории русского языка и методика его преподавания. Вып. 2. – Саратов, 1970.
10. *Бахарев А.И.* Причастие и отпричастные прилагательные в составе сложных слов // Язык и общество. Вып. 2. – Саратов 1970. – С. 151-155.
11. *Бедняков А.С.* Переход причастий в прилагательные // Русский язык в школе, 1947. № 2. – С. 15-32.
12. *Белова А.С.* К вопросу о действительных причастиях // Ученые записки Владимирского педагогического института. Вып. 4. – Владимир, 1958. – С. 105-122.
13. *Белова А.С.* К вопросу об употреблении действительных причастий в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1953
14. *Барнет В.* К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. – М., 1983.
15. *Берешков С.Г.* К вопросу о переходе причастий в прилагательные // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 20. – Л., 1939. – С. 69-84.
16. *Боборова Г.А.* Ограничения в сочетаемости приставки *не-* с причастиями // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Томск, 1980. – С. 66-72.

17. *Болсохоева А.Д.* Семантика причастных форм в русских говорах // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1988. – С. 140-146.
18. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. – М., 1971.
19. *Бондарко А.В.* Грамматическая категория и контекст. – Л., 1971.
20. *Бондарко А.В.* Проблемы и методы сопоставительного изучения грамматических категорий в славянских языках // Славянское языкознание. – М., 1983. – С. 34-47.
21. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. – Л., 1976.
22. *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. – Л., 1967.
23. *Боровлев А.А.* О двуединой сущности причастий // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. – Киев, 1984. № 3. – С. 65-68.
24. *Боровлев А.А.* Особенности видо-временных значений страдательных причастий в современных русском и сербохорватском языках // Вісн. Київ. ун-ту, Літературознавство, мовознавство. – Київ, 1984. Вип. 26. – С. 87-93.
25. *Боровлев А.А.* Процесс адъективации причастий в русском и сербохорватском языках // Русское языкознание. Вып. 7. – Киев, 1983. – С. 29-35.
26. *Буланин Л.Л.* О системе причастий в современном русском языке // Герценовские чтения. Филологические науки. Программа конференции, тезисы докладов. – Л., 1970. – С. 186-187.
27. *Буланин Л.Л.* Причастная форма страдательного залога в русском языке // Программа и тезисы докладов к VIII научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. – Л., 1966. – С. 20-22.
28. *Виноградов В.В.* Русский язык. – М.-Л., 1947.
29. *Вольнец Т.Н.* О типах синтаксических конструкций, допускающих замену предикативных форм глагола причастными // Русский язык. — Минск, 1990. – С. 101-116.
30. *Вострецова Г.Ю.* Нераспространенный причастный атрибут в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1990.
31. *Гераськина Т.А.* Адъективация причастий страдательного залога настоящего времени в русском и белорусском языках // Вопросы русской и белорусской грамматики и лексикологии. – Минск, 1978. – С. 27-40.
32. *Гераськина Т.А.* Сложные прилагательные с причастным компонентом в качестве второй части слова в русском и белорусском языках // Филологические исследования. – Минск, 1976. – С. 49-61.
33. *Герман М.* Отпричастные и отглагольные прилагательные в сопоставительном чешско-русском плане // Z badań kontrastów językowych. – Wrocław, 1979. – S. 59-75.
34. *Грабье В.* О полупредикативной конструкции и второстепенной предикации // Языкознание в Чехословакии. – М., 1978. – С. 232-254.
35. *Гребнев А.А.* О некоторых трудных вопросах в изучении причастий русского языка // Bulletin VŠRJL. – Praha, 1960.
36. *Гурскі М.І.* Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў. – Мінск, 1962.

37. *Делова А.С.* К вопросу о действительных причастиях // Ученые записки Владимирского педагогического института. Вып. 4. – Владимир, 1958. – С. 105-122.
38. *Демина Е.И.* К теории сопоставительных исследований // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. – М., 1990. – С. 4-13.
39. *Демьянова Е.М.* Адъективация отглагольных образований с суффиксом -нн- // Программа и тезисы докладов к VIII научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. – Л., 1966. – С. 44-46.
40. *Демьянова Е.М.* Об адъективированных причастиях // Герценовские чтения. Филологические науки. Программа конференции, тезисы докладов. – Л., 1970. – С. 183-186.
41. *Демьянова Е.М.* Особенности перехода причастий в прилагательные // Герценовские чтения. Филологические науки. Краткое содержание докладов. – Л., 1972. – С. 123-124.
42. *Демьянова Е.М.* Соотношение причастий и отглагольных прилагательных с омонимичными суффиксами и их сочетаемость с наречиями: Автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1974.
43. *Дешериева Т.И.* Лингвистический аспект категории времени // Вопросы языкознания, 1975. № 2.
44. *Диброва М.И.* Критерии выявления преобладающего признака (адъективного или процессуального) в рядах причастных определений. ЛГПУ имени А.И. Герцена, Л., 1989. – Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 40322 от 4.12. 89
45. *Донченко Г.В.* Категория времени в причастиях (на материале действительных причастий современного русского литературного языка): Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1977.
46. *Донченко Г.В.* О временной семантике причастий на *-вший* несовершенного вида // Актуальные вопросы преподавания русского языка как иностранного. – М., 1978. – С. 105-126.
47. *Донченко Г.В.* Употребление временных форм действительных причастий // Русский язык для студентов-иностранцев. – М., 1979. С. 119-122.
48. *Дружинина А.Ф.* Ограничения в образовании форм причастий в современном русском языке // Лингвистический сборник: Современный русский язык. Вып. 6. – М., 1976. – С. 50-55.
49. *Дюрович Л.* Система причастных и деепричастных форм современного русского литературного языка // *Studies in descriptive Russian Grammar.* – Heidelberg, 1983. – P. 31-51.
50. *Еськова И.А.* О написании НН-Н в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных. // Вопросы культуры речи. Вып. 7. – М., 1966.
51. *Еськова Н.А.* О слитном и раздельном написании 'не' // Вопросы русской орфографии. – М., 1964.
52. *Зайцев Л.З.* О некоторых морфологических особенностях причастий в современном русском языке // Вопросы русского и славянского языкознания. – Иваново, 1976. – С. 57- 62.

53. *Зданевич И.К.* Система ударения причастий в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1962.
54. *Иванникова Е.А.* О так называемом процессе адъективации причастий // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – М., 1974. – С. 297-304.
55. *Иванова В.Ф.* К вопросу о соотношении причастий и прилагательных в современном русском языке (прилагательные и причастия с суффиксом -м-) // Ученые записки ЛГУ. № 180. Серия филологические науки. Вып. 21. – Л., 1955. С. 73-89.
56. *Иванова В.Ф.* Отглагольные прилагательные с суффиксом -м- в современном русском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1952.
57. *Иванова В.Ф.* Переход причастий в прилагательные (на материале страдательных причастий настоящего времени) // Ученые записки ЛГУ. Вып. 61, – Л., 1962. – С. 3-26.
58. *Иванова О.Е.* Роль причастного определения в высказывании конкретного типа // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1986. – № 6. – С. 59-64.
59. *Иванова О.Е.* Семантика и функции причастного атрибута в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
60. *Истрина Е.С.* Грамматические заметки // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 20. – Л., 1939. – С. 5-19.
61. *Кавецкая Р.К.* Категория вида в действительных причастиях // Труды Воронежского университета. Т. 38. – Воронеж, 1955. – С. 129-142.
62. *Кавецкая Р.К.* К выражению залоговых значений причастия в современном русском языке // Труды Воронежского университета. Т. 42. Вып. 3. – Воронеж, 1955. – С. 80-82.
63. *Кавецкая Р.К.* Наблюдения над временными значениями действительных причастий современного русского языка // Труды Воронежского университета. Т. 29. – Воронеж, 1954. – С. 137-171.
64. *Калакуцкая Л.П.* Адъективация причастий в современном русском литературном языке. – М., 1971.
65. *Калакуцкая Л.П.* Залог в предикативных формах глагола и в причастиях // Русский язык в школе, 1968. № 6. – С. 100-103.
66. *Камынина А.А.* Об отношении деепричастия к глаголу по признаку временного значения // Исследования по славянской филологии. – М., 1974.
67. *Камынина А.А.* Связь полупредикативной функции и глагольности причастий (на материале действительных причастий) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – М., 1981. № 6. – С. 28-33.
68. *Киселев В.Н.* Синонимия отглагольных прилагательных и причастий в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1991.
69. *Князев Ю.П.* Акциональное и стательное значение конструкций с причастиями на -н, -т: Автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1986.
70. *Князев Ю.П.* Причастия на -н, -т от непереходных глаголов в русском и других славянских языках // Лингвистические исследования. – М., 1985. – С. 99-107.

71. *Ковалева Е.Ф.* Сложные прилагательные с причастной основой во втором компоненте сложения в русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1963.
72. *Козлова В.Е.* Возвратно-страдательные причастия в современном русском литературном языке // Ученые записки МГПИ. № 216. 1964. – С. 81-98.
73. *Козлова В.Е.* Возвратные причастия (причастия с суффиксом -ся) в современном русском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1965.
74. *Козлова Л.К.* Роль причастия в создании образа научно-технического текста (на примере текстов по электронике) // Семантические аспекты синтаксиса. – М., 1989. – С. 110-115.
75. *Козулин Н.М.* Русские отыменные образования причастного типа // Вопросы языкознания, 1960. № 1. – С. 65-67.
76. *Коновалова Л.И., Ахметзянова Г.Г.* Причастие в 'Евгении Онегине' Пушкина // Русский глагол (функционирование и развитие). – Казань, 1989. – С. 52-56.
77. *Копецкий Л.В.* Морфология современного русского литературного языка. – Прага, 1981.
78. *Корнилов В.А.* Два типа причастных оборотов, относящихся к подлежащему // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-на-Дону, 1971. – С. 92-101.
79. *Корнилов В.А.* Эсперантское причастие как проблема общей и сравнительной партиципологии // Ученые записки Тарт. государственного университета. – Тарту, 1989. Вып. 858. №6. – С. 123-133.
80. *Краснов И.А.* Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1955.
81. *Краснов И.А.* Пути перехода причастий в прилагательные // Русский язык в школе, 1957. № 6. – С. 20-25.
82. *Краюшкина В.Ф.* Лексические значения отглагольных прилагательных с суффиксом -л- в русском и украинском языках // Лексико-фразеологические исследования русского языка. – Фрунзе, 1982. – С. 28-36.
83. *Кротова В.Н.* Переход причастий в другие части речи // Русский язык в школе. 1955. № 4. – С. 7-10.
84. *Кржижкова Е.* Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1962. № 3.
85. *Кржижкова Е.* Понятие нейтрализации в морфологии // Языкознание в Чехословакии. – М., 1974.
86. *Кортаева Э.И.* К истории русских причастных оборотов // Ученые записки ЛГУ. № 322. Исследования по грамматике русского языка. – Л., 1963 – С. 80-94.
87. *Кортава Т.В.* Причастные формы в приказном языке XVII в.: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1989.
88. *Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. – М., 1989. – С. 63-81.
89. *Кудрявский Д.Н.* К истории русских деепричастий (деепричастия прошедшего времени). – Юрьев, 1916.

90. Кузнецов П.С. К вопросу о сказуемости употреблении причастий и деепричастий в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 3. – Москва- Ленинград, 1949.

91. Кузьмина И.Б. Предикативное употребление причастий в русских говорах: Автореф. ... доктора филол. наук. – М., 1972.

92. Лебедь С. А. Глагольная лексика иноязычного происхождения в славянской видовой системе (к принципам сопоставительного анализа) // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. – М., 1990. – С. 69-80.

93. Лешка О. История причастий в русском языке до XV века: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1956.

94. Лешка О. Иерархия ярусов строя языка и их перекрывание // Единицы различных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969.

95. Лилич Г.А. К вопросу о взаимодействии чешского и русского языков // Ученые записки ЛГУ. Серия филологические науки. Вып. 64, № 316. – Л., 1962.

96. Лисина Н.М. Действительное причастие как компонент семантической структуры предложения // Предложение и его структура в языке. – М., 1986. – С. 74-83.

97. Лисина Н.М. Синтаксические функции действительных причастий в позиции согласованного определения: коммуникативный аспект // Ученые записки Тарт. университета. Вып. 715. Функциональные аспекты грамматики русского языка. – Тарту, 1985. С. 75-87.

98. Ломтев Т.П. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (Морфология). – М., 1961.

99. Ломтева В.Е. Адъективация причастий в современном русском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1954.

100. Ломтева В.Е. Отпричастные наречия в современном русском литературном языке // Тезисы докладов научной конференции Саратовского педагогического института. – Саратов, 1955. – С. 81.

101. Лопатин В.В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания, 1966. № 5. – С. 37-47.

102. Лукин М.Ф. О степенях сравнения причастий, перешедших в прилагательные // Русский язык в школе, 1958. № 4. – С. 20-24.

103. Лукин М.Ф. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – Киев, 1965.

104. Лукин М.Ф. Переход причастий в существительные // Русский язык в школе. – М., 1957. № 4. – С. 43-46.

105. Лукин М.Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1986. № 3. – С. 49-56.

106. Лукин М.Ф. О степенях сравнения причастий, перешедших в прилагательные // Русский язык в школе. – М., 1958. №4. – С. 20-24.

107. Луценко Н.А. Об изучении вида и других категорий причастия: Заметки о состоянии и перспективах // Ученые записки Тарт. университета. Вып. 439. Вопросы русской аспектологии. – Тарту, 1978. – С. 89-110.

108. *Мачай Т.* Некоторые заметки по адъективации причастий // *Ruština v teorii a praxi*. – Praha, 1984. С. 4.
109. *Милейковская Г.М.* К истории действительных причастий настоящего времени в русском языке // *Русский язык в школе*, 1958, № 4. – С. 14-19.
110. *Маркарян Р.А.* Страдателный залог и страдателные обороты в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1952.
111. *Менделец Н.М.* Об условиях употребления определительных придаточных предложений, соотносительных с причастными оборотами // *Нормы современного литературного словоупотребления*. – М.-Л., 1966.
112. *Мучник И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М., 1971.
113. *Некрасов Н.П.* О значении форм русского глагола. – СПб, 1865.
114. *Нелисов Е.* Причастные формы в русском языке // *Русский язык в эстонской школе*. – Таллинн, 1982. № 4. – С. 8-12.
115. *Немченко Е.В.* Именные формы действительных причастий в древнейших памятниках чешского языка // *Ученые записки Института славяноведения АН СССР*. Т. IX. – М., 1955. – С. 225-251.
116. *Нещименко Г.П.* Тенденция окачествления и ее влияние на словообразование прилагательных // *Slovo a slovesnost*. – Praha, 1972. – S. 204-208.
117. *Никифорова И.Б.* К вопросу о лексико-грамматическом значении бесприставочных прилагательных на -лый в современных восточнославянских языках // *Материалы XII межвузовской зональной конференции языковедов Среднего и Нижнего Поволжья 20-23 мая 1968 г. Краткие доклады*. – Мелекес, 1968. – С. 82-84.
118. *Одинцова И.В.* Употребление причастия несовершенного вида при подлежащем в зависимости от пропозитивного и временного значения предложения: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
119. *Орлова Н.Д.* К истории взаимодействия форм на -мый/-ный в русском языке // *Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания*. Ч.2. – Киев, 1982. – С. 48-55.
120. *Осенмук Л.П.* Причастие страдателного залога несовершенного вида в русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1979.
121. *Осенмук Л.П.* О грамматическом статусе образований на -нный, -тый от основ непереходных глаголов несовершенного вида // *Русский язык в школе*. 1981. № 5 – С. 52-55.
122. *Осовская В.Е.* Категория времени в причастиях // *Грамматические очерки по русскому и мордовскому языкам*. – Горький, 1976. –С. 51-64.
123. *Осовская В.Е.* Способы выражения страдателности причастиями современного русского языка // *Грамматические очерки по русскому и мордовскому языкам*. – Горький, 1976. – С. 28-50.
124. *Петрухина Е.В.* К вопросу о нейтрализации видового противопоставления // *Ceskoslovenská rusistika*. Praha, 1976. Č. 4. – S.175-178.
125. *Петрухина Е.В.* Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматической категории вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с

- русским // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. II. – Praha, 1983.
126. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М. 1956.
127. *Пинигина В., Филиппова Л.С.* Переход причастий в прилагательные // Ученые записки Свердловского педагогического института, Тюменского педагогического института. Сб. 168. Вып. 1. – Свердловск, 1971. – С. 72-77.
128. *Плотникова Е.Ф.* Причастие. – Архангельск, 1957.
129. *Подгаецкая И.М.* Субстантивированные прилагательные и причастия в специальной сфере // Ученые записки Южно-Сахалинского педагогического института. Т. 1. 1957. – С. 291-336.
130. *Прокопова Т.И.* Отглагольное прилагательное на -л- в современном русском языке // Словообразовательная номинация в термосистемах и в норме. – Владивосток, 1987. – С. 169-183.
131. *Прокопович Н.Н.* Категория вида в страдательных причастиях // Ученые записки МГПИ им. Ленина. Т. 42. Вып. 1 – М., 1947. – С. 115-130.
132. *Протченко И.Ф.* О субстантивированных прилагательных и причастиях со значением лица // Русский язык в школе, 1958. № 4. – С. 7-11.
133. *Пушкар М.А.* Исторична морфологія чеської мови. Відміна дієслів. – Львів, 1972.
134. *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в русском языке. – М., 1968.
135. Русская грамматика. – Прага, 1979 [два тома с продолжающейся нумерацией].
136. Русская грамматика. – Москва, 1980. Т. I; Т. II.
137. *Сазонова И.К.* Причастие в системе частей речи и лексико-семантическая деривация // Вопросы языкознания, 1975. № 6.
138. *Сазонова И.К.* Русский глагол и его причастные формы (толково-грамматический словарь). – М., 1989.
139. *Сигалов П.С.* К истории эловых причастий-прилагательных // Ученые записки Тарт. университета. Вып. 200. Труды по русской и славянской филологии. № 10. – Тарту, 1967. – С. 3-45.
140. *Скаличка В.* Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. – М., 1989. – С. 23-31.
141. *Смирнов Л.Н.* К вопросу о страдательных конструкциях в словацком литературном языке // Ученые записки института славяноведения АН СССР. Т. XIII. 1956. – С. 240-252.
142. *Смольска Л.Ю.* Про частимовну приналежність дієприкметника // Іноземна філологія. Львів, 1990, Вип. 99. С. 66-71.
143. *Степанченко И.И.* Причастия и прилагательные с -н- и -нн- // Русская речь, 1988. № 4. – С. 149-154.
144. *Судакова А.М.* До історії походження і розвитку дієприкметника на -L // Пробл. слов'янознавства. – Львів, 1989. Вип. 39. – С. 123-127.

145. *Таболова Г.А.* Образование причастий (действительных) и деепричастий в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – Л., 1952.
146. *Тихонов А.Н.* Видовые значения форм причастий двувидовых глаголов // Вопросы языкознания. – Самарканд, 1967. – С. 134-142.
147. *Удалова Л.И.* Адъективированные причастия в современном русском литературном языке (на материале действительных причастий) // Ученые записки Курского педагогического института. Вып. 6. – Курск, 1957. – С. 98-121.
148. *Удалова Л.И.* Лексико-грамматические процессы при адъективации причастий (на материале действительных причастий) // Краткие очерки по русскому языку. Материалы 5-й научно-методической конференции объединения кафедр русского языка вузов Центрально-Черноземной зоны. – Воронеж, 1964. – С. 23-28.
149. *Удалова Л.И.* Синтаксические функции действительных причастий и их влияние на адъективацию // Вопросы русского языка и методики его преподавания. Материалы научно-методической конференции. – Курск, 1960. – С. 31-33.
150. *Фролова И.А.* Отглагольные прилагательные на -лый/-лѹ в русском и чешском языках // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. – Воронеж, 1981. – С. 31-37.
151. *Чиркина И.П.* Особенности отглагольных прилагательных с суффиксом -л- в современном русском языке // Русский язык в школе, 1956. № 1. – С. 17-22.
152. *Чиркина И.П.* Отглагольные прилагательные с суффиксом -л- в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1954.
153. *Чуглов В.И.* Категории залога и времени у русских причастий // Вопросы языкознания, 1990. № 3. – С. 54-61.
154. *Шведова Л.Н.* Трудные случаи функционирования видов русского глагола. – М., 1984.
155. *Шелякин М.* Употребление форм вида в причастиях // Русский язык в эстонской школе. 1985. Т 2. – С. 7-10.
156. *Широкова А.Г.* Методологические проблемы сопоставительного исследования близкородственных языков // Вестник МГУ. Серия 9, Филология, 1984. № 4. – С. 14-26.
157. *Широкова А.Г.* Некоторые вопросы эквивалентности в связи с транспозицией форм наклонения // Сопоставительное языкознание. – София, 1980. № 3. – С. 3-13.
158. *Широкова А.Г.* Некоторые теоретические принципы сопоставительного изучения языков // Вестник МГУ. Серия 9, Филология, 1978. № 6. С. 3-13.
159. *Широкова А.Г.* Проблемы сопоставительного изучения образно-экспрессивного употребления форм грамматических категорий // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. – М., 1990. – С. 15-35.
160. *Юсупов У.К.* Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988. – С. 6-11.

161. Юшина Л.Ю. Реализация субъектной валентности полных страдательных причастий в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1986.
162. Яцук Т.А. Отпричастная транспозиция как способ образования юридических терминов // Структура и функционирование единиц русского языка. – Ташкент, 1986.
163. Baláz G. Časový význam predikačne použitých krátkych tvárov príchastí minulých trpných v ruštine // Československá rusistika, Praha, 1959. Č. 2.
164. Barnet V. Participii praeteriti activi I sloves nedokonavých v ruštině // Československá rusistika, Praha, 1959.
165. Barnet V. Konfrontace a ostatní druhy polylingválního popisu // Slavica Slovaca, Bratislava, 1974. Č. 3.
166. Barnet V. K vývoji slovanských konstrukcí s participii aktivními // Slavica Pragensia, Praha 1961. Č. 3.
167. Barnet V. Ruská a česká participia aktivní // Československá rusistika, Praha, 1958. Č. 3.
168. Barnet V. Vývoj systému participií aktivních v ruštině. – Praha, 1965.
169. Barnet V., Barnetová V. O konfrontačním studiu příbuzných jazyků // Slavica Pragensia. – Praha, 1962.
170. Bartoš F. Mluvnice jazyka českého pro školy střední a ústavy učitelské. – Brno, 1886. D. II.
171. Bartnicka B. Adjektywizacja imiesłowów w języku polskim. – Warszawa, 1970.
172. Becka J.V. Jak psát dobře a správně. – Praha, 1974.
173. Beličová-Křížková H. Ke vztahu kategorií vidu a času v spisovných slovanských jazycích // Slavia 50, 1981. – S. 121-134.
174. Damborská J. Participium I-ové ve slovanstině. – Warszawa, 1967.
175. Dvořák E. Vývoj přechodníkových konstrukcí ve starší češtině. – Praha, 1970.
176. Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. – Praha, 1929. D. IV.
177. Gebauer J. Staročeská adjektiva s koncovkami -úci, -ujúci, -ějuci utvořená ze sloves // Listy filologické. – Praha, 1887. S. 360-370.
178. Gebauer J., Ertl V. Mluvnice česká. – Praha, 1926. D. II.
179. Grepl M.-Karlík P. Skladba spisovné češtiny. – Praha, 1986.
180. Hanusová Z. K otázce překladu ruských participiálních vazeb do češtiny // Ruština v teorii a praxi. – Praha, 1984. Č. 3.
181. Hauser P. Nauka o slovní zásobě. – Praha, 1980.
182. Hausenblas K. Slovesná kategorie výsledného stavu v dnešní češtině // Naše řeč. – Praha, 1963. – S.13-28.
183. Havránek B. Genera verbi v slovanských jazycích. – Praha, 1937. D. II.
184. Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. – Praha, 1981.
185. Heřman M. Deverbativní odvozování adjektiv na -(не)мый // Československá rusistika. – Praha, 1979. Č. 3. S. 114-122.
186. Heřman M. Příspěvek k adjektivaci participií přítomných a k deverbativnímu odvozování na -тельный, -щийся, -мый // Slavica Slovaca. – Bratislava, 1979. Č. 1. S. 59-64.

187. *Horecký J.* Systém deverbativních adjektiv v slovanských jazycích // Československé přednášky pro VIII. mezinárodní sjezd slavistů. – Praha 1973.
188. *Horvath S.* K problematice vyucování ruských příčastí // Ruský jazyk, 1984/85. Č. 8. S. 355-360.
189. *Hrabě V.* Polovětné vazby a kondensace 'druhého sdělení' v ruštině a češtině. – Praha, 1964.
190. *Hrabě V.* O používání přídavných jmen slovesných přítomných a minulých tvořených od sloves nedokonavých v ruštině a češtině // Ruský jazyk. – Praha, 1955. Č. 9. S. 377-382.
191. *Ilek B.* Vyjadřování současných dějů v ruštině a češtině // Časopis pro moderní filologii. – Praha, 1951. S. 102-108.
192. *Jacobsson G.* The Slavic Active Participles: Original Structure and Interference // Scando-Slavica 9, 1963. P. 123-138.
193. *Jedlička A.* K adjektivům s významem možnosti-nemožnosti v nové češtině // Nadbitka z prac filologických. – Warszawa, 1964. T. XVIII. – S. 198-207.
194. *Jelínek M.* Syntaktická funkce verbálních adjektiv v spisovné češtině // Makedonski jazyk. – Skopje, 1981/82. – S. 297-306.
195. Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. – Praha, 1968.
196. *Kohout J.* Lexikální rozbor a popis adjektiv v ruštině a češtině. – Praha, 1971.
197. *Komárek M.* Příspěvky k české morfologii. – Praha, 1978.
198. *Kopečný F.* Slovesný vid v češtině. – Praha, 1962.
199. *Kopečný F.* Přišedší , zahynuvší — příšlý, zahynulý (Příspěvek k problému slovanského přičestí I-ového) // Славянская филология. – М., 1958. Вып. 2. С. 138-163.
200. *Kovaliv P.* The Development of Verbal Adjectives with the Formant -nt- in Slavonic Languages // The Slavonic and East Review 35, 157. N. 85. –P. 562-566.
201. *Králíková K.* Pasívum v generativním popisu češtiny // Slovo a slovesnost. – Praha, 1980. Č. 2. S. 118-126.
202. *Lamprecht A. et al.* Historická mluvnice češtiny. – Praha 1986.
203. *Lamprecht A.* Historický vývoj češtiny. – Praha, 1977.
204. *Leška O.* K systémovému a funkčnímu pohledu na jazyk // Problémy marxistické jazykovědy. – Praha, 1962.
205. *Leška O., Křížková H.* Hledání optimálního modelu lingvistického popisu // Československá rusistika. – Praha, 1974. Č. 2. – S.57-64.
206. *Leška O., Kurimský A.* O konfrontační metodě v jazykovědě // Československá rusistika. – Praha, 1962. Č. 4. S. 207- 210.
207. Mluvnice češtiny. – Praha, 1986. D. I; D. II; Praha, 1987. D. III.
208. *Pitha P.* K otázce valence u adjektiv // Slovo a Slovesnost. – Praha, 1982. Č. 2.
209. Podrobná mluvnice jazyka českého v redakcích z r. 1809 a 1819. – Praha, 1940.
210. *Popela J.* K porovnávací typologické charakteristice současné ruštiny a češtiny // Československá rusistika. – Praha, 1988. Č. 2. S. 49-55.

211. *Sedláček J.* K otázce slovanských participií praesentis activi a praeteriti activi I // *Slavia* 23. – Praha, 1954. – S. 509-526.
212. *Šmilauer V.* Nauka o českém jazyce. – Praha, 1972.
213. *Šmilauer V.* Novočeská skladba. – Praha, 1966.
214. *Šmilauer V.* Novočeské tvoření slov. – Praha, 1971.
215. *Štícha F.* K problematice významu slovesných reflexivních forem fakultativních // *Naše řeč*. – Praha, 1975. Č. 3, S. 127-132.
216. *Štícha F.* Konkurence krátkých a dlouhých variant participiálních tvarův při sudku // *Naše řeč* 63. – Praha, 1980. Č. 1. – S. 1-14.
217. *Štícha F.* K užívání a významu dvojí formy trpného rodu v současné spisovné češtině // *Naše řeč*. – Praha, 1979. Č. 2. – S. 57-71.
218. *Štícha F.* Poznámky o staročeském pasívu // *Listy filologické*. – Praha, 1985. Roč. 108. Sv. 2. – S. 77-82.
219. *Štícha F.* Predikativní status konstrukcí s -n-/-t-ovými participií ve starší češtině // *Slavia* 55. – Praha, 1986. – S. 384-390.
220. *Trávníček F.* Historická mluvnice československá. – Brno, 1953.
221. *Trávníček F.* Mluvnice spisovné češtiny. – Praha, 1951. D. II.
222. *Vážný V.* Historická mluvnice česká. – Praha, 1970.
223. *Zatovkaňuk M.* K syntaktickým kritériím při porovnání blízké příbuzných jazyků // *Otázky slovanské syntaxe*. – Praha, 1962. – S. 135-137.
224. *Zatovkaňuk M.* Konstrukce typu читаемая книга // *Ruský jazyk* 35. – Praha, 1984/85. Č. 8. – S. 345-349.
225. *Zatovkaňuk M.* Konstrukce typu приближающаяся весна // *Ruský jazyk* 36. – Praha, 1985/86. Č. 2. – S. 55-59.
226. *Zikmund V.* Skladba jazyka českého. – Praha, 1886.
227. *Zikmund V.* Srovnání přičestí jazyka latinského s českými // *Jahresbericht des c.k. Gymnasium zu Pisek*, 1851.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Методы исследования.....	5
Русско-чешские терминологические различия.....	10
Теоретические источники.....	14
Источники фактического материала.....	22
Глава 1. Категориальная семантика чешских полных причастных форм на фоне русских.....	24
1. Образование и категориальная семантика отдельных типов полных причастных форм в современном чешском литературном языке.....	24
2. Видо-временная категориальная семантика чешских полных причастных форм.....	27
2.1. Особенности видо-временной семантики полных причастных форм на <i>-cí</i> , на <i>-ší</i> , на <i>-lý</i>	27
2.2. Видо-временная семантика полных причастных форм на <i>-ný/-lý</i>	35
2.3. Конкуренция перфективных и имперфективных полных причастных форм.....	42
3. Залоговая категориальная семантика чешских полных причастных форм.....	44
3.1. Залоговая характеристика чешских имперфективных полных причастных форм.....	45
3.2. Залоговая характеристика чешских перфективных полных причастных форм.....	47
Глава 2. Функциональная значимость чешских полных причастных форм на фоне русских.....	55
1. Семантико-синтаксическое функционирование чешских полных причастных форм на фоне русских.....	55
1.1. Понятие пропозитивного и непропозитивного семантико- синтаксического функционирования причастного определения.....	55
1.2. Общая характеристика пропозитивного и непропозитивного употребления чешских полных причастных форм.....	62
1.3. Влияние лексико-грамматических особенностей чешских полных причастных форм на их склонность к пропозитивному или непропозитивному семантико-синтаксическому функционированию.....	66
1.4. Некоторые особенности пропозитивно и непропозитивно употребленного причастного атрибута.....	71
2. Стилиевая и стилистическая значимость чешских полных причастных форм.....	78
2.1. Функциональная загруженность полных причастных форм в художественном, научном и публицистическом стилях.....	79

2.2. Стилистическая значимость полных причастных форм в современном чешском языке.....	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	84
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	90
ЛИТЕРАТУРА.....	Ошибка! Закладка не определена.

Научное издание

Изотов Андрей Иванович

Чешские атрибутивные причастия на фоне русских

Чешское название:

Česká a ruská participia složená

Технический редактор *А. В. Дьяченко*

Набор и макет *А. И. Изотов*

Формат 60*90 1/16

Усл.печ.л. 6.0

Уч.-изд.л. 6.25

Тираж 500

Заказ

119899, Москва, Воробьевы горы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, филологический факультет